

Департамент культуры
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Бюджетное учреждение
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Государственная библиотека Югры»

МАТЕРИАЛЫ
IV Лопаревских чтений
(Ханты-Мансийск, 24 октября 2013 г.)

Ханты-Мансийск
2013

От составителя

ББК 63.3(2Рос-6Хан)
М 34

СОСТАВИТЕЛЬ Т. В. Пуртова
РЕДАКТОРЫ: В. К. Белобородов, А. В. Пуртова
ОТВЕТСТВЕННАЯ
ЗА ВЫПУСК О. А. Кривошеева

М 34 **Материалы IV Лопаревских чтений**, Ханты-Мансийск, 24 октября 2013 г. / Департамент культуры Ханты-Манс. авт. окр. – Югры, Бюджет. учреждение Ханты-Манс. авт. окр. – Югры «Гос. б-ка Югры» ; [сост. Т. В. Пуртова]. – Ханты-Мансийск : Принт-Класс, 2013. – 164 с.

В сборник включены доклады, выступления участников 4 краеведческих чтений, посвященных памяти Хрисанфа Мефодьевича Лопарева (1862–1918), уроженца с. Самарово, историка, сотрудника Императорской публичной библиотеки г. Санкт-Петербурга (ныне – Российская национальная библиотека).

Материал расположен по трем блокам, в соответствии с программой чтений. В конце сборника даны фотографические материалы, иллюстрирующие некоторые доклады.

24 октября 2013 г. в г. Ханты-Мансийске прошли четвертые краеведческие чтения, посвященные Хрисанфу Мефодьевичу Лопареву (1862–1918), выходцу из с. Самарово (ныне – г. Ханты-Мансийск), историку, сотруднику Публичной библиотеки г. Санкт-Петербурга (ныне – Российской Национальной библиотеки), автору первого исследования, посвященного истории с. Самарово.

Организатором чтений является БУ «Государственная библиотека Югры». В чтениях приняли участие ученые, сотрудники библиотек, архивов, музеев, педагоги, краеведы из Ханты-Мансийска, Москвы, Екатеринбурга, Омска, Тюмени, Нижневартовска, Сургута, Нягани, Ханты-Мансийского района.

Итогом чтений является издание сборника докладов, прозвучавших на чтениях.

Материалы расположены по трем тематическим блокам:

- Хрисанф Лопарев и село Самарово: исследования и документы;
- История Югры: лица, факты, даты;
- Краеведческая деятельность библиотек, музеев и образовательных учреждений.

Участниками чтений выявлены и введены в оборот новые документы и исторические сведения об ученом Х. М. Лопареве, его семье, новая информация по истории с. Самарово, обобщен опыт современной краеведческой деятельности.

В конце сборника представлена резолюция, принятая участниками «IV Лопаревских чтений».

© Бюджетное учреждение Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Государственная библиотека Югры», издание, 2013

© Оформление, печать. ООО «Принт-Класс», 2013

ISBN 978-5-4289-0068-2

*Хрисанф Попарев
и село Самарово:
исследования
и документы*

Уроженец села Самарово Х. М. Лопарев – выдающийся российский ученый

*Людмила Сергеевна Рафиенко,
кандидат исторических наук,
г. Москва*

*«Держайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать».
(М. В. Ломоносов)*

Какими пророческими оказались слова М. В. Ломоносова о том, что на просторах России, даже в самых удаленных ее уголках, рождаются талантливые люди, которые преодолевают большие трудности, чтобы внести свой вклад в русскую культуру.

В далеком сибирском селе Самарово, что находился на севере Тобольской губернии, в бедной крестьянской семье Лопаревых родился мальчик с необыкновенной судьбой, названный Хрисанфом, который стал известным российским ученым широкого диапазона. Он был палеографом, историком и библиографом, краеведом и специалистом в области древнерусской и византийской литературы, которому принадлежит честь открытия и издания многих важных памятников древнерусской литературы. Как отмечал В. И. Срезневский, «это была фигура оригинальная, яркая и красочная, не повторяющаяся»¹.

В 1873 г. через Тобольск и село Самарово проезжал, путешествуя по Сибири, великий князь Алексей Александрович и в память этого события «самаровские и окрестные крестьяне собрали 3000 рублей с тем, чтобы на проценты с этого капитала воспитывался в Тобольской гимназии один из крестьянских мальчиков»². Первым таким стипендиатом был Хрисанф Лопарев, лучший ученик местного народного училища.

Тобольская мужская гимназия была старейшим средним учебным заведением Западной Сибири, где преподавали такие выда-

¹ Срезневский В. И. Хрисанф Мефодьевич Лопарев. Припоминания о его жизни и трудах / В. И. Срезневский // Русский исторический журнал. – 1917. – Кн. 5. – С. 327.

² Замахаев С. Н. Историческая записка о состоянии Тобольской гимназии за сто лет ее существования, 1788–1888 / С. Н. Замахаев, Г. А. Цветков. – Тобольск, 1889. – С. 319, 320.

ющиеся педагоги, как И. П. Менделеев и П. П. Ершов, о которых еще свежа была память. Х. Лопарев окончил Тобольскую гимназию в 1882 г.³ с серебряной медалью. В его аттестате зрелости было отмечено «особый интерес к древним и новым языкам». В том же году он поступил на историко-филологическое отделение Санкт-Петербургского университета.

Трудно представить, в каких материальных условиях проходили студенческие годы Х. М. Лопарева. Он не в состоянии был даже оплачивать свое обучение и вносить в Санкт-Петербургский университет за право слушать лекции 50 рублей в год или 25 рублей за полгода⁴. Лопарев получал всего 20-рублевую стипендию от Тобольского Общества вспомоществования бедным студентам Тобольской губернии. Но он готов был на все невзгоды, ведь он получил то, о чем мечтал. В последние годы жизни он отблагодарил Тобольск и на скопленные 7000 рублей учредил в местной гимназии стипендию имени Хрисанфа Лопарева для бедных учащихся⁵.

Х. М. Лопарев вспоминал, что в университете «профессор всеобщей истории В. Гр. Васильевский⁶ овладел моим вниманием с первых же шагов моей университетской жизни, то есть с осени 1882 года. Его лекции, полные содержания, продуманные и прочувствованные, произвели на меня чарующее впечатление. Я усмотрел в профессоре тонкий и пронизательный ум, ясный взгляд на явления истории; в частных беседах с ним изумлялся доброте и чуткости его к положению малообеспеченного материально собеседника... Он первый заронил во мне искру любви к Византии, и он первый направил меня на изучение ее истории. Сам он очень высоко ставил византийскую цивилизацию, особенно в отношении ее к славянским народам, и это уважение сумел он передать и мне»⁷.

³ Рафиенко Л. С. Тобольская мужская гимназия – центр культуры и просвещения / Л. С. Рафиенко // Тобольск и вся Сибирь : альманах. – Тобольск, 2012. – № 18 : Тобольску 425 лет. – С. 553, 554.

⁴ Азадовская Л. В. «Крестьянин села Самарово» / Л. В. Азадовская // Сибирские огни. – 1960. – № 8. – С. 179.

⁵ Азадовская Л. В. «Крестьянин села Самарово» / Л. В. Азадовская // Сибирские огни. – 1960. – № 8. – С. 180.

⁶ Васильевский Василий Григорьевич (1838–1895) – историк, академик Петербургской АН (1890), инициатор создания журнала «Византийский временник» (1894). Его труды посвящены истории Византии и истории русско-византийских отношений.

⁷ Лопарев Х. М. Мои первые шаги в Обществе / Х. М. Лопарев // Сборник в память князя Павла Петровича Вяземского. – СПб., 1902. – Ч. 1. – С. 13, 14.

В 1883 г. Х. Лопарев написал работу на тему «Хронографическое обозрение царствования Василия I-го Македонянина», которая была награждена серебряной медалью. В отзыве на нее В. Г. Васильевский писал, что главная заслуга Лопарева состояла в том, что «сочинение его обнаружило готовность автора к серьезным и самостоятельным занятиям и хорошее ознакомление с источниками»⁸.

Став учеником В. Г. Васильевского, Лопарев сохранил о нем до последних дней жизни «благоговейную память как о своем учителе и первоклассном ученом». Под его влиянием он усердно изучает источники Византийской истории, увлекаясь главным образом теми, которые характеризуют отношения Византии с Россией»⁹.

На последнем курсе университета «В. Г. Васильевский, близко к сердцу принявший мое безрадостное положение, озаботился устройством моим при Палестинском Обществе в качестве сотрудника при издании текстов наших древних паломников. Я отправился в Москву для занятий в архивах и монастырских библиотеках»¹⁰. В Москве – «этой сокровищнице старины» – Лопарев познакомился с И. Е. Забелиным¹¹, графиней Пр. С. Уваровой¹², Е. В. Барсовым¹³ и «вообще со многими археографами, у которых имелись свои собрания рукописей. ...Вообще мое пребывание в Москве в 1886 году

⁸ Срезневский В. И. Хрисанф Мефодьевич Лопарев. Припоминания о его жизни и трудах / В. И. Срезневский // Русский исторический журнал. – 1917. – Кн. 5. – С. 328, 329.

⁹ Срезневский В. И. Хрисанф Мефодьевич Лопарев. Припоминания о его жизни и трудах / В. И. Срезневский // Русский исторический журнал. – 1917. – Кн. 5. – С. 329.

¹⁰ Лопарев Х. М. Мои первые шаги в Обществе / Х. М. Лопарев // Сборник в память князя Павла Петровича Вяземского. – СПб., 1902. – Ч. 1. – С. 15.

¹¹ Забелин Иван Егорович (1820–1908) – историк, археолог, исследователь русского быта. Руководил раскопками скифских курганов. Председатель Общества истории и древностей российских при Московском университете. Один из организаторов Исторического музея в Москве, которому завещал свою библиотеку и собрание рукописей.

¹² Уварова Прасковья Сергеевна (урожденная княжна Щербатова) (1840–1924) – графиня, известная деятельница по русской археологии, после смерти мужа А. С. Уварова, продолжила его дело. Была председателем Императорского Московского археологического общества.

¹³ Барсов Елпидифор Васильевич (1836–1917) – фольклорист, исследователь древнерусской письменности, хранитель Румянцевского музея. Собрал большую коллекцию рукописей.

было решающим моментом, когда я, заронив в себе искру любви к Византии, сочетал ее с искрой любви к родной старине»¹⁴.

Православное Палестинское Общество, чтобы привлечь к изданию текстов русских древних памятников, оказывало молодым русским ученым, занимающимся подобными проблемами, материальную помощь своими средствами. Таким пособием пользовался и Х. М. Лопарев¹⁵.

На средства этого Общества Х. М. Лопарев в 1887 г. совершил поездки в Москву, Казань, Ростов-Ярославский и Поречье¹⁶ Московской губернии Можайского уезда – родовое имение графов Уваровых. Хозяин усадьбы Алексей Сергеевич Уваров (1825–1884/85) – граф, известный археолог, член-корреспондент и почетный член Петербургской АН, один из основателей Московского археологического общества и его первый председатель, был страстным коллекционером и библиофилом. «Библиотека Уварова и его археологические, нумизматические и художественные коллекции являются самыми богатыми частными сокровищами в России... Его Поречье – есть ценный музей, единственный на всем пространстве России по своему богатству, разнообразию и выбору – музей, который известен всем поклонникам культуры» – так выразил значение коллекции А. С. Уварова известный общественный деятель Петербурга Н. Ф. Фон-Крузе¹⁷. Собрание рукописей А. С. Уварова в Поречье, которых было «не менее 3000 ... главным образом историко-литературного содержания», посещали иностранные и русские ученые¹⁸. Так описывал коллекции А. С. Уварова в Поречье Д. И. Багалея¹⁹.

¹⁴ Лопарев Х. М. Мои первые шаги в Обществе / Х. М. Лопарев // Сборник в память князя Павла Петровича Вяземского. – СПб., 1902. – Ч. 1. – С. 15, 16.

¹⁵ Дмитриевский А. А. Императорское Православное Палестинское общество и его деятельность за истекшие четверть века, 1882–1907 / А. А. Дмитриевский. – М., 2008. – С. 406.

¹⁶ Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования, 1864–1914. – М., 1915. – Т. 2. – С. 208.

¹⁷ Фон-Крузе Н. Ф. Памяти графа А. С. Уварова / Н. Ф. Фон-Крузе // Русская старина. – СПб., 1885. – Т. 45. – № 3. – С. 112.

¹⁸ Багалея Д. И. Село Поречье и археологическая коллекция графа А. С. Уварова / Д. И. Багалея // Харьковские губернские ведомости. – 1887. – № 205 (11 авг.).

¹⁹ Багалея Дмитрий Иванович (1857–1932) – историк, профессор (1887), академик АНУССР (1919), ректор Харьковского университета. Труды по истории России и Украины XIV–XVIII вв.

Вернувшись в С.-Петербург, Лопарев продолжил изучать паломническую литературу по рукописным собраниям библиотек и опубликовал в трудах Палестинского Общества найденные им тексты «Хождений» русских паломников по святым местам Востока: Василия Познякава, инока Зосимы (1419–1422), Трифона Коробейникова (1593–1596), Антония архиепископа Новгородского (1200).

Одновременно он издал найденные им неизвестные памятники, касающиеся русско-византийских отношений: «Византийская печать с именем русской княгини» (СПб., 1891), «Алексей Комнин на Руси и в Сицилии» и др.

Х. Лопарев заинтересовался деятельностью Общества любителей древней письменности, которое возникло в 1877 г. по инициативе историка князя П. П. Вяземского и Московского предводителя губернского дворянства графа С. Д. Шереметева для публикации славяно-русских рукописей, замечательных в литературном, научном и художественном отношении. В состав общества входили историки, филологи, археографы, палеографы, византисты и литературоведы.

Воспользовавшись тем, что для Палестинского Общества он искал документы древних русских паломников, через секретаря Палестинского Общества В. Н. Хитрова познакомился с секретарем Общества древней письменности Д. Ф. Кобеко²⁰, который допустил его пользоваться обширным собранием древних рукописей Общества и разрешил посещать его заседания. «Он открыл мне двери Общества, предоставив возможность заниматься здесь рукописями...»²¹. «Родная старина стояла передо мною, и я не мог остаться равнодушным к ней, и я променял на нее сокровищницу умственных богатств, приобретенную мною за университетские годы»²².

В 1890 г. Лопарев сдал магистерский экзамен по всеобщей истории, а диссертацию на тему «Греческие жития святых как ис-

²⁰ Кобеко Дмитрий Фомич (1835–1918) – государственный деятель, историк, библиограф, член-корреспондент Академии наук, член-учредитель Императорского православного палестинского общества, директор Императорской публичной библиотеки. Писал статьи по генеалогии, искусствоведению и литературоведению. Работа «Цесаревич Павел Петрович, 1754–1796» (СПб., 1882) удостоена Уваровской премии.

²¹ Лопарев Х. М. Мои первые шаги в Обществе / Х. М. Лопарев // Сборник в память князя Павла Петровича Вяземского. – СПб., 1902. – Ч. 1. – С. 16, 17.

²² Лопарев Х. М. Мои первые шаги в Обществе / Х. М. Лопарев // Сборник в память князя Павла Петровича Вяземского. – СПб., 1902. – Ч. 1. – С. 18.

торический источник» он защитил только в 1915 г. в Юрьевском университете (Дерпт)²³.

Посещая собрания рукописей Общества любителей древней письменности, Лопарев писал: «Полюбив всей душой книжное дело Древней Руси, я увидел, что для меня открывается теперь та сфера деятельности, о которой я позволял себе иногда только мечтать»²⁴. Лопарев принял предложение Д. Ф. Кобеко по описанию собрания древних рукописей Общества любителей древней письменности. Потом ему предложили должность помощника секретаря и библиотекаря Общества, а с отставкой и уходом И. В. Помяловского с ноября 1891 г. он стал его секретарем²⁵.

Х. М. Лопарев оживил издательскую деятельность Общества любителей древней письменности. Он нашел и опубликовал несколько интересных и редких древних текстов: «Слово в великую субботу Кирилла Туровского» (1893), «Послание Митрополита Климента к смоленскому пресвитеру Фоме» (1892), «Брак Мстиславны 1122 г. и ее греческое руководство по гигиене» (1904) и многие другие, которых было более сотни. Европейскую известность ему принесла находка 1892 г. в одной псковской рукописи XV в. поэтического «Слова о погибели Русской земли» – памятника литературы XIII века, которая несла в себе следы «богатого поэтического наследия, на существование которого ясно указывает характер таких памятников, как «Слово о полку Игореве». ...Всякие новые данные, пополняющие наши в этой области, являются крупным научным событием. Г<осподину> Лопареву удалось найти незначительный по объему, но очень ценный по содержанию отрывок оставшегося до сих пор неизвестным художественного произведения XIII в. – отрывок, который должен занять видное место в истории древнерусской литературы». Автор этого произведения задумал дать «картину величия... Руси до татарского нашествия и ее ужасного состояния после него»²⁶.

²³ Сперанский М. Хрисанф Мефодьевич Лопарев (1862–1918) / М. Сперанский // Научные известия. – М., 1922. – Сб. 2 : Философия, литература, искусство. – С. 334.

²⁴ Лопарев Х. М. Мои первые шаги в Обществе / Х. М. Лопарев // Сборник в память князя Павла Петровича Вяземского. – СПб., 1902. – Ч. 1. – С. 19.

²⁵ Лопарев Х. М. Мои первые шаги в Обществе / Х. М. Лопарев // Сборник в память князя Павла Петровича Вяземского. – СПб., 1902. – Ч. 1. – С. 21–23.

²⁶ Калаш В. О «Слове о погибели русской земли». Вновь найденном памятнике литературы XIII в. / В. О. Калаш // Русские ведомости. – М., 1892. – № 285 (15 окт.). – С. 4.

Другое значительное открытие Лопарев сделал в 1895 г., опубликовав «Отрастительное писание о новоизбранном пути самоубийственных смертей». Это обширный старообрядческий трактат, направленный против самосожжения раскольников 1691 г., написанный по мнению Лопарева старцем Евфросином.

«Трактат, написанный этим обличителем самосожженцев, восполняет недостаточность сведений об этой ереси и занимает важное место в ряду других раскольничьих сочинений... для историка этот трактат, написанный языком простым и выразительным, похожим на язык протопопа Аввакума, дает целый ряд картин из религиозного быта старообрядцев»²⁷.

По словам В. И. Срезневского, «работа над рукописями, до того времени никем ... не изученными, дала возможность делать открытия ... новых дотоле неведомых произведений, и он умел пользоваться этой возможностью. Это льстило самолюбию молодого ученого, поднимало в нем дух..., возвышая в то же время его имя как исследователя в ученой среде»²⁸.

Своими находками Лопарев коснулся и истории Болгарии. Он опубликовал «Заметки по древней истории Болгарии: По поводу пересмотра Терновской надписи» (1888) и «Византийский поэт Мануил Фил: К истории Болгарии XIII–XIV вв.» (СПб., 1891).

Кроме того, Лопарев занимался библиографией. За три года он научно описал и составил перечень 624 рукописей музея Общества любителей древней письменности и издал его (СПб., 1892–1899. Т. 1–3), сделал «Описание рукописей князя П. П. Вяземского» и опубликовал их (СПб., 1892). Лопарев издал также описание книг и рукописей «Библиотеки графа С. Д. Шереметева» (СПб., 1890–1892. Т. 1–2).

У Лопарева рано возникла мысль написать «хотя бы краткую историю своей родины»²⁹. До конца дней своих он не забывал родного края, постоянно собирая материалы по истории Тобольской губернии и с. Самарово. Он любил свою родину и гордился ею. Недаром Лопарев на латинских заглавиях своих сочинений

²⁷ Т...ский С. Критика и библиография / С. Т...ский // Исторический вестник. – 1895. – Т. 62. – № 12. – С. 968, 969.

²⁸ Срезневский В. И. Хрисанф Мефодьевич Лопарев. Припоминания о его жизни и трудах / В. И. Срезневский // Русский исторический журнал. – 1917. – Кн. 5. – С. 333.

²⁹ Азадовская Л. В. «Крестьянин села Самарово» / Л. В. Азадовская // Сибирские огни. – 1960. – № 8. – С. 182.

после своей фамилии ставил «Samarovensis...»³⁰, таким образом сообщал, что он из с. Самарово. Постепенно он стал осуществлять свою мечту. В 1895 г. вышла первая его статья, посвященная 300-летию юбилею подчинения русским властям остяцкого городища князька Самара³¹. Затем вышла его книга «Самарово – село Тобольской губернии и округа. Материалы и воспоминания о его прошлом» (СПб., 1892). В книге давалось историко-этнографическое описание Самарово с приложением карты, плана и трех видов села, его хронология, начиная с первого упоминания села в Сибирской (Кунгурской) летописи, приводились воспоминания и родословные ее жителей. В книгу был включен словарь языка и говоров Самарово. Книга была отмечена положительными отзывами. Особый интерес книга Х. М. Лопарева вызвала у сибиряков.

Г. Н. Потанин³² писал 29 апреля 1894 г. своему знакомому: «Не добыли ли экземпляр «Села Самарова»? Я желал бы написать о нем заметку в «Восточное обозрение». Если нет экземпляра для подарка, пришлите на несколько дней. Возвращу»³³.

Другой сибиряк Г. В. Юдин³⁴ писал Лопареву 13 февраля 1897 г.: «С истинным интересом прочел хронику Вашего родного села, какой не имеют даже города. Большое Вам спасибо за образцовый труд, невольно вызвавший желание возможного развития по России и Сибири таких хроник, но что, однако, составляет пока одну мечту...»³⁵. В 1896 г. вышло второе издание «Самарово – село

³⁰ Срезневский В. И. Хрисанф Мефодьевич Лопарев. Припоминания о его жизни и трудах / В. И. Срезневский // Русский исторический журнал. – 1917. – Кн. 5. – С. 327.

³¹ Лопарев Х. М. Покорение Югорской земли / Х. М. Лопарев // Восточное обозрение. – Иркутск, 1895. – № 41 (24 окт.).

³² Потанин Григорий Николаевич (1835–1920) – путешественник, этнограф, фольклорист, исследователь Сибири и Центральной Азии, общественный деятель. За участие в «Обществе независимости Сибири» был заключен в тюрьму, а затем был на каторге и в ссылке. Много сделал для развития культурной жизни Сибири. Был инициатором создания ученых обществ, газет, музеев и экспедиций.

³³ Азадовская Л. В. «Крестьянин села Самарово» / Л. В. Азадовская // Сибирские огни. – 1960. – № 8. – С. 180.

³⁴ Юдин Геннадий Васильевич (1844–1912) – купец, промышленник, коллекционер-библиофил, собиратель рукописей и издатель. В 1860-х гг. собрал в Красноярске личную библиотеку из 80 тысяч томов. С 1898 г., когда дела его пошатнулись, пытался продать библиотеку, но в 1907 г. после безуспешных попыток продать ее в России, продал свое собрание в Америку, где оно вошло в состав библиотеки Конгресса в Вашингтоне. Рукописное собрание передано в Государственный архив Красноярского края.

³⁵ Азадовская Л. В. «Крестьянин села Самарово» / Л. В. Азадовская // Сибирские огни. – 1960. – № 8. – С. 180.

Тобольской губернии и округа. Материалы и воспоминания о его прошлом», изданное «благодаря просвещенному содействию Г. В. Юдина»³⁶. Книга вышла более расширенной (вместо 5 – 15 печатных листов).

В 1896 г. Лопарев ездил с научной целью в Константинополь и на Афон изучать греческие собрания рукописей, а вернувшись из поездки, получил приглашение работать в Императорской Публичной библиотеке сначала в отдел полиграфии, а затем в 1901 г. в отдел богословия, где он привел в порядок и научно описал 1216 старых книг богословского содержания. В 1904 г. он был переведен библиотекарем в отдел рукописей³⁷.

Лопарев ездил за границу, командированный для изучения рукописей то Академией наук, то Палестинским Обществом. В 1902 г. он был в Италии в гг. Генуя, Флоренции и Риме, после чего опубликовал работу «Легенды о затонувших городах» (М., 1914). Последняя его научная командировка была в 1908 г. в Псков.

В последние годы жизни Лопарев часто приезжал в Тобольск, где дарил книги в библиотеку Тобольского музея, заезжал и в Самарово, вел большую переписку со своими земляками. В Тобольске он опубликовал «Мелочи из прошлого Тобольской губернии» (Тобольск, 1909).

Хрисанф Мефодьевич уволился из Публичной библиотеки 28 июля 1916 г. по болезни, прослужив в ней 20 лет³⁸.

Лопарев был членом многих научных обществ: Общества любителей древней письменности (1897), Общества славянской взаимности Православного Палестинского Общества (1886), Московского Археологического общества (1900), Общества изучения Сибири и улучшения ее быта (1907), Русского географического общества (1907), Комиссии по научному изданию Библии, Комиссии при Синоде по пересмотру и исправлению богослужебных книг (1906), Археографической комиссии (1907)³⁹ и др.

³⁶ Азадовская Л. В. «Крестьянин села Самарово» / Л. В. Азадовская // Сибирские огни. – 1960. – № 8. – С. 180.

³⁷ Михеева Г. В. Лопарев Хрисанф Мефодьевич / Г. В. Михеева // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры. – СПб., 1995. – С. 330.

³⁸ Михеева Г. В. Лопарев Хрисанф Мефодьевич / Г. В. Михеева // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры. – СПб., 1995. – С. 331.

³⁹ Михеева Г. В. Лопарев Хрисанф Мефодьевич / Г. В. Михеева // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры. – СПб., 1995. – С. 331.

Х. М. Лопарев скончался 30 сентября 1918 г.⁴⁰ и похоронен в Петрограде на Смоленском православном кладбище⁴¹.

Подводя итоги деятельности Х. М. Лопарева, надо отметить, что он был знатоком древней письменности, и «своим кропотливым трудом, своим тщательным ... и вдумчивым исследованием источников»⁴² и ценными открытиями сделал достойнейший вклад в отечественную науку. Научным описанием рукописей, сделанных им, он дал возможность будущим ученым сориентироваться и найти источники, необходимые для исследуемых ими проблем. И, наконец, он первым показал пример, как проводить краеведческие исследования отдельного села. Охарактеризовав все эти стороны деятельности Х. М. Лопарева как ученого, можно понять, каков был его взгляд на русскую культуру.

⁴⁰ Сперанский М. Хрисанф Мефодьевич Лопарев (1862–1918) / М. Сперанский // Научные известия. – М., 1922. – Сб. 2 : Философия, литература, искусство. – С. 333.

⁴¹ Михеева Г. В. Лопарев Хрисанф Мефодьевич / Г. В. Михеева // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры. – СПб., 1995. – С. 331.

⁴² Срезневский В. И. Хрисанф Мефодьевич Лопарев. Припоминания о его жизни и трудах / В. И. Срезневский // Русский исторический журнал. – 1917. – Кн. 5. – С. 341.

Х. М. Лопарев и Императорское Православное Палестинское Общество¹

Валерий Валентинович Цысь,
профессор Нижневартковского государственного
гуманитарного университета,
доктор исторических наук,
г. Нижневартовск

Ольга Петровна Цысь,
доцент Нижневартковского государственного
гуманитарного университета,
кандидат исторических наук,
г. Нижневартовск

Уроженец с. Самарово Тобольской губернии (ныне – г. Ханты-Мансийск) Хрисанф Мефодьевич Лопарев (1862–1918) – известный специалист в области истории и культуры Византии, Древней Руси, библиограф, краевед – был тесно связан как со многими отечественными учеными-медиевистами, так и с рядом научных и общественных организаций, занимавшихся выявлением и изданием исторических источников, популяризацией исторического знания.

Ранние этапы научной биографии Хрисанфа Мефодьевича переплетаются с деятельностью Императорского Православного Палестинского Общества (далее – ИППО). В числе членов-учредителей последнего находились люди, с которыми у Х. М. Лопарева сложились доверительные отношения, выражавшиеся изначально в покровительстве, поддержке (моральной, материальной, научной) со стороны старших, более опытных коллег молодому, подающему надежды уроженцу сибирской глубинки. Впоследствии они могли перерасти в партнерские, товарищеские отношения, хотя близких друзей у Х. М. Лопарева, скорее всего, не было.

Среди тех, кто непосредственно входил в окружение Х. М. Лопарева, следует, в первую очередь, отметить его учителя В. Г. Васильевского (1838–1899). Знакомство начинающего ученого с профессором Петербургского университета Василием Григорьевичем Васильевским состоялось в конце марта 1883 г. Оно сыграло огромную роль в формировании научных интересов Х. М. Лопарева, в выборе направления его исследовательской деятельности. Постепенно взаимоотношения учителя и ученика

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-61-01001.

утратили формальный характер. В. Г. Васильевский с симпатией и сочувствием отнесся к старательному, скромному, но крайне стесненному в средствах сибиряку. С конца 1883 г. Х. М. Лопарев стал регулярно бывать в доме профессора, познакомился с его родными и близкими, вошел в круг учеников и знакомых. Приглашения на семейные обеды, вероятно, со стороны преподавателя Петербургского университета носили характер своего рода «благотворительной помощи» полуголодному юноше. О том, что контакты между учителем и учеником вышли за рамки формальных, свидетельствует тот факт, что летом 1884 и 1885 гг. Х. М. Лопарев гостил у В. Г. Васильевского на даче, занимался с его сыновьями. В 1888 г. он даже советовался с наставником по поводу предполагаемой женитьбы на Ю. М. Поповой².

Под влиянием В. Г. Васильевского происходило формирование устойчивого интереса Хрисанфа Мефодьевича к истории и культуре Византии. Совершенствование во владении греческим языком (равно как французским и немецким) открыло молодому ученому двери в мир средневековой религиозной философии, богословской, житийной литературы. Особое внимание Хрисанф Мефодьевич уделял проблемам влияния и взаимодействия византийской и древнерусской культур. В марте 1885 г. Х. М. Лопарев начал составлять «Каталог книг по истории Византии», впоследствии регулярно пополнявшийся. В этот подсобный для начинающего исследователя библиографический справочник были включены издания на латинском, французском, русском, немецком, греческом языках. Книги объединялись в один из 27 разделов: «Хронология», «География», «Нумизматика», «Критика источников», «Церковь» и т. д.³

Сближению Х. М. Лопарева с ИППО способствовало и то, что среди членов-учредителей общества был граф С. Д. Шереметьев⁴ – покровитель Хрисанфа Мефодьевича, много сделавший для финансовой поддержки молодого ученого. С 1888 г. Х. М. Лопарев

² «Искренно делюсь с Вами как с другом...»: из переписки Х. М. Лопарева Ю. М. Поповой. – Тюмень, 2011. – С. 97, 98.

³ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1644. Оп. 1. Д. 9.

⁴ Шереметьев Сергей Дмитриевич, граф (1844–1918) – историк, политический и общественный деятель, председатель Археологической комиссии (с 1900), основатель (с 1877) и председатель (с 1888) Общества любителей древней письменности, председатель Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III и мн. др. Один из членов-учредителей ИППО.

стал частым гостем в имении графа, занимался разбором его библиотеки, выполнял обязанности секретаря.

В этот же период Х. М. Лопарев познакомился с еще одним ученым, стоявшим у истоков Палестинского Общества, – директором канцелярии министерства финансов Д. Ф. Кобеко⁵. Определенную роль могло сыграть общение со студентом, позднее – приват-доцентом П. В. Безобразовым⁶, деканом историко-филологического факультета Петербургского университета И. В. Помяловским⁷.

Тем не менее, решающее значение в установлении прочных связей Хрисанфа Мефодьевича с ИППО сыграл все-таки известный византист В. Г. Васильевский. Через него в 1886 г. наладились контакты тогда еще студента 4-го курса историко-филологического факультета Петербургского университета Х. М. Лопарева с одной из ключевых фигур в Палестинском Обществе В. Н. Хитрово⁸. Предметом общих интересов двух ученых оказались поиск и издание русских хождений в Святую землю. Об этом свидетельствует уже первое письмо В. Н. Хитрово, датированное 9 мая 1886 г.:

«Милостивый Государь Хрисанф Мефодьевич. Обращаюсь к Вам с покорнейшею просьбою, не признаете ли возможным посетить меня, когда Вы признаете то для себя удобным. Так как мне желательно бы было переговорить с Вами окончательно об издании Коробейникова. Примите уверения в истинном моем почтении и совершенной преданности. В. Хитрово»⁹.

⁵ Кобеко Дмитрий Фомич (1837–1918) – историк, библиограф, член-корреспондент Петербургской Академии наук (с 1890), директор Императорской Публичной библиотеки (с 1902).

⁶ Безобразов Павел Владимирович (1859–1918) – историк, писатель. Активно сотрудничал с ИППО, членом-сотрудником которого избран 27 декабря 1883 г. Осенью 1883 г. был командирован ИППО в Турцию, Грецию и Италию для ознакомления с хранящимися в библиотеках греческими рукописями. Автор ряда работ, опубликованных на страницах «Православного Палестинского сборника» и «Сообщений ИППО». В частности, следует выделить «Проскинитарий по Иерусалиму и прочим святым местам безымянного, начала XVII века» (ППС. 1901. Т. 18. Вып. 3 (54)); «Английский путешественник о русских паломниках» (Сообщения ИППО. 1914. Т. 25. Вып. 1. С. 66–94).

⁷ Помяловский Иван Васильевич (1845–1906) – филолог, историк, профессор римской словесности. В «Православном Палестинском сборнике» публиковались его статьи, посвященные паломничеству к Святым местам в поздней античности и раннем средневековье.

⁸ Хитрово Василий Николаевич (1834–1903) – государственный и общественный деятель, писатель, ученый. Основатель и почетный член Императорского Православного Палестинского общества.

⁹ ПФА РАН. Ф. 107. Оп. 2. Д. 514. Л. 1.

Выявление, сличение, подготовка к публикации, составление научных комментариев к описанию паломничеств Трифона Коробейникова и Василия Позняка в Святую землю¹⁰ стали общей заботой двух ученых в последующие несколько месяцев.

Осуществление этого непростого замысла потребовало поездки сначала в Москву, а затем и в Казань. Официальное решение Совета ИППО о командировке Х. М. Лопарева было принято 9 июня 1886 г.¹¹ Больших усилий стоило добиться разрешения на изучение архива графа А. С. Уварова, где хранился один из списков хождений В. Позняка.

«...Думаю, что можно попробовать и отправиться Вам лично к графине¹². Например, что Вы занимаетесь по поручению Палестинского Общества и его председателя В[еликого]. К[нязя]. Сергея Александровича. Для сего последнего может она и сделает. Просите, чтоб рукопись была доставлена в Москву, куда она хочет, с тем, чтобы Вы могли только ею пользоваться. Если это не удастся, нечего делать, придется доставать ее иначе, что, однако же, сопряжено будет с большими хлопотами и тогда нечего делать придется ее доставать сюда»¹³.

Не без труда в сентябре 1886 г. Х. М. Лопареву удалось получить от графини допуск к архиву ее покойного мужа, о чем свидетельствует следующий отрывок из письма В. Н. Хитрово:

«Значит все, многоуважаемый Хрисанф Мефодьевич, с божиею помощью устроилось к лучшему и Вы попали в Поречное тайнохранилище¹⁴. Бог в помощь Вам в Ваших трудах»¹⁵.

Василий Николаевич старался вникнуть в любые мелочи, относящиеся к поиску и копированию исторических источников, связанных с Палестиной, что подтверждается его письмами:

«Все Ваше расписание будущих Ваших занятий вполне одобряю за исключением последнего пункта 11. Вернусь в Петербург.

¹⁰ Позняков (Поздняков) Василий – русский купец и путешественник. По поручению Ивана Грозного в конце 50-х – начале 60-х гг. XVI в. совершил поездку в Иерусалим и на Синай. Коробейников Трифон – русский купец, паломник и путешественник конца XVI в., участник посольств московского правительства в Царьград, на Афон и в Иерусалим в 1582 и 1593–1594 гг.

¹¹ ПФА РАН. Ф. 107. Оп. 1. Д. 99. Л. 3.

¹² Уварова Прасковья Сергеевна (1840–1924) – историк, археолог, вдова А. С. Уварова.

¹³ ПФА РАН. Ф. 107. Оп. 2. Д. 514. Л. 4–4об.

¹⁴ Т. е. библиотеку и архив одного из основателей российской археологии графа Алексея Сергеевича Уварова (1825–1884) в имении Поречье, расположенном в 36 км северо-западнее Можайска.

¹⁵ ПФА РАН. Ф. 107. Оп. 2. Д. 514. Л. 7.

Дело вот в чем, из Вашего письма вижу, что в Казани 15 списков Коробейникова, всех их если и вытребуешь, то ни за раз, а дай бог в течение года. Между тем это такое число... что нельзя обойтись без осмотра его досконального. Вот отчего мне кажется 11-й пункт нужно заменить на: отправляюсь в Казань. Первые десять пунктов оканчивайте и затем с божиею помощью поезжайте в Казань. Она и займет у Вас более одного месяца, а меж тем существенное дело будет сделано. Деньги на дорогу вышлю, когда будет подходить время. Кроме того, сообщите мне, какое количество списков имеется еще в провинциальных библиотеках и где именно по Вашим спискам...» (20 сентября 1886 г.);¹⁶

«...Моего письма к Вам в Поречье Вы, вероятно, не получили, а оно было нужное. Дело в том, что в числе Уваровских рукописей есть список Зосимы, который мне очень нужно было бы иметь, это рукопись Царского № 407. Л. 78. Что делать, в Поречье опять не поедешь. Нужно будет иначе его добывать. Нельзя ли попытаться, чтоб его достал Леонид¹⁷, и тогда можно будет списать его в Троице? Список этот нужен, потому что без него не издать Зосиму, который у меня почти совсем готов...» (5 октября 1886 г.);¹⁸

«В Синодальной библиотеке № 374 и 375 заключают в себе проскинитарий¹⁹ Суханова если не им написанный, то им исправленный. В 374 есть рисунки и план... Нельзя ли снять на тонкой бумаге один из планов и рисунков, чтоб я мог судить о них? В заключение добейтесь толку, можно ли, если Палестинское Общество обратится, получить рукопись в Питер и если можно, то к кому именно следует обратиться с просьбою о сем? Затем если бы они затруднились прислать рукопись в Общество, то не согласятся ли выслать ее в Публичную библиотеку для Палестинского Общества? В библиотеке она была бы совсем сохранна. Но это нужно предложить только когда они не согласятся прислать в Общество» (8 октября 1886 г.);²⁰

Х. М. Лопарев успешно справлялся с возложенными на него обязанностями, попутно выполняя и дополнительные просьбы В. Н. Хитрово.

¹⁶ ПФА РАН. Ф. 107. Оп. 2. Д. 514. Л. 7-7об.

¹⁷ Архимандрит Леонид (Кавелин) (1822–1891 гг.) – наместник Троице-Сергиевской лавры в 1877–1891 гг.

¹⁸ ПФА РАН. Ф. 107. Оп. 2. Д. 514. Л. 10.

¹⁹ Проскинитарий – описание паломничества в Святую землю.

²⁰ ПФА РАН. Ф. 107. Оп. 2. Д. 514. Л. 12об–13.

«Вы с такою энергиею, многоуважаемый Хрисанф Мефодьевич, работаете, что я даже не успеваю Вам отвечать и вот передо мною два Ваши письма... Слава богу, все идет удачно, сердечно радуюсь, и как видит все устраивается лучше и удобнее, чем мы предполагали. Это Вам помогают русские паломники Позняков и Коробейников, которые, наконец, благодаря Вам, увидят свет в достойном виде...».²¹

В конце 1886 г. Хрисанф Мефодьевич вернулся в Петербург с тем, чтобы приступить к обработке собранного материала и сообщить членам Палестинского Общества о результатах командировки. 28 декабря в доме графа С. Д. Шереметьева состоялось заседание отделения ученых исследований и изданий ППО, на котором был заслушан доклад Х. М. Лопарева «о рукописях Познякова и Коробейникова».²² Основные выводы, к которым пришел исследователь, состояли в том, что «первый из них [Позняков] оставался до последнего времени почти совершенно неизвестен, тогда как книга Коробейникова пользовалась громадной известностью, хотя последний паломник заимствовал свое описание почти целиком из сочинения Познякова. Кроме того, из доклада оказалось, что найдено новое, неизвестное сочинение Коробейникова, интересное во многих отношениях. А именно: описание его путешествия в 1593 году».²³

Несколькими днями ранее (23 декабря 1886 г.) на заседании отделения ученых исследований и изданий ППО Х. М. Лопарев единогласно избран секретарем отделения. В следующие месяцы Хрисанф Мефодьевич регулярно участвовал во всех мероприятиях, организуемых Православным Палестинским Обществом, присутствовал на его годовом собрании²⁴.

Общим итогом трудов Х. М. Лопарева на этом этапе стали подготовка к публикации хождений Трифона Коробейникова, иеродьякона Зосимы, Василия Познякова²⁵, участие в издании «препия» Арсения Суханова, хождения Игнатия Смолянина, трудов

²¹ ПФА РАН. Ф. 107. Оп. 2. Д. 514. Л. 14.

²² ПФА РАН. Ф. 107. Оп. 1. Д. 99. Л. 1.

²³ ПФА РАН. Ф. 107. Оп. 1. Д. 99. Л. 4.

²⁴ ПФА РАН. Ф. 107. Оп. 1. Д. 99. Л. 10.

²⁵ См.: Хождение купца Василья Познякова по святым местам Востока, 1558–1561 / под ред. Хр. М. Лопарева // Православный Палестинский сб. – СПб., 1887. – Т. 6. Вып. 3 (18); Хождение инока Зосимы, 1419–1422 / под ред. Хр. М. Лопарева // Православный Палестинский сб. – СПб., 1889. – Т. 8. Вып. 3 (24); Хождение Трифона Коробейникова, 1593–1594 гг. / под ред. Хр. М. Лопарева // Православный Палестинский сб. – СПб., 1889. – Т. 9. Вып. 3 (27).

А. А. Цагарелли. Объем выполненных работ В. Н. Хитрово оценивался в 468 страниц, или 29 $\frac{1}{4}$ печатных листов.²⁶ Помимо этого Х. М. Лопарев занимался выявлением списков и подготовкой к печати хождения Василия Гагары (работа была позднее завершена С. О. Долговым), других сочинений²⁷.

Однако в 1889 г., казалось бы, успешно развивающееся сотрудничество между В. Н. Хитрово и Х. М. Лопаревым внезапно прервалось. В конце января – начале февраля 1889 г. между двумя учеными состоялся обмен весьма резкими по содержанию, хотя и корректными по форме письмами.

Поводом для конфликта послужил финансовый вопрос. Условия выделения средств Х. М. Лопареву не были четко оговорены. Поэтому В. Н. Хитрово посчитал, что денег вполне достаточно для покрытия всех расходов за оказываемые Х. М. Лопаревым услуги. Последний же был с этим категорически не согласен. Противоположные выводы объяснялись различными принципами подсчета. Х. М. Лопарев утверждал, что он должен получать по 73 руб. в месяц, а В. Н. Хитрово исходил из того, что оплата составляет 50 руб. за печатный лист. К февралю 1889 г. Православное Палестинское Общество выплатило Х. М. Лопареву 2336 руб. Соответственно сибирский ученый полагал, что ППО ему должно, а В. Н. Хитрово был уверен, что ППО переплатило.

Помимо финансовых разногласий, определенную роль в конфликте сыграло, на наш взгляд, различие темпераментов Х. М. Лопарева и В. Н. Хитрово. Присущий Х. М. Лопареву размеренный, неторопливый стиль работы, его вьедливость, внимание к мелочам диссонировали с неумной энергией, непоседливостью секретаря Палестинского Общества. В. Н. Хитрово забрасывал своего подопечного массой поручений, давал множество советов, не всегда профессиональных, что раздражало Х. М. Лопарева (См.: Приложение № 1). Многие ему казалось мелочными придирками. Недовольство молодого ученого прорывалось даже в адресованных В. Н. Хитрово деловых письмах, посвященных сугубо научным вопросам:

«Жаль, что Общество любителей древней письменности дает мне только 30 рублей в месяц, на что жить мне почти невозможно, а то бы Бог с ним, с Палестинским, где зарекомендовать себя со стороны добросовестности труда невозможно, где рискуешь нале-

²⁶ ПФА РАН. Ф. 107. Оп. 2. Д. 514. Л. 43.

²⁷ См., напр.: Слово о некоем старце, вновь найденный памятник русской паломнической литературы XVII в. : сообщение Хрисанфа Лопарева. – СПб., 1890.

теть на уличение: этого не сказал, того не знал, то-то упустил из виду. Да помилуйте! Я все это знал и все бы написал, да мне ведь не позволяют обо всем нужном говорить...»²⁸.

Необходимо указать и на некоторую мнительность Х. М. Лопарева, из-за чего его самолюбие иногда оказывалось уязвленным по малозначительным поводам.

«...Ведь я был пешкою в руках Хитрово, — писал Хрисанф Мефодьевич, — я не смел ему делать никаких замечаний, а сделал — ну и пошло...»²⁹.

Влияние на развитие ситуации по данному сценарию могло сыграть также и поступление с 29 января 1889 г. Х. М. Лопарева на службу в Министерство народного просвещения, что предопределило изменение его интересов и планов на будущее.

Тем не менее, Х. М. Лопарев, несмотря ни на что, был уверен в прочности собственных позиций, о чем свидетельствует следующая отрывок из письма к невесте, относящегося к апрелю 1889 г.:

«Несколько дней тому назад я встретился на Невском с Коббеко, одним из главных лиц в Палестинском Обществе. Он уже стороною узнал, что у меня с Хитрово вышла пренеприятная история. Он снова переспросил меня. Будучи неприятелем Хитрово, он нашел, что я совершенно был прав, что во всем виноват Хитрово. В заключение он сказал, что непременно будет хлопотать о возвращении моем в Общество. "Нам без вас обойтись почти невозможно, мы хотим издавать переписку Востока с Россией, где встречаются греческие грамоты: кто же будет их издавать? Ведь не я же и не Хитрово, которые ничего в них не понимаем?"...»³⁰.

Однако В. Н. Хитрово нашел выход из создавшегося затруднения благодаря знакомству с греческим византинистом, секретарем Иерусалимского патриарха Никодима А. И. Пападопуло-Керамевсом³¹. Еще 1 июля 1888 г. был заключен договор, согласно которому за 2400 франков тот обязывался поставлять ежегодно 20 печатных листов неизданных текстов³². Сумма 120 франков за лист (...рублей по тогдашнему курсу) была значительно меньше той, на которую претендовал Х. М. Лопарев. В качестве же и объеме

²⁸ РГИА. Ф. 1644. Оп. 1. Д. 9. Л. 73.

²⁹ ПФА РАН. Ф. 107. Оп. 2. Д. 514. Л. 44об.

³⁰ РГИА. Ф. 1644. Оп. 1. Д. 39. Л. 68.

³¹ Пападопуло-Керамевс Афанасий Иванович (1856–1912) – историк, палеограф. По национальности – грек. Родился в семье православного священника, эконома Эфесской епархии. С осени 1890 г. жил и работал в России.

³² Лисовой Н. Н. В. Н. Хитрово – основатель Императорского Православного Палестинского Общества / Н. Н. Лисовой // Собрание сочинений и писем / В. Н. Хитрово. – СПб., 2011. – Т. 1. М. – С. 31.

работы, как показала дальнейшая деятельность А. И. Пападопуло-Керамевса, Палестинское Общество существенно не потеряло.

Этот разрыв не поставил точку в отношениях двух ученых. В 1896 г. контакты Х. М. Лопарева с В. Н. Хитрово и Палестинским Обществом возобновляются. На новом этапе сотрудничество не было столь активным, как ранее. Одно из главных событий данного периода научной деятельности Х. М. Лопарева – поездка на Афон в мае–июне 1896 г. с целью изучения рукописных собраний монастырских библиотек. Вот как об этом писал сам Хрисанф Мефодьевич:

*«Средства... даны были нам Императорским Православным Палестинским Обществом, всегда чутко отзываящимся к потребностям всякого рода путешественников по святым местам Востока: приношу ему глубокую благодарность за оказанное мне доверие».*³³

Итогом поездки стало копирование и последующее вовлечение в научный оборот ряда малоизвестных средневековых литературных памятников, таких как жития святого Лазаря Галисийского, совершившего паломничество в Палестину в XI в.; Иерусалимо-Синайского и Синайского путников XVI в.; повести об «Иорданском аскете» и мн. др.

В конце 1890-х – начале 1910-х гг. Х. М. Лопарев подготовил и издал еще несколько сочинений, посвященных паломничествам в Святую землю и Царьград. Среди них можно отметить «сказание» новгородского архиепископа Антония, русское описание Константинополя начала XIV в., анонимное Иерусалимское хождение начала XVIII в.³⁴

Подготовка публикаций опять осуществлялась в тесном контакте с В. Н. Хитрово.

«Глубокоуважаемый Хрисанф Мефодьевич, — писал секретарь ИППО 17 июля 1898 г. — Текст Антония, с божией помощью, окончен, что касается до предисловия, то я не отдавал его в печать, ожидая окончания и затем необходимости переговорить и усло-

³³ Лопарев Х. Краткий отчет о поездке на Афон летом 1896 года / Х. Лопарев. — СПб., 1897. — С. 1.

³⁴ Лопарев Х. М. Русское анонимное описание Константинополя (около 1321 г.) / Х. М. Лопарев. — СПб., 1898; Книга Паломник: сказание мест святых во Цареграде, Антония Архиепископа Новгородского, в 1200 году / под ред. Хр. М. Лопарева // Православный Палестинский сб. — СПб., 1899. — Т. 17. Вып. 3 (51); Лопарев Х. М. Мелкие заметки о Палестине / Х. М. Лопарев // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. — 1902. Т. 13. Ч. 2. № 2–3. — С. 177, 178; Лопарев Х. М. Анонимное Иерусалимское хождение начала XVIII века / Х. М. Лопарев. — СПб., 1912. Последнее из указанных произведений было посвящено автором «благочестивой памяти В. Н. Хитрово».

*виться о нем. Поэтому буду просить Вас предоставить мне окончание, а затем дня через два-три не отказать меня посетить»*³⁵.

Последнее письмо, которое В. Н. Хитрово отправил своему корреспонденту, датировано 3 октября 1902 г.³⁶ О том, что прежние разногласия остались в прошлом, свидетельствует статья Х. М. Лопарева, написанная к годовщине смерти вдохновителя создания ИППО.

*«С умилением и благодарностью прочла я ваш очерк о деятельности моего дорогого усопшего, — писала вдова В. Н. Хитрово Софья Доминиковна, — очерк, который, к крайнему сожалению, не был прочитан. Вы первый сумели такими яркими и симпатичными чертами обрисовать его удивительную твердость и непреклонность в научных вопросах»*³⁷.

Х. М. Лопарев по достоинству оценил жизненный путь, научные заслуги и других известных ученых – членов Императорского Православного Палестинского Общества – А. И. Пападопуло-Керамевса и И. В. Помяловского³⁸.

*«Глубина археологического знания при духовно-религиозном воспитании нашла себе глубокое и разностороннее применение в деятельности Православного Палестинского Общества, — отмечал Хрисанф Мефодьевич в некрологе, посвященном памяти И. В. Помяловского. — Душа и секретарь Общества В. Н. Хитрово, умевший привлекать в ряды его выдающихся ученых для издания текстов старых паломников и памятников археологии Палестины, заинтересовал покойного нашего почетного члена широтой программы и с радостью открыл ему поле деятельности»*³⁹.

Необходимо указать и на ту роль, которую сыграл Х. М. Лопарев в упрочении связей между ИППО и А. А. Дмитриевским⁴⁰.

³⁵ ПФА РАН. Ф. 107. Оп. 2. Д. 514. Л. 47.

³⁶ ПФА РАН. Ф. 107. Оп. 2. Д. 514. Л. 60.

³⁷ ПФА РАН. Ф. 107. Оп. 2. Д. 515. Л. 10б.

³⁸ Лопарев Х. М. Иван Васильевич Помяловский : некролог / Х. М. Лопарев. — СПб., 1908; Лопарев Х. М. Афанасий Иванович Пападопуло-Керамевс : некролог / Х. М. Лопарев. — СПб., 1915.

³⁹ Лопарев Х. М. Иван Васильевич Помяловский : некролог / Х. М. Лопарев. — СПб., 1908. — С. 4.

⁴⁰ Дмитриевский Алексей Афанасьевич (1856–1929) – историк, создатель школы русской исторической литургики, преподаватель Киевской духовной академии (с 1884), секретарь Императорского Православного Палестинского общества (с 1907). Автор выпущенного к 25-летию ИППО труда «Императорское Православное Палестинское общество и его деятельность за истекшую четверть века: 1882–1907 гг. Историческая записка, составленная по поручению Совета Общества» (СПб., 1907).

С будущим секретарем ИППО Хрисанф Мефодьевич познакомился еще в 1890-е гг. В 1892 г. по просьбе И. В. Помяловского Х. М. Лопарев передал для А. А. Дмитриевского издание проскинитария критского иеромонаха Арсения Каллуди⁴¹. Они встречались в Константинополе в июне 1896 г. при возвращении Х. М. Лопарева с Афона.

Активная научная работа Алексея Афанасьевича по изучению истории Византии, православия не могли не привлечь внимания. По своей инициативе или же, что более вероятно, по предложению Совета ИППО Х. М. Лопарев в начале 1904 г. обратился к А. А. Дмитриевскому с просьбой стать одним из постоянных авторов «Сообщений Императорского Православного Палестинского Общества». Вскоре был получен, хотя и содержащий определенные оговорки, но в целом положительный ответ⁴² (см. Приложение № 2).

Как известно, в дальнейшем А. А. Дмитриевский не только осуществил все изложенное в приведенном выше письме, но и начал регулярно публиковаться на страницах «Сообщений ИППО», а затем стал активнейшим сотрудником Палестинского Общества.

Таким образом, хотя в современных исследованиях, посвященных научной деятельности ИППО, о Х. М. Лопареве в лучшем случае приводится лишь краткое упоминание, вклад уроженца с. Самарово в изучение связей России и Святой земли нельзя признать малозначительным.

Конечно, вряд ли можно сказать, что Х. М. Лопарев был первым в ряду выдающихся византинистов. Не являлся он и личностью харизматической, окруженной учениками и всеобщим вниманием. Следует согласиться с В. И. Срезневским, указывавшем, что «*талантом своим он не открыл новых горизонтов в той области, которой отдался, не создал новых теорий, не поразил ученый мир новыми оригинальными гипотезами, но он подготовил путь для будущих научных исследователей своим кропотливым трудом*»⁴³. На своем научном поприще в рамках ряда специальных тем и сюжетов Х. М. Лопарев считался и считается до настоящего времени признанным и всеми уважаемым специалистом, достойно представлявшим российскую историческую науку.

⁴¹ ПФА РАН. Ф. 107. Оп. 2. Д. 366. Л. 11–11об.

⁴² ПФА РАН. Ф. 107. Оп. 2. Д. 143. Л. 1–1об.

⁴³ Срезневский В. И. Хрисанф Мефодьевич Лопарев. Припоминания о его жизни и трудах / В. И. Срезневский // Русский исторический журнал. – 1917. – Кн. 5. – С. 341.

История же его сотрудничества с ИППО является примером успешного и взаимовыгодного взаимодействия отдельного ученого с общественной организацией. Проблему можно рассматривать и в несколько ином контексте. Важно оценить не только вклад Х. М. Лопарева в изучение древнерусского паломничества на Святую землю, но и влияние самого ИППО на формирование исследовательских интересов сибирского ученого. Без всякого сомнения то внимание, которое на протяжении всей своей творческой деятельности уделял Х. М. Лопарев паломнической литературе, отдельным аспектам взаимоотношений России и Палестины обусловлено сотрудничеством с ИППО, тем более что это сотрудничество развивалось в период становления уроженца с. Самарово как ученого.

В этом состоит одна из важных заслуг Императорского Православного Палестинского Общества: в конце XIX – начале XX вв. в сравнительно узком кругу специалистов по проблемам истории Византии и Древней Руси оно являлось силой, аккумулирующей творческие способности как выдающихся деятелей науки, так и молодых перспективных исследователей.

Приложение № 1

Письмо В. Н. Хитрово Х. М. Лопареву

«30.VIII.88 [год]

Оба письма Ваши, многоуважаемый Хрисанф Мефодьевич, мною были своевременно получены.

Согласно Вашему желанию предисловие к Коробейникову в корректуре мною Вам выслано, прошу Вас по сделании в оном Ваших поправок мне оной возвратить.

Список рукописи Коробейникова, как самое его заглавие, показывает, должно составлять список, а не описание рукописей, как он у Вас составлен, поэтому пришлось многое в нем сократить.

Кроме того, Вы в нем не показали буквою Л те, из которых извлечены Вами варианты. Нужно было бы (л. 40об) отметить буквами и те списки, которые положены в основании других изданий а именно, напр., Р. для Рубановского издания, З для Забелинского и т. п. В заключение есть списки, которые с годом их написания, а потому могут быть приурочены к известному столетию XVII или XVIII, меж тем они поставлены в числе XVI–XVII или XVII–XVIII.

Оба указателя, как Зосимы, так и Коробейникова, следует желательнее дополнить, если я успею это сделать, то прекрасно, а нет — придется отложить до Вашего возвращения.

Следующие Вам за июнь, июль, август и сентябрь деньги я просил священника Гавриила Григорьевича Сретенского (неразб.) Г. Ц. Вознесения передать Вам, как Вы к нему явитесь.

Монастырь Св. Иоанна Предтечи, о котором Вы спрашивали, находится где-то в Эпире (л. 41) или Македонии, а арх. Антоний полагает, что 622 г. есть положительная описка.

Греческих книг я в Иерусалиме достать не мог, в продаже их нет, а просить патриархию я был не в состоянии, ибо находился с нею в весьма натянутых отношениях.

Прошу Вас в Москве извлечь все что нужно по издании Ионы Маленького и Василья Гогары, дабы мы могли бы их издать до марта будущего года.

Неизменно Вам преданный В. Хитрово».

Источник: ПФА РАН. Ф. 107. Оп. 2. Д. 514. Л. 40–41.

Приложение № 2

Письмо А. А. Дмитриевского Х. М. Лопареву

«Многоуважаемый Хрисанф Мефодьевич.

Благодарю за приглашение в сотрудники «Известий Императорского Православного Палестинского Общества» и охотно вступаю в ряды их, хотя заранее оговариваюсь, что я не могу быть сотрудником постоянным, ввиду чрезмерно тяжелой артиллерии моих научных занятий для издания, рассчитывающего на «широкую публику».

Я уже отправил в Общество свою речь в годичном заседании Киевского отдела Императорского Палестинского Общества под заглавием: «Архимандрит Антонин (Капустин) как деятель на пользу Православия на Востоке и в частности в Палестине». Жду оттисков этой статьи, которая объемом довольно большая. Впрочем, я еще не вполне окончил ее и намереваюсь решить занимающий меня вопрос и неправильно, по-моему, решенный: «Чем отличается арх. Антонин от арх. Порфирия Успенского?». Если найдете уместным по напечатании моей речи, поместите и эту мою статью — я к Вашим услугам. Прошу меня известить.

Если успею к августу, могу дать описание торжеств в Иерусалиме в (л. 1об) праздник Успения в Гефсимании по личным впечатлениям. Вообще думаю, что мне удастся, быть может, иногда быть полезным для издания, Вами редактируемого.

Супруга моя благодарит за память и взаимно шлет Вам свой сердечный привет, сейчас она уже в Одессе на пути к родительским пенатам в Константинополе.

С истинным почтением и преданностью имею быть Вашим покорнейшим слугою А. Дмитриевский.

Киев. 7 июня 1904 г.».

Источник: ПФА РАН. Ф. 107. Оп. 2. Д. 143. Л. 1–1об.

Тобольские родственники Х. М. Лопарева: материалы к родословной

Валерий Константинович Белобородов,
журналист, заслуженный работник
культуры Российской Федерации,
заслуженный деятель
культуры Ханты-Мансийского
автономного округа – Югры,
г. Ханты-Мансийск

Основная часть материалов для этого сообщения взята из писем к Х. М. Лопареву, хранящихся в фонде № 107 Петербургского филиала архива Российской Академии наук (ПФА РАН), отобранных Т. В. Пуртовой в дни командировки летом этого года. Использованы также письма этого же фонда, опубликованные в сборнике «Самаровский петербуржец», статья А. К. Михайленко «Тобольские родственники Х. М. Лопарева» в 13-м выпуске «Подождождника» и редакционный комментарий к ней, а также некоторые другие источники.

Выходцы из Самарово Лопаревы появились в Тобольске, по видимому, во второй половине XIX в. Ко времени поступления Хрисанфа в гимназию в 1894 г. в городе жили его тетя Мария Лаврентьевна (сестра отца) и старшая сестра Парасковья Мефодьевна (умерла 21 апреля 1912 г.), вышедшая замуж за тобольского мещанина Никиту Давыдовича Анисимова (умер 22 июля 1904 г.)¹.

Можно полагать, что наличие родственников в Тобольске сыграло не последнюю роль в пользу решения семьи отправить Хрисанфа на учебу в гимназию и, скорее всего, у Анисимовых, близости от гимназии, и жил он во время учебы в 1874–1882 гг. Вероятно также и то, что его пример оказался заразительным, и эта большая мещанская семья среднего достатка, начиная с 1880-х гг., старалась дать детям образование. В 1885 г. сын П. М. и Н. Д. Анисимовых Матвей (Матя) поступил в Омскую учительскую семинарию, Дмитрий окончил Омское техническое училище, дочь Феозва получила профессию учительницы.

В первые годы учебы Лопарева в Петербурге его связь с Тобольском укрепляло еще и то, что в городе отбывал военную службу его старший брат Илья. Письма его были немногословны, но проникнуты родственной заботой. 1 мая 1883 г. он писал:

¹ Даты даны по старому стилю.

*«Любезный братец, примите от тетенки Марьи нижайшее почтение... Тетинька посылает Вам денег три рубля и просит Вас, чтобы Вы избегали худых товарищей... Потом тетинька просила написать, какие Вы завели себе обновы».*²

Только о немногих членах семьи Анисимовых письма дают более или менее подробные сведения. Прежде всего, это племянник Хрисанфа Мефодьевича Алексей Никитич (октябрь 1870 – 2 февраля 1913). Подробности его жизни донес до нас покойный омский краевед В. Д. Конев, побывавший в 1984 г. в тобольской квартире Анисимовых и беседовавший с дочерьми Алексея Никитича Агнией Тутолминой, Павлой Благодравовой и Клавдией Хорос. По их словам отец был мастером на все руки: плотником, каменщиком, маляром, мог ремонтировать часы. Он сам построил дом, изготовил мебель. В этом доме останавливался Хрисанф Мефодьевич во время поездок на родину и обратно, за одной из комнат долгое время оставалось название «дедушкиной».³ Характеристика, содержащаяся в книге В. Д. Конева, находит подтверждение и в письмах племянника Х. М. Лопарева Петра. Когда он строил в Самарово дом на средства дяди, то советовался со своим двоюродным братом Алексеем. «Тятинька, пакли я не привез, – писал Петр 16 января 1902 г., – она сейчас в Тобольске 1 руб. 10 коп. пуд. Алеша Анисимов сказал, что к весне будет 50 или 60 коп. пуд, и я просил его взять, когда она будет подешевле, а также и гвоздей. Я советовался с Алешей, он предлагает мне план наподобие Вашего...».⁴

Алексей Никитич умер в 42 года, и вся его большая семья (в письмах нашел упоминания о восьмерых детях) осталась на попечении вдовы Татьяны Михайловны. Семья очень нуждалась, обращалась за помощью к Хрисанфу Мефодьевичу и получала ее, подтверждения этому есть в письмах Анисимовых. «Много, много помогли нам ваши деньги», – писал племянник 26 сентября 1904 г. А вот строки из письма Татьяны Михайловны 17 сентября 1915 г.: «Дорогой дяденька, письмо и деньги Ваши 35 руб. мы получили 15 сентября, за которые сердечно благодарю Вас, что Вы не забываете нас. Сколько времени прошло со смерти Алеши, давно бы надо забыть нас, но Вы еще не забыли нас... Вы помогаете поднять на ноги моих маленьких детей сирот, Вы же помогли

² ПФА РАН. Ф. 107. Оп. 2. Д. 279. Л. 6–7 об.

³ Конев В. О малой родине – с любовью. – Омск, 2004. – С. 17–19.

⁴ Самаровский петербуржец: письма сибиряков к Х. М. Лопареву. – Ханты-Мансийск, 2008. – С. 110.

поднять на ноги мне Пану и Колю, и не одна горячая молитва моя возносится ко престолу Всевышнего».

Упомянутый в письме Коля (род. октябрь 1897 г.), крестник Хрисанфа Мефодьевича, учился, как и его дядя Платон Ильич Лопарев, в Омском механико-техническом училище. Алексей Никитич писал 12 сентября 1912 г.: *«Колю приняли в техническое училище на стипендию, он выдержал лучше всех, которые держали с ним...»*.⁵ Юноша во время учения пользовался поддержкой крестного и не раз получал от него деньги. По окончании учебы он в 1915 г. поступил в Тобольске на водопроводную станцию на жалование в 35 руб., что было немалой поддержкой для семьи. Думается, что есть перспектива отыскать новые сведения о Николае Анисимове в Тобольске.

Бедность побуждала детей Алексея Никитича поскорее получить профессию. «Пана», Павла Алексеевна, выдержав экзамен в городской школе, решила подготовиться и сдать экстерном испытания на звание учительницы. 12 сентября 1912 г. отец ее сообщал дяде: *«...Нашли репетитора для Паны за 10 руб. в месяц – Писаревского, заведующего метеорологической станцией в музее»*.⁶ В следующем году она готовилась под руководством Слотвинского, имевшего высшее образование. *«Как вам, дядечка, так и леле Мите я благодарна несчетное число раз за ту материальную помощь, которую вы оказали оба в разное время при подготовке меня к званию учительницы»*, – писала Павла 25 июня 1915 г. Вскоре она получила место учительницы в с. Юровском. В марте следующего года с ревизией в ее школу приезжал инспектор Е. Ф. Соколов и нашел дела молодой учительницы вполне успешными.

Совсем немного удалось узнать о Клавдии Алексеевне благодаря тоболячке А. К. Михайленко, которую просил поискать тобольских потомков А. Н. Анисимова. Из тех, кого удалось найти Анне Константиновне, пытливым исследователем истории рода оказался Витольд Вацлавович Хорос, живущий в г. Чудово близ Санкт-Петербурга. Клавдия Алексеевна была его матерью. Он прислал свою книгу, в которой о матери есть следующие строки: *«Мать – Клавдия Алексеевна, 1903 г., из рода Анисимовых, росла в многодетной семье... Должного образования не получила (незаконченное среднее), работать начала с 15 лет конторщицей, воспитателем в детском саду и даже пробовала работать учи-*

⁵ ПФА РАН. Ф. 107. Оп. 2. Д. 18. Л. 108.

⁶ Там же. Л. 106.

*тельницей в начальной школе, но по причине скверного характера была вынуждена переqualificироваться в счетовода. Так с 1924 года до конца трудовой деятельности работала кассиром, счетоводом, бухгалтером. Умерла в 1994 г. в г. Чудово»*⁷.

Из других, еще не названных детей А. Н. и Т. М. Анисимовых встречены упоминания в письмах об Евгении, учившейся в школе, крестнике Хрисанфа Мефодьевича Андрее и Иване, старший брат Николай в письме 18 марта 1912 г. упоминает о смерти Вани.

Особенный интерес представляют письма племянницы Х. М. Лопарева, сестры Алексея Феозвы Никитичны Анисимовой, в замужестве Завадовской. Из обширного дела № 171 библиотекой получены копии всего лишь 19 писем, но и они дают довольно обширную информацию. Прежде всего по ним видно, что из всей семьи у Феозвы Никитичны были наиболее близкие отношения с Хрисанфом Мефодьевичем. От племянницы он получал подробные, доверительные письма, адресованные действительно родному и любимому человеку. Для нее важно было общение, возможность поделиться сокровенным, а вовсе не ожидание какой-либо помощи. Она даже отказывалась от предлагаемых дядей денег и подарков. Как доброго и отзывчивого человека Феозву характеризует и то, что в письмах она сообщала много подробностей жизни ее братьев, племянников, с которыми переписывалась. Видно, что ее всегда интересовала жизнь близких.

«Милый дядечка, – писала она 18 октября 1912 г., – как мы рады за Колю, что он поступил в техническое, так и выразить не могу, у него ведь желание-то сильное было как-нибудь устроиться туда; Бог даст ума и здоровья, так будет человеком... К Рождеству пошлем ему денег, чтобы он снялся и прислал нам карточку. Пана готовится на учительницу, хотя бы Господь помог ей еще устроиться на место – все же была бы поддержка своим, а то плохо же им приходится. Еще, дядечка, Вы да Матя много пособляете, а то Алеше с его здоровьем трудно бы было поднимать такую семью. Колю ждать долго, а Пана хорошо если выдержит экзамены...».

Феозва Никитична выучилась на учительницу и работала в школах сел Куминовского, Самохвалово и Куларово, в 1915 г. семья переехала в Омск. В письмах к дяде она рассказывала о школьных делах, своих детях, муже. Замуж она вышла в 1907 г. за Михаила Александровича Завадовского, служившего волостным писарем, судя по письмам, – деятельного, многим интересовав-

⁷ Хорос В. В. Чтобы потомки знали: кое-что о личной жизни. – Великий Новгород, 2011. – С. 4.

шегося человека. Он сапожничал, столярничал, вязал сети, рыбачил, охотился, занимался пчеловодством. По-видимому, это была счастливая семья.

В описи дел петербургского фонда Х. М. Лопарева я вряд ли обратил бы внимание на фамилию «Завадовский», если бы не публикация в 2008 г. в журнале «Югра» статьи омского краеведа В. П. Букреева⁸. Автор сообщает, что о Лопареве узнал от своей тети Феофилы Михайловны – дочери Феозвы Никитичны, и бегло рассказывает о представителях следующих поколений, имеющих родоначальниками Парасковью Мефодьевну и Никиту Давыдовича Анисимовых.

Похоже, что столь же добр и заботлив был брат Феозвы Матвей (Матя). Он, как уже упоминалось, учился в Омской учительской семинарии. Преподавал ли в школах – неизвестно. В 1904–1905 гг. служил на Дальнем Востоке, участвовал в русско-японской войне. В дальнейшем, по-видимому, занимался мелкой торговлей, продолжая дело отца. Матвей помог выучиться и Феозве, и племяннице Павле, поддерживая их материально. 15 апреля 1906 г., когда обдумывался вопрос, где учиться племяннику Хрисанфа Мефодьевича Платону, Феозва Никитична писала: *«Милый дядя, вы пишете о Пате, да, я также соглашусь с Матей и посоветую отправить его в Омск. Во-первых, учительская семинария расширит... его кругозор... [...] Меня воспитал и выучил Матя, а за него я обязана помочь им, чтобы облегчить его положение и отблагодарить его за его заботы обо мне»*.

С благодарностью писала Феозва Никитична дяде и об умершем брате Дмитрие, который также, как и Платон, учился в Омском техническом училище («память о нем дорога для меня и будет всегда жить в моем сердце»). Есть в ее письмах упоминания о братьях Евгении, с которым Анисимовы годами не имели связи, и Михаиле.

Готовится публикация обозреваемых писем в альманахе «Подорожник».

Есть возможность выяснения более полной картины истории этой родовой ветви, т. к. письма, которыми мы располагаем, – лишь небольшая часть того, что есть в ПФА РАН. Так, из 109 писем Завадовских в библиотеке имеется только 19. Более точные и полные материалы к родословной можно приобрести при просмотре метрических книг той тобольской церкви, к приходу

⁸ Букреев В. Хрисанф Мефодьевич Лопарев // Югра. – 2008. – № 9/10. – С. 69–71.

которой принадлежали Анисимовы. Что-то можно узнать из документов переписи населения 1897 г.

Для дальнейшего развития лопаревской темы наших чтений, безусловно, есть большие потенциальные возможности, и необходимо их использовать: искать источники финансирования новых исследовательских поездок и новых изданий, может быть, искать поддержки городской администрации. Источником тем для разработки могут быть и два изданных уже сборника писем.

Книга Х. М. Лопарева «Самарово – село Тобольской губернии и округа»: взгляд лингвиста

*Ефимова Ирина Николаевна,
библиотекарь детской библиотеки № 5
МБУ «БИС» г. Нижневартовска,
аспирант Нижневартовского
государственного университета,
г. Нижневартовск*

Книга Хрисанфа Лопарева «Самарово – село Тобольской губернии и округа: Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом» (1892, 1896, 1997) особую ценность представляет для лингвиста-диалектолога, т. к. содержит уникальный «местный» лексический материал: записи разговорной речи жителей с. Самарово, тексты народных песен (плясовых, прогольных, хоропроводных), описания промыслов (ямщина, рыбный, охотничий, кедровый промыслы и др.), обрядов, интерьеров изб, улиц, пристани, праздников и детских игр и даже надписей на кладбищенских надгробиях и крестах. Автор дает этнокультурную интерпретацию и этимологию топонимов Самарово и окрестностей (например, Кычимов Лог, Кибра и др.), приводятся подробные топографические описания, названия речек, озер, урочищ.

Подробно автор рассказывает о самаровской церкви и церковных служителях, службах и церковных праздниках, поэтому в тексте встречается пласт церковной лексики, например, *священник, дьякон, протопоп, пономарь, трапезник, икона, кадило, литургия, риза, возжигать свечи, священствовать* и др. Встречается и диалектная лексика при описании церковных праздников, например, *рацея*. В Словаре русских народных говоров [СРНГ 2000: 346] это слово имеет три значения, причем первое – диалектное.

Рацея, ж

1. Обрядовое приветствие, поздравление, произносимое певучим голосом, когда славят Христа в Рождество, рождественская колядка. Южн.-Сиб., 1847. Тобол., Нижнегор., Иван! Пустите славищников? Рацею мы вам скажем? Ярослав., Волог., Арх.

2. Песня религиозного содержания. Кем., Арх., 1885 Арх.

3. Нагоняй, строгий выговор. Борисоглеб., Тамб, 1858.

Именно в первом значении употребляется слово *рацея* в книге Х. Лопарева:

С. 142. «На Рождество молодежь славит. Нас собиралось человек восемь; устраивали мы большую разноцветную звезду, ходили после заутрени и до обедни чуть ли не по всему селу и славили Христа, причем вращали звезду вокруг ее оси. После пения один из нас *«сказывал рацею»; рацей* было несколько; помню самую краткую, которую говорили мы в детстве: «Аз, маленький хлопчик, скочил на столчик, в дудочку играл, Христа поздравлял; здравствуй, хозяин с хозяйшкой на многия лета!».

Документальная часть книги богата лексикой делопроизводства и документации:

- названия документов: *поступная, заемная, писцовая выпись, закладная, продажная, объяснение, указ, договорное письмо, заемная с ручательством, регистр, сказка, прошение, увольнительное свидетельство, закладная крепость;*

- названия сборов и пошлин: *чердашные сборные деньги* (налог с рыбных ловель), *пошерстный таможенный сбор со скота, оброк с гулящих людей, головшина* (за убийство), *пошлина с судных дел, с пив и браг проварные деньги* (за пивоварение), *печатная пошлина;*

- прочая лексика делопроизводства: *приход, расход, доход, молебные деньги, жалованье, прибыльные статьи, приходные книги, доимки, смета, сметной список, росписной список, скрепа по листам* и др.

В целом этот пласт представлен профессионализмами и устаревшей лексикой. Но встречаются и элементы диалектного языка. Например, в документе «Предъявление поступной, 1746 г.» [Лопарев: 170] слова и сочетания *герб, гербовый лист, гербовая бумага* встречаются в фонетических вариантах *ерб, ербовый лист*.

Также в документах встречаются лексика диалектная, обиходно-бытовая, лексика, заимствованная из речи коренного населения с. Самарово. В конце книги приводится словарь наиболее распространенных слов из русского языка и языков ханты, манси, ненцев, а также наблюдения автора над говором самаровцев.

Описание диалектной лексики исследуемого произведения проводилось по тематическим группам.

Бытовая лексика – лексика широкого употребления, называющая реалии быта, домашней утвари, окружающей обстановки, а также понятия, связанные с обычаями, народными традициями. Например, *домашность, стая, заплот, городба (городьба), анбар, стул, вышка, светлушка, лопоть, полевой чай, погост* и др.

Стул – свая, на которых строят дома.

[Лопарев: 50] «Здесь Иртыш разливается на 20 верст и вода подходит к самому селению, так что жители из домов своих выезжают на лодках; почему дома здесь построены не на фундаментах, а на так называемых стульях (род свай) вышиной от 5 до 6 футов».

Лопоть – одежка, тряпье.

[Лопарев: 148] «Самаровцы – вообще народ бережливый, и кто не пьет, умеет беречь копейку: где-нибудь в «лопоти» у него в сундуке нет-нет да и найдутся кредитные билеты».

Светлушка – рыбаья кожа, которую вставляли на зиму в окна вместо рам со стеклами.

[Лопарев: 141] «В октябре у небогатых вставляются в окна взамен рам со стеклами рамы, обтянутые налимьей кожей: это из предосторожности, дабы сохранить стекла. Каждое утро хозяйка сгребает на подставку снег, покрывший за ночь налимью кожу (светлушки), чтобы предотвратить таяние снега на подоконниках и провести хоть несколько света в избу».

Слово «погост» в вологодских говорах XV–XVII вв. обозначало «особый вид селения с церковью, кладбищем и домами причта», что обусловило возникновение соответствующих топонимов: Покровский погост, Никольский погост и т. д. Начиная с XVII в., значение диалектного слова «погост» изменяется в связи с тем, что селения-погосты теряют своеобразие и, обрастая крестьянскими дворами, ничем не отличаются от села. В результате дифференциации слов «погост» и «село», за словом «погост» закрепляется узкое значение «кладбище». Это привело к изменениям топонимов, которые постепенно утратили диалектную лексему: Поповский погост – Попово, Поповка, Поповское [Блинова: 216–217]. Именно такую модель формирования топонима мы наблюдаем в книге Х. Лопарева, только с разницей больше 100 лет.

[Лопарев: 209] Из родословной Шаламовых, конец XVII в.: «По преданию три брата Шаламовых поселились таким образом: старший Никита избрал своим местопребыванием Самаровский ям, средний – Репаловский погост, а младший Елизар – Елизаровский Сор».

[Лопарев: 216] Из родословной Шейминых, 1785 г.: «С согласия своего вотчима и матери Иван женился на некоей Агафье Ивановне (из Репаловского погоста)».

[Лопарев: 38] «В 1808 году при Самаровской церкви состоялось: два священника – Петр Протопопов и вдовый Феодор Ильин(ых)... Дело кончилось в пользу о. Феодора, который получил обратно дом, но вскоре был переведен в Репалово».

Самой большой тематической группой, выделенной нами диалектной лексики, стала **промысловая или специальная лексика**.

В тексте книги Х. Лопарева мы выделили лексику рыбного, ямского, птичьего, охотничьего, кедрового промыслов, лексику сенокосения и сеноуборки. Лексику рыболовства и птичьего промысла, в свою очередь, разбили на несколько лексико-семантических подгрупп.

Например:

1. Наименования людей, в разной мере участвующих в рыболовном промысле: *башлык* (начальник рыбацкой артели); *пятовщик*, *прасол*.

2. Наименования видов деятельности, отдельных процессов в рыболовном промысле, способов добычи рыбы: *осеневать*, *при-тонять*, *промышлять рыбу крючьями* и др.

3. Наименования мест рыбного промысла: *ловля*, *песок*.

4. Наименования рыболовных снастей и их частей: *перемет*, *самолов*, *коленце*, *якорь*, *якорница* и др.

[Лопарев: 218] «Первое рыболовное место, которое он занял, был *песок Кривошапки*, арендованный им у инородцев Тренькиных юрт (Березовского округа).

[Лопарев: 74] «Отдельно от арендаторов крестьяне и остяки ловят рыбу *самоловами*. *Морды* – плетеные из ивняка конусообразные коробки; *чердаки* и *саипы* – небольшие сети ценою в два рубля. Чердаками ловят рыбу, когда тает лед и она идет по воде».

[Лопарев: 74] «При рыбном промысле употребляются лодки 1–8 сажень; из них *завозная* или *неводник* самая большая, *гребей* до 8, ценится в 40–50 руб.; *городовушка* сажень 5–6 – 15–20 руб.; *переметка* и *неводник*, менее *городовушки*, 8–10 руб.; *обласок*, *осиновка* или *однодеревка*, небольшая выдолбленная из одного дерева, ценится от 80 коп. до 20 руб.».

Птичий промысел: *чурильник* (человек, не поймавший ни одной птицы), *маньщик*, *перевес*, *поньжа* (разновидности сетей), *весновка* (весенняя охота на птиц, а также весенняя рыбная ловля).

Ямской промысел: *паузок*, *каюк*, *дощаник* (виды лодок), «*подводная служба*».

Ронжа, роньжа – ореховка, птица семейства врановых.

[Лопарев: 92] «Шишек на кедрах хотя и много, но оне не дозрели – а между тем, прогуливаясь по кедровнику, я видел множество птиц-ореховок, или как их у нас называют – ронжей, которые тучами сидят на кедрах, обивают шишки».

Чурильник – охотник, не поймавший ни одной птицы во время промысла.

[Лопарев: 123] «...бывали случаи, когда и надо мной цыганили, как над чурильником, не поймавшим ни одной птицы».

Фольклорная лексика представлена в книге в песнях (про-голосных, хороводных, плясовых), описаниях игр, праздников и обрядов: *слушанье* (вид святочной игры), *«сибирь»* (угощение водкой на свадьбе), *чуги* (игра в городки), *матка* (главный игрок), *хлюзда* (обман в игре), *коровод* (хоровод), *кумоница*, *целовок* (поцелуй), *командер* (командир) и др.

[Лопарев: 120] «Свадьба в Самарово, равно как и вообще в Сибири, не мыслима без «Сибири», угощения водкою собравшихся к дому не приглашенных крестьян».

[Лопарев: 124] «Еще за неделю до Ильина дня съезжаются в Самарово крестьянки из окрестных деревень, называемые «ильиничнами», которых главным образом желают посетить храм Божий в этот великий праздник».

Лексика, заимствованная из языков коренных жителей Обь-Иртышского междуречья (ханты, манси, ненцев, татар), представлена в тексте книги и в прилагаемых к книге «Образчике языка и говора в с. Самарово» и «Словаре остяцких и самоедских слов»: *сор* (озеро), *кырсем*, *ляки* (виды гусей), *урман*, *кибра*, *курья*, *лобарь* (осетр-недоморок), *карыш* (рыба, маленький лобарь), *кибас*, *малица*, *гусь* (одежда), *томар* (вид стрелы) и др.

Сор – озеро с низкими берегами; низкие места, заливаемые водой и летом покрываемые травой; заливной луг, используемый под сенокос, пастбище (обычно объясняется из хант.) *Lag* – сор, заливной луг; озеро, образующееся во время половодья [Аникин: 504–505].

[Лопарев: 37] «По обе стороны реки находятся озера, кои в полную воду обыкновенно заливами кажутся, а по тамошнему соры».

Няша – тина, жидкая грязь; топкое заболоченное место.

[Лопарев: 218] «... а так как курья была топка, няшовита, то оба они носили особенные бродни с голенищами, которые завязывались на поясище...».

Саи'п – ловушка для рыбы.

[Лопарев: 74] «Отдельно от арендаторов крестьяне и остяки ловят рыбу самоловами. Морды – плетеные из ивняка конусообразные коробки; чердаки и саипы – небольшие сети ценою в два рубля».

Таким образом, очевидна ценность книги Хрисанфа Лопарева «Самарово – село Тобольской губернии и округа» как источника сибирской диалектологии в лексическом аспекте.

Исследование текста с точки зрения диалектологии не охватывает всех особенностей книги Х. М. Лопарева, необходимо ее дальнейшее изучение. К примеру, можно провести анализ документальной части книги; рассмотреть лингвистические особенности памятника как образца книжного источника XIX в., возможно изучение текста в русле лингвокультурологии, ономастики (изучение антропонимов, топонимов и др.), лингвистического краеведения.

Литература и источники:

1. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. – М., Новосибирск, 2000.
2. Бардин Г. И. Златоцвет земли Югорской // Лопарев Х. М. Самарово – село Тобольской губернии и округа: Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. – Тюмень, 1997. – С. 4.
3. Белобородов В. К. Лопарев Хрисанф Мефодьевич // Ученые и краеведы Югры / В. К. Белобородов, Т. В. Пуртова. – Тюмень, 1997. – С. 170, 171.
4. Блинова О. И. Введение в региональную лексикологию. – Томск, 1975.
5. Кошкарева А. М. Очерки сибирской словесности. – Нижневартовск, 2010.
6. Кошкарева А. М. Специальная лексика северных районов Тюменской области. – Нижневартовск, 2003.
7. Пархимович С. Г. Сын Самарова // Лопарев, Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа: Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. – Тюмень, 1997. – С. 259–262.
8. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. – М., Л., СПб., 1965–2010. – Вып. 1–43 (издание продолжается). (СРНГ)
9. Словарь русских народных говоров Северного Урала. – Свердловск, 1964–1983. Вып. 1–4.
10. Большой юридический словарь // Академик [Электронный ресурс] : [сайт]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://jurisprudence.academic.ru>. – (Дата обращения: 02.04.2013.)

Самаровское сельское приходское училище по воспоминаниям Х. М. Лопарева

*Екатерина Викторовна Шуляк,
старший преподаватель кафедры
социально-экономических дисциплин
Ханты-Мансийской государственной
медицинской академии,
г. Ханты-Мансийск*

В своей книге¹, посвященной родному селу, Х. М. Лопарев оставил воспоминания, связанные с сельским приходским училищем. Оно располагалось около церкви, недалеко от часовни святого пророка Илии в маленьком одноэтажном домике с двумя помещениями: передней, где стоял огромный ларь с березовыми розгами, и классной комнатой с длинными столами, скамьями и печкой. В школе обучали Закону Божьему, чтению, письму, четырем правилам арифметики.

На печке классной комнаты почти постоянно лежал слепой старичок Трофим Яковлевич Козлов, из ссыльных солдат, который обучал детей чтению по псалтири, руководил учебным процессом и следил за дисциплиной. «Читаешь, бывало, с указкою в руке псалтирь и произнесешь слово неправильно, – тотчас с печки слышится наставнический голос Трофима Яковлевича. Зашумим ли в училище сверх меры, раздражим ли старика, Трофим Яковлевич спускался с печки и размахивал палкой по комнате, причем летели на книжки и чернильницы. Жалованья он не получал и довольствовался добротным подаванием: хлебом, пищею и питием», – писал Х. Лопарев.

Педагогический процесс осуществлялся также церковным причтом, священником и дьячком. В училище, кроме того, были «старшие» и «дневальные», которые следили за порядком и проверяли у младших учащихся задания. Так, например, старшим Х. Лопарева был одно время Косма Абрамович Ершов, «человек дельный и способный». Если Хрисанф невнятно читал псалом, то он неоднократно занимался его повторением по рекомендации «старшего», который впоследствии служил писарем в волостном правлении. Во время урока Закона Божия в классе «царила мертвая тишина». Опоздания на этот урок не допускались. Если же та-

¹ Лопарев Х. М. Самарово – село Тобольской губернии и округа: Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. – Тюмень, 1997. – 262 с.

кое случалось, то опоздавшего ставили на колени у печки или на скамейке, драли за уши, давали оплеухи или били линейкой. «Так, бывало, двинут тебя, что прямо летишь под стол. Lentяя разлагали у печки и один или двое, смотря по вине, с двух сторон пороли розгами тут же, на глазах у всех и лишь изредка в передней. Неспokoйных во время порки, кроме того, еще держали за голову, за руки и за ноги. После порки сидишь, бывало, как в огне и на огне», – писал Х. Лопарев. Телесные наказания применялись за всякую мелочь: за сломанный грифель, разбитое стекло, невыполненные уроки, опоздания, за неправильно сложенную писчую бумагу. Тем не менее Х. Лопарев, как и его одноклассники, не вспоминали плохим словом то время. Закон Божий, краткий Катехизис, основные понятия о богослужении, четыре правила арифметики, чтение (по-славянски) и письмо все они знали твердо. Как отмечает Х. М. Лопарев, за лень и буйство из училища не исключали. Он отмечал, что «церковный, с легким казарменным оттенком, период школьной жизни, когда училище находилось вне всякого высшего контроля», продолжался до 1870-х гг. Затем преподавание было поставлено на других, «гуманных началах; повеяло новым духом...». В училище получили доступ девушки, в Самарово появилась учительница Марья Александровна Федорова, а обучение велось уже не по часослову и псалтири, а по «Родному слову» К. Д. Ушинского и грамматике. Дети заучивали наизусть стихотворения, учились письму, арифметике и черчению географических карт. Телесные наказания не применялись. После М. А. Федоровой учительницей была Анна Константиновна, а затем Марья Денисовна Венгерская. Материальную поддержку училищу оказывал Н. Г. Шеймин, за что генерал-губернатором ему была объявлена публичная благодарность.

Таким образом, до начала 70-х гг. XIX в. в Самаровском сельском приходском училище обучение было сориентировано на нравственно-религиозные ценности и было плохо организовано. В отношении учащихся применялись телесные наказания, педагогами в ней являлись служащие церковного причта. Лишь позже в нем стали заниматься обучением педагоги-профессионалы, обучение приобрело более светский характер, образовательная программа была расширена, а телесные наказания отменены.

Жена и дочь П. И. Лопарева: личная переписка с учащимися школы в 80-х гг. XX в.

*Людмила Геннадьевна Пуртова,
заместитель директора по УВР
МБОУ СОШ № 2,
г. Ханты-Мансийск*

В музее боевой и трудовой славы средней школы № 2 хранится личная переписка учащихся с женой и соратником Платона Ильича Лопарева Клавдией Петровной Дорониной и их дочерью Дианой Платоновной (22 письма и 18 поздравительных открыток с 1980 по 1989 гг.).

Письма воссоздают судьбу человека, никакие другие источники не заменят того, что рассказано в письмах. Клавдия Петровна Доронина открылась своим современникам в письмах, думается, не полностью, унеся многое с собою. В основе своей письма, о которых пойдет речь, – дружеское общение мудрого, зрелого человека и школьников 5–8 классов. В письмах, характерной чертой которых являются раскованность, доброжелательность, доверительно-дружеское отношение, раскрывается «секрет» ее обаяния, оптимизма, доброты, скромности и любви к людям.

Нелегкая судьба Клавдии Петровны связала семьи Дорониных и Лопаревых. Есть книга «Семья Дорониных», повествующая об обыкновенной крестьянской семье, члены которой сформировались в активных бойцов революции.

В первых пришедших письмах к детям Клавдия Петровна рассказала о Платоне Ильиче как хорошем семьянине, ответственном работнике, заядлом охотнике и рыбаке.

«П. И. Лопарев родился в селе Самарово в 1890 году, в семье бедняка. Отец умер, когда Платону Ильичу было 3 года. Мать, оставшись с тремя малолетними детьми, прислуживала богачам. Растить и воспитывать детей помогал дядя, брат отца, ученый, живший в Петербурге» (из письма от 12.01.1980 г.).

Интересно было узнать о том, что «...с 1918 по 1924 год он в Самарово организовал драматический кружок. Ставились спектакли, сам он успешно справлялся с такими ролями, как Лука по пьесе М. Горького «На дне», Незнамов по пьесе А. Н. Островского «Без вины виноватые» и другими» (из письма от 12.01.1980 г.).

Она советовала приобрести или взять в библиотеке брошюру «П. И. Лопарев» (1958), изданную Тюменским обкомом КПСС.

В ней подробно описывалась его деятельность в борьбе за власть Советов на Обь-Иртышском Севере в 1919–1921 гг. И сделала такую приписку: «...Хорошо бы обратиться с ходатайством о переиздании ее, т. к. достать трудно. Для этого нужно объединиться с другими школами, носящими имя Лопарева».

Также были высланы учащимся вырезки из газет, в которых рассказывается о Лопареве: «Не склонив головы»; «Платон Лопарев, коммунист»; «Талант командира из газеты «Тюменская правда»».

В очередном письме (от 27.05.1980 г.) Клавдия Петровна сетует на то, что «...в газетах неверно пишут о численности его отряда в 1921 году, называют цифру 300, а на самом деле в отряде было 36–37 человек». И прилагает именной список Северного экспедиционного добровольческого отряда Лопарева от 16 мая 1921 г. На присланной карте Тюменской области отмечен маршрут похода отряда Лопарева: «Поход был очень труден, с постоянными схватками с врагами. В 1921 году я была в других отрядах, отступавших после боя в Цингалах на Самарово, Березово, Обдорск (Салехард) и дальше через Полярный Урал, ныне в республику Коми, состояла фельдшером в роте лыжников. Свиристествовал тиф и главное – нужно было уберечь бойцов отряда от тифа. При занятии Самарово мной и Молоковой П. П. в доме купца Соскина был организован госпиталь. Белье для госпиталя шили мы же из имущества бежавших богачей, которое они бросили на пароходах, замерзших на Оби у Зенково и Тундрино...». Затем она с мельчайшими подробностями поведала о боевом пути бойцов отряда Лопарева.

«Заслуги Лопарева П. И. были в том, что он создал отряд, из неорганизованной группы организовал боевую единицу и до выборов совета отряда руководил бойцами. У Лопарева П. И. были организаторские способности, военный опыт, военная смекалка и находчивость» (из письма от 17.03.1980 г.).

«Вспоминается много приятного, а также трудности похода, гибель товарищей, совсем еще молодых, например, Бориса Лосева и других» (из письма от 05.01.1983 г.).

Клавдия Петровна прислала фотографию, сделанную в 1950-х гг., с бывшими бойцами отряда 1919 года: сидит Крылов Иван Иванович, стоят Михаил Иванович и Яков Степанович Толстогузовы, рядом на столе – портрет Лопарева.

«Лучшим другом Лопарева в Самарово был Бублик И. А., политссылный. В отряде близким приятелем был Никифоров Ар-

сений Петрович, тоже политссылный, погибший во время боя в Лорбе. Похоронен в Елизарове» (из письма от 24.10.1980 г.).

В письмах – только о муже, о себе очень коротко и скромно, иногда извиняется из-за задержки ответа, т. к. многие отряды носят имя Лопарева, поэтому переписка занимает много времени.

«Мне Ханты-Мансийск дорог, многое в моей жизни связано с ним. Трудовая деятельность в качестве фельдшера-акушерки началась в нем в 1918 году. В 1920 году я вступила там в Коммунистическую партию. В бывшем Самарово я связала свою судьбу с Платоном Лопаревым. В Самарово родились мои дети Юрий и Диана, в их свидетельствах о рождении записан г. Ханты-Мансийск» (из письма от 11.05.1981 г.).

На вопрос ребят, как погиб Платон Ильич, Клавдия Петровна отвечала: «...когда вы подрастаете, узнаете, может быть, как погибали оклеветанные люди в 1930-х годах» (из письма от 24.10.1980 г.).

В письмах – пожелания ребятам хорошей учебы, успехов в делах, спорте, благодарность Галине Михайловне (учителю) за воспитание детей. «Большое спасибо, что вы пишете о своих делах, о своих достижениях и успехах, классных часах и пионерских сборах. Очень рады вашим письмам».

«Будьте достойны тех, кто боролся за власть Советов, кто отстаивал свободу и независимость нашей Родины, кто, не жалея сил, трудится сейчас на благо нашей Отчизны! Будьте бдительны! Боритесь за мир!» (из письма от 26.12.1984 г.).

Почерк К. П. Дорониной ровный, письма написаны в основном на листочках в косую линейку или в клеточку. В последние годы отвечала ребятам на письма Диана Платоновна, потому что Клавдия Петровна почти уже не вставала, болела. «Клавдия Петровна плохо себя чувствует, написать вам не может. Ей исполнилось 88 лет. Она все время лежит, у нее нет сил сидеть и ходить. Очень тяжело она переживает свою беспомощность» (из письма от 26.12.1984 г.).

В 1984 г. произошла встреча пионеров с сыном Федора Петровича Доронина, племянником К. П. Дорониной Владимиром Федоровичем, жившим в Ленинграде. Об этой поездке писала Диана Платоновна: «В первой декаде сентября у нас были гости из Ленинграда – сын Федора Петровича Доронина Владимир Федорович Доронин с женой. Он побывал в Демьянске у памятника своему отцу, в библиотеке имени Ф. П. Доронина, у могилы Стефаниды Петровны Дорониной, встретился с учащимися в Увате,

Красном Яре, Демьянске, Тобольске. Клавдия Петровна не смогла по состоянию здоровья быть на этих встречах» (из письма от 03.10.1983 г.).

К. П. Дорониной 4 июня 1972 г. решением горисполкома Ханты-Мансийска присвоено звание «Почетный гражданин города Ханты-Мансийска». Она стала одной из первых, кто удостоился этого звания. 10 лет спустя Тобольский горком партии и исполком городского Совета народных депутатов в постановлении от 03.06.1982 г. вынесли решение о присвоении ей звания «Почетный гражданин города Тобольска». За вклад в развитие медицины и свой безупречный труд Клавдия Петровна была удостоена звания «Отличник здравоохранения».

В октябре 2012 г. директор Тобольского медицинского колледжа обратилась в администрацию г. Ханты-Мансийска с просьбой поддержать инициативу студентов и педагогов об установке нового памятника на могиле К. П. Дорониной, т. к. место захоронения пришло в негодность. Т. А. Волгунова, заместитель председателя думы города, директор Службы социальной поддержки населения С. Люшкова присутствовали на торжественном открытии мемориала. Спонсором выступил О. Хасанов, директор МБУ «Ритуальные услуги».

В «Тобольской правде» от 24.04.1990 г. был напечатан некролог: «21 апреля 1990 года после продолжительной болезни ушла из жизни Клавдия Петровна Доронина, ветеран партии, участница гражданской войны, персональный пенсионер союзного значения, почетный гражданин городов Ханты-Мансийска и Тобольска».

Барон де Бай из археологическо-этнографической экскурсии в Сибирь: по материалам архива Х. М. Лопарева

*Татьяна Владимировна Пуртова,
заведующая отделом краеведческой
литературы и библиографии
БУ «Государственная библиотека Югры»,
г. Ханты-Мансийск*

Выполняя одну из задач Лопаревских чтений – выявление и введение в оборот новых материалов о Х. М. Лопареве и с. Самарово, – летом нынешнего года я работала в историческом архиве Санкт-Петербурга. Главной целью поездки было узнать, есть ли в архиве материалы к третьему изданию книги Самарово. Как выяснилось, ничего завершено, готового к изданию нет, лишь отдельные заметки, вырезки из газет того времени.

Но среди документов архивного дела мне встретилась такая записка Х. Лопарева: «Летом 1896 г., после коронации, из Москвы в Сибирь выехал французский археолог, хорошо известный в России барон де Бай. В Самарово он был 26 июля. Узнав о существовании моего издания «Самарова» барон, кажется, приобрел 2 экземпляра книги и прислал мне в Петербург свою визитку, на одной стороне которой значилось: «Барон Юсиф Августович де Бай, командированный в Россию от Министерства народного просвещения Франции для научных целей». На другой стороне визитки надпись: «Господину, которого я имел удовольствие видеть на археологических съездах: Московском – 1890 г. и Вильнюсском – 1893 г. (Самарово, 26 июля 1896 г.)».

Не желая оставаться в долгу, я немедленно отправил ему в Самарово ответное приветствие, однако, не зная его намерения, я полагал, что барон прислал мне карточку во время своей остановки в Самарово, и что он остановится там и на обратном пути...», сообщал Х. М. Лопарев в этой записке (Д. 13. Л. 59).

Кто же такой барон де Бай? Его имя наверняка известно специалистам-археологам, но я его услышала впервые. И на первом этапе поисков помог Интернет.

Оказывается, 5 сентября 2011 г. в Свердловском областном краеведческом музее состоялось открытие выставки «Уральские экскурсии барона де Бая». В анонсе было сказано: «Этот проект

расскажет нам о человеке, судьба которого на протяжении 30 лет была тесно связана с Россией, он даже шутливо говорил, что считает себя полуфранцузом-полурусским». И далее: «Совместный выставочный проект Свердловского областного краеведческого музея и Музея естественной истории (Франция) позволит впервые представить публике в Екатеринбурге неизвестные ранее материалы из Шигирской коллекции барона де Бая. Также здесь будут демонстрироваться материалы, иллюстрирующие уральские археологические экскурсии барона, предметы со знаменитого сибирского палеолитического памятника Афонтова Гора, остеологическая коллекция, а также книги и сувениры, посвященные Франко-Русскому союзу, подаренные де Баем». Амур-Огюст-Луи-Жозеф-Бертелло де Бай родился в Париже 31 января 1853 г., происходил из старинного французского рода, чьи предки участвовали еще в Крестовых походах; получил блестящее образование в парижской Академии наук. В 20 лет де Бай сделал первое научное открытие, обнаружив более 100 гротов неолитической эпохи неподалеку от того места, где жил сам. В январе 1890 г. барон де Бай впервые приехал в Москву в качестве делегата VIII археологического съезда, где выступил с приветственной речью, сделал блестящее сообщение «О восточном влиянии на звериный орнамент у германских народов», получил свой первый российский орден Св. Анны 3-й степени. С тех пор его научные интересы связаны с Россией: он проехал центральную ее часть, посетил Урал, Сибирь, Кавказ, Крым. Совершал археологические экскурсии, занимался изучением истории российских городов, обычаев и обрядов народов России, опубликовал ряд статей и книг по русской археологии и истории. Его круг общения в России очень широк. Он вел переписку с видными российскими археологами – И. Е. Забелиным, графиней П. С. Уваровой, В. Н. Поливановым, В. И. Сизовым, художниками Н. К. Рерихом, В. М. Васнецовым, В. Д. Поленовым, меценатами П. И. Щукиным, С. И. Мамонтовым; многими государственными деятелями и даже с императорской семьей.

В 1896 г. де Бай предпринял путешествие от Волги до Иртыша, в котором впервые познакомился с Екатеринбургом. В окрестностях города французский археолог посетил три всемирно известных археологических памятника: Шарташские каменные палатки, Палкинские стоянки и прииски Шигирского торфяника. В Париж он увез небольшие коллекции археологических предметов с этих памятников, оставив музею Уральского общества

любителей естествознания (УОЛЕ) значительную коллекцию из раскопок стоянки Афонтова Гора под Красноярском. Среди увезенных артефактов был небольшой деревянный идол из Шигирского торфяника.

Об этой экспедиции писала газета «Сибирский листок», отчет о ней вышел отдельным изданием в 1898 г. (От Волги до Иртыша: (археологическо-этнографическая экскурсия по Приуралью и Западной Сибири в 1896 г.) / Барон де Бай; пер. с фр. Е. Н. Маджи, учитель Тобольской гимназии. – Тобольск : Типография Епархиального Братства).

Но вернемся к архиву Х. Лопарева. Бароном де Баем Х. М. Лопареву была подарена книга воспоминаний, изданная в Париже в 1897 г., в которой опубликованы воспоминания о пятидневном пребывании в Самарово.

Хрисанф Мефодьевич Лопарев перевел эти странички. Вот они:

«Спустясь по Иртышу, мы проплыли 560 верст, отделяющие Тобольск от Самарово. Остановка в русском селе Демьянском позволила нам видеть первых остяков, прибывших из Тобольской губернии на охоту. Мы выходили из земледельческой зоны, там оканчиваются обработанные поля. С парохода мы высадились в Самарове, мимо которого уже проезжали два француза: наш ученый коллега г. Шарль Рабо и г. Котто, неутомимый путешественник, о котором храним симпатичное воспоминание.

Пароходная пристань находится в четырех верстах (?) (вопрос Х. Л.) от села. В этом селе отсутствуют лошади и экипажи летом, которое продолжается только три месяца, но зимою употребляют их для езды на санях. Мы достигли Самарова дорогою, граничащей с одной стороны с рекою, а с другой защищенною горою, покрытою стройными сибирскими кедрами, ягоды которых называются «шишки» и уважаются туземцами.

Издали постройки похожи на сгромождение бревен и плах. Когда мы прибыли в Самарово, там начинался пожар. Все мужики и все сильные бабы приносили на пожар припасы для подвоза. Бабы (старые женщины) и дети остаются дома.

Стояли около огня, испуская стенания и неся иконы (святые изображения). Тогда со святой колокольни, которая выделяется из этой скучной массы домов, раздается колокол. Жертвою огня сделались только несколько домов. В самый вечер нашего прибытия мы отправились из Самарова не на пароходе, а на вельсельном каюке. Самаровский священник дал свой каюк в наше

распоряжение. Каюк был около 5 метров длиной и одного метра шириной. Посреди находилась крытая часть, туда попадали вползая через отверстия, снабженное дверьми, приспособленными на случай всякой крайности. На этом ночлеге, куда свет проникал только через стекольное оконце не шире руки, должноствовало держаться в лежачем положении. Эта часть разделялась внутри перегородкой, имелось два отделения, одно для священника, а другое для икон и предметов культа. Таким образом, священник отправлялся в даль к осяткам, в деревни или обходы, постоянно перемещался. В этих краях церкви редки, на территории обитания остяков насчитывается их только десять и постройки то тут, то там.

Вот мы, мои три компаньона и я, лежим на сене и заячьих шкурах. Насколько день был жаркий, настолько вечер свежий. Два человека держались за острое поперечье нашего утлого челнока, чтобы управлять им с помощью одного из этих коротких и широких весел, называемых «весло».

Две солидные сибирячки подобно геркулесам служили нам гребщиками.

Остановились около 8 часов вечера, мы в 11 часов сделали 35 верст, по-сибирски версты очень, очень эластичны. Мы остановились на несколько минут, чтобы позволить гребщикам выпить время от времени стаканчик водки с ловкостью, странною для женских желудков.

Мы прибыли на слияние Иртыша и Оби. Вторая лодка везла наших рабочих с двумя только лопатами, которые мы нашли, и топорами. Люди, желающие поработать на суше, были очень спешно зачислены. В 11 часов вечера мы покинули каюк и от реки заметили против себя огромное водное пространство. Кряжи срубленных деревьев проплывали в беспорядке. Мои люди их ловили и делали из них большой костер. Выпили водки в ожидании, пока закипит самовар.

Наши люди спали на песке, вокруг очага, а в каюке мы, убаюкиваемые легкими волнами Оби. Ночь не была продолжительною, с 3 часов утра солнце поднялось. (Воды Оби и Иртыша соединились в 4 километра, весной покрывают на двадцать.)

Мы находимся у подошвы горной цепи «Белогорье», покрытой лесом, то есть тайгою.

Чтобы исследовать место жертвоприношения остяков, мы ставим отметку, возвышающуюся более чем на 60 сажень выше речных вод (Peris. 1897. P. 24-26.) (Paris?).

И еще одна записка Х. М. Лопарева, связанная с именем де Бая, говорит о том, что в книге есть и фотографии. «Вид пароходной пристани, приложенный к «Воспоминаниям» барона де Бай, снят был г. Юдиным 24 июля (5 августа) 1896 г., вид села снят тогда же уже г. Скалозубовым, а вид каюка снят г. Скалозубовым 26 июля (7 августа) 1896 г. Отсюда можно заключить, что барон прибыл в Самарово по крайней мере вечером 23 июля и оставался здесь, по крайней мере, до 26 числа ... священная белогорская береза нарисована бароном 25 июля (6 августа) 1896 г. Вообще датировки автора не отличаются точностью». Из всего, что удалось узнать нового, появился новый предмет для поиска – книга де Бая.

Источники:

1. РГИА. Ф. 1644. Д. 13. Л. 59; Д. 13. Л. 65. Записка Х. Лопарева.
2. Букреева, Е. М. «Русские струны французской души» барона де Бая / Е. М. Букреева // Золотая палитра. – 2010. – № 2.
3. Орехова, Н. А. Барон Жосеф де Бай: сибирский след / Н. А. Орехова // Енисейская провинция : альманах. – Красноярск, 2004. – Вып. 1. – С. 60–66.
4. Уральские экскурсии барона де Бая [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://uole-museum.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=566:2011-07-14-07-41-18&Itemid=36

Православные часовни села Самарово и его окрестностей (из истории малых культовых построек края в XVIII – первой трети XX вв.)

*Владимир Алексеевич Первалов,
историк,
г. Екатеринбург*

В последние десятилетия в науке наблюдается повышенный интерес к прошлому Русской православной церкви, в частности, к истории ее храмов и монастырей. Гораздо менее часто как исследователи, так и краеведы обращают свое внимание на судьбу некогда весьма многочисленных православных часовен – малых культовых построек, украшавших собой как города, так и сельские населенные пункты обширной Российской империи. В довольно большом количестве часовни в дореволюционный период существовали и на древней Югорской земле, в частности, в Самаровском крае. К примеру, только в с. Самаровском на протяжении его многовековой истории, помимо широко известной Покровской церкви, существовало, по некоторым сведениям, одновременно до 3–4 часовен; немало часовен функционировало и в других населенных пунктах Самаровского края. В данной публикации мы попытаемся на основании как уже опубликованных сведений, так и новых архивных документов, выявленных в Тобольском государственном архиве, проследить судьбу этих своеобразных построек и устранить хотя бы некоторые из многочисленных «белых пятен» в их истории.

По определению Википедии, часовня – это небольшая христианская постройка без специального помещения для алтаря. Православная часовня – обычно отдельно стоящее здание в городах, деревнях, на дорогах и кладбищах. Название «часовня» происходит от слова «час», «часы». Часами называются краткие службы, совершающиеся в православной и католических церквях. Час в древнерусском языке означало «время». На Руси, как и во всем мире, часовни стали сооружать на местах, где похоронены подвижники веры, на местах явления чудотворных икон, в местах явления источников, в других местах, где это уместно. В часовнях читаются молитвы и акафисты, совершаются молебны, верующие ставят свечи перед почитаемыми иконами и т. п. Литургия в часовне по общему правилу не совершается, но в особых случаях

это допускается. У католиков близким аналогом православной часовни является капелла.¹

Часовни редко когда существовали сами по себе; чаще всего они являлись подведомственными духовенству храмов, к которым ближе всего располагались. На территории Самаровского края в течение XVII – начала XX вв. возникло и функционировало 8 приходских церквей: Самаровская Покровская церковь (около 1637), Белогорская Свято-Троицкая церковь (около 1715), Реполовская Крестовоздвиженская церковь (1718/1719), Сухорукская Духосошестввенская церковь, Филинская Вознесенская церковь (обе в первой четверти XVIII в.), Базьяновская Петропавловская церковь (1872), Коневская Пророко-Ильинская церковь (1878) и Елизаровская Скорбященская (Богородская) церковь (1894).

В приходе **Самаровской Покровской церкви** имелось 4 деревянных часовни: в самом с. Самаровском – Николаевская, Пророко-Ильинская и Всехсвятская кладбищенская часовни и Пророко-Ильинская часовня – в д. Оленевой.²

Часовня во имя св. Николая Чудотворца, находившаяся в предместье Бараба, в Никольском переулке, по преданию, существовала в с. Самаровском исстари, но самое раннее известие о ней относится к 1838 г.³ В конце XIX в. (до 1889 г.) она была обнесена оградой, построенной «издержками и руками» местного жителя *Ивана Андреевича Богатова*.⁴

Часовня во имя св. пророка Ильи в с. Самаровском была построена во второй половине XIX в. (известно, что в 1876 г. она уже существовала).⁵

Часовня во имя Всех Святых на самаровском кладбище была сооружена в конце XIX – начале XX вв. по проекту, разработанному в 1899 г. тобольским епархиальным архитектором *Б. Цинке* и тогда же утвержденному строительным отделением Тобольского губернского управления.⁶

¹ Режим доступа – <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A7%D0%B0%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8F>.

² ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 156. Оп. 19. Д. 331. Л. 348; Справочная книга Тобольской епархии на 1913 г. – Тобольск, 1913. – С. 23.

³ Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа / Х. М. Лопарев. – СПб., 1896. – С. 53, 71.

⁴ Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа / Х. М. Лопарев. – СПб., 1896. – С. 86.

⁵ ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 156. Оп. 19. Д. 331. Л. 348; Справочная книга Тобольской епархии на 1913 г. – Тобольск, 1913. – С. 23.

⁶ ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 353. Оп. 1. Д. 320.

Есть сведения, что во второй половине XIX в. в с. Самаровском существовала еще одна деревянная часовня. Как известно, в 1873 г. первым из российской императорской фамилии село посетил великий князь Алексей Александрович. В память этого события в середине 70-х гг. XIX в. силами местных жителей и была построена часовня (известно, что в 1876 г. она уже существовала). Расположена она была недалеко от села, на горе, в том месте, где на специально устроенной по случаю наводнения пристани высокопоставленный путешественник высадился на берег.⁷ В тот же день оно было сначала обнесено изгородью, а впоследствии на нем и была устроена часовня, имевшая по свидетельству одного из современников «по фасаду своему и легкости архитектуры» вид «китайской пагоды».⁸ О дальнейшей судьбе этой весьма любопытной постройки, к сожалению, ничего не известно.

Часовня, названная также во имя св. пророка Ильи, в д. Оленевой была построена в конце XIX – начале XX вв. (известно, что в 1913 г. она уже существовала).

В приходе **Белогорской Свято-Троицкой церкви** некогда была сооружена, по-видимому, первая малая культовая постройка в крае – Свято-Троицкая часовня в ямщицкой деревне Прохоровой (или Пронькиной, бывший Белогорский погост), находившейся на острове посреди р. Оби. Ранее здесь располагалась первоначальная Белогорская Свято-Троицкая церковь, построенная, вероятно, в 1715 г. Однако вскоре она сгорела, после чего на прежнем месте ее восстанавливать не стали, а построили на левом берегу Оби в хантыйских Шайтанских юртах, после этого ставших новым Белогорским погостом. В 1752 г. митрополит Тобольский и Сибирский *Сильвестр* (Главацкий) по просьбе местных жителей – «остяков» – разрешил устроить в д. Прохоровой на старом храмовом месте деревянную часовню во имя св. Троицы.⁹ О ее дальнейшей судьбе пока ничего неизвестно.

В начале же XX вв. в приходе Белогорской Свято-Троицкой церкви было две деревянные часовни: Белогорская Спасо-Преображенская часовня и Егурьяховская Всехсвятская часовня.¹⁰

⁷ Тобольские губернские ведомости. – 1873. – № 35 (1 сент); Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа / Х. М. Лопарев. – СПб., 1896. – С. 63, 67.

⁸ Тобольские губернские ведомости. – 1880. – № 47. – С. 3; Сибирский вестник. – № 8 (26 янв.).

⁹ ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 156. Оп. 1. Д. 1175.

¹⁰ ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 156. Оп. 19. Д. 331. Л. 388; Справочная книга Тобольской епархии на 1913 г. – Тобольск, 1913. – С. 24 (2-й паг.).

Часовня во имя Спаса Преображения в д. Белогорской была построена в 1888 г. В ней имелся еще и переносной престол. Незадолго до революции, в 1916 г., строительным отделением Тобольского губернского управления был утвержден проект на постройку в д. Белогорской, вместо прежней Спасо-Преображенской часовни, отдельного деревянного храма¹¹, но реализовать его так и не успели.

Часовня во имя Всех Святых в юртах Егурьяховских была построена в конце XIX – начале XX вв. (в 1913 г. она уже существовала).

В приходе **Реполовской Крестовоздвиженской церкви** имелось пять деревянных часовен: Тюлинская Богородице-Успенская часовня, Батовская Петропавловская часовня, Боровская (Усть-Кондинская) часовня в честь Рождества Иоанна Предтечи, Заводинская часовня во имя преподобного Серафима Саровского Чудотворца и Согомская (Чагинская) часовня в честь Владимирской иконы Божией Матери.¹²

Часовня во имя Успения Пресвятой Богородицы Петра и Павла в д. Тюлинской была построена, вероятно, во второй половине XIX в. Впоследствии она также была преобразована в приписную церковь и соответствующим образом перестроена (с пристройкой алтаря).¹³

Часовня во имя св. апостолов Петра и Павла в д. Батовской (Батовой) была построена, вероятно, во второй половине XIX в.¹⁴ Затем Батовская Петропавловская часовня была преобразована в приписную церковь и в 1900 г. «тщанием» местных крестьян – Федора Куляшева, Стефана Чикирдина и др. – соответствующим образом перестроена по проекту, утвержденному в 1898 г. строительным отделением Тобольского губернского управления.¹⁵

Часовня в честь Рождества Иоанна Предтечи в д. Боровской (Усть-Кондинской) и часовня во имя св. преподобного Серафима Саровского Чудотворца в старинных юртах Заводинских (или Заводных) были построены в конце XIX – начале XX вв. (известно, что в 1913 г. они уже существовали). Впоследствии последняя

¹¹ ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 353. Оп. 1. Д. 1084.

¹² ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 156. Оп. 19. Д. 331. Л. 360об.–361; Справочная книга Тобольской епархии на 1913 г. – Тобольск, 1913. – С. 22–23.

¹³ ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 353. Оп. 1. Д. 205; ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 353. Оп. 1. Д. 781.

¹⁴ ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 156. Оп. 19. Д. 331. Л. 353.

¹⁵ ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 353. Оп. 1. Д. 781.

была передана к Петропавловскому храму в с. Батовском, являющемуся приписным к Реполовской Крестовоздвиженской церкви.¹⁶

Часовня в честь Владимирской иконы Божией Матери в юртах Согомских (или Чагинских) была построена в конце XIX – начале XX в. (известно, что в 1913 г. она уже существовала).

В приходе **Сухоруковской Духосошественской церкви** имелись три деревянные часовни: Елизаровская Скорбященская (Богородская) часовня, Кеушинская часовня в честь иконы св. Архистратига Михаила и Ендырская часовня в честь иконы Знамени Божией Матери.

Часовня во имя иконы Пресвятой Богородицы «Всех Скорбящих Радость» в д. Елизаровой (Елизаровской) была построена, вероятно, во второй половине XIX в. В 1894 г. по благословию епископа Тобольского и Сибирского *Агафангела* (Преображенского) силами местных крестьян – ее будущих прихожан – она была перестроена в самостоятельный приходской храм – Елизаровскую Скорбященскую (Богородскую) церковь.¹⁷

Теплые (т. е. отапливаемые) часовни в честь иконы Знамени Божией Матери (престольный праздник – 27 ноября) в юртах Кеушинских и в честь иконы св. Архистратига Михаила в юртах Ендырских были построены в конце XIX – начале XX вв. (известно, что в 1913 г. они уже существовали) на средства местных коренных жителей.¹⁸

В приходе **Филинской Вознесенской церкви** имелось четыре деревянные часовни: Горно-Субботинская Пророко-Ильинская часовня, Ячинская часовня во имя Казанской иконы Божией Матери, Цингалинская Пантелеймоновская часовня и Семейская Духосошественская часовня.¹⁹

Часовня во имя св. пророка Ильи в д. Горно-Субботиной, часовня во имя Казанской иконы Божией Матери в д. Ячинской (или Ячи), часовня во имя св. мученика и целителя Пантелеимона в д. Цингалы, часовня в честь Сошествия Святого Духа на апосто-

¹⁶ ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 156. Оп. 19. Д. 331. Л. 361, 354; Справочная книга Тобольской епархии на 1913 г. – Тобольск, 1913. – С. 22.

¹⁷ ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 156. Оп. 19. Д. 331. Л. 380; Поездка на Северный Урал летом 1892 года. – М., 1895. – С. 10.

¹⁸ ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 156. Оп. 19. Д. 331. Л. 335; Справочная книга Тобольской епархии на 1913 г. – Тобольск, 1913. – С. 24.

¹⁹ ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 156. Оп. 19. Д. 331. Л. 326; Справочная книга Тобольской епархии на 1913 г. – Тобольск, 1913. – С. 25.

лов в д. Семейской (или Семейке) были построены в конце XIX – начале XX вв. (известно, что в 1913 г. они уже существовали). Впоследствии часовня в честь Сошествия Святого Духа на апостолов была передана в ведение Батовской Петропавловской приписной церкви.²⁰

В приходе **Базьяновской Петропавловской церкви** имелась одна деревянная часовня – Фроловская Пантелеймоновская.²¹ Она была построена в старинной д. Фроловской (или Фроловой) (в 5 верстах от села), в конце XIX – начале XX в. (известно, что в 1913 г. она уже существовала) и названа в честь св. мученика и целителя Пантелеймона.

В приходе **Коневской Пророко-Ильинской церкви** имелась одна деревянная часовня – Городищенская Николаевская.²² Она была построена в выселке Городищенском (или Городище) в конце XIX – начале XX вв. (известно, что в 1913 г. она уже существовала) и названа в честь святителя Николая Чудотворца (престольные праздники – 9 мая и 6 декабря).

В приходе **Елизаровской Скорбященской (Богородской) церкви** имелась одна деревянная теплая часовня – Олтурминская Петропавловская. Она была построена в старинных юртах Олтурминских (или Олтурминых) (в 4 верстах от села) в 1912 г. силами местных «инородцев» и названа в честь св. апостолов Петра и Павла. Богослужения в ней совершались только в престольный праздник – 29 июня, а также 2 февраля и по воскресным дням.²³

Таким образом, к 1917 г. на территории Самаровского края действовало 18 часовен (а всего на протяжении XVIII – начала XX вв. было построено и функционировало не менее 23). После установления Советской власти все они, наряду с храмами, были переданы в пользование местным обществам верующих и сначала продолжали действовать.

Однако уже в 20-х гг. XX в. местные власти стали проводить политику постепенного упразднения часовен. Так еще в 1925 г.

²⁰ Справочная книга Тобольской епархии на 1913 г. – Тобольск, 1913. – С. 25 (2-й паг.); ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 156. Оп. 19. Д. 331. Л. 326, 354.

²¹ ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 156. Оп. 19. Д. 331. Л. 395; Справочная книга Тобольской епархии на 1913 г. – Тобольск, 1913. – С. 20.

²² ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 156. Оп. 19. Д. 331. Л. 374; Справочная книга Тобольской епархии на 1913 г. – Тобольск, 1913. – С. 21.

²³ ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 156. Оп. 19. Д. 331. Л. 381; Справочная книга Тобольской епархии на 1913 г. – Тобольск, 1913. – С. 21.

перестала существовать Ендырская часовня в честь иконы Знамения Божией Матери.²⁴

Однако особенно массовое закрытие часовен в крае произошло в 1930 г., что, вероятно, было связано с основанием Остяко-Вогульского национального округа и его центра – г. Остяко-Вогульска. Тогда, например, были закрыты (видимо, одновременно) все три часовни – Николаевская, Пророко-Ильинская и Всехсвятская – в с. Самарово, часовня во имя св. преподобного Серафима Саровского Чудотворца в юртах Заводинских и часовня в честь Владимирской иконы Божией Матери в Согоме.²⁵

Этот трагический год стал рубежным в судьбе и остальных югорских часовен. Все они были закрыты, их здания до нашего времени не сохранились.

Часовни Самаровского края в XVIII – начале XX вв.

№	Наименование	Место расположения	Время постройки	Состояние (уцелела/ не сохранилась)
1	Свято-Троицкая	д. Прохорова (Пронькина)	около 1752 г.	не сохранилась
2	Николаевская (Никольская)	с. Самаровское	до 1838 г.	по некоторым данным была перестроена в жилой дом и в таком виде уцелела
3	Пророко-Ильинская	с. Самаровское	вторая половина XIX в.	не сохранилась
4	Всехсвятская	с. Самаровское	конец XIX – начало XX вв. (до 1913 г.)	не сохранилась

²⁴ Самаровский край: история Ханты-Мансийского района. – Тюмень, 2003. – С. 138.

²⁵ Самаровский край: история Ханты-Мансийского района. – Тюмень, 2003. – С. 138.

№	Наименование	Место расположения	Время постройки	Состояние (уцелела/ не сохранилась)
5	В память посещения с. Самаровского в 1873 г. членом российской императорской фамилии великим князем <i>Алексеем Александровичем</i>	с. Самаровское	середина 70-х гг. XIX в.	не сохранилась
6	Пророко-Ильинская	д. Оленевская (Оленева)	конец XIX – начало XX вв. (до 1913 г.)	не сохранилась
7	Спасо-Преображенская	д. Белогорская	1888 г.	не сохранилась
8	Всехсвятская	юрты Егурьяховские	конец XIX – начало XX вв. (до 1913 г.)	не сохранилась
9	Богородице-Успенская	д. Тюлинская	вторая половина XIX в.	затем перестроена в приписной храм
10	Петропавловская	д. Батовская (Батова)	вторая половина XIX в.	в 1900 г. перестроена в приписной храм
11	В честь Рождества Иоанна Предтечи	д. Боровская (Усть-Кондинская)	конец XIX – начало XX вв. (до 1913 г.)	не сохранилась
12	Во имя преподобного Серафима Саровского Чудотворца	юрты Заводинские (Заводные)	конец XIX – начало XX вв. (до 1913 г.)	не сохранилась
13	В честь Владимирской иконы Божией Матери	юрты Согомские (Чагинские)	конец XIX – начало XX вв. (до 1913 г.)	не сохранилась

№	Наименование	Место расположения	Время постройки	Состояние (уцелела/ не сохранилась)
14	Скорбященская (Богородская)	д. Елизаровская (Елизарова)	вторая половине XIX в.	в 1894 г. перестроена в приходской храм
15	В честь иконы св. Архистратига Михаила	юрты Кеушинские	конец XIX – начало XX вв. (до 1913 г.)	не сохранилась
16	В честь иконы Знамения Божией Матери	юрты Ендырские	конец XIX – начало XX вв. (до 1913 г.)	не сохранилась
17	Пророко-Ильинская	д. Горно-Субботина	конец XIX – начало XX вв. (до 1913 г.)	не сохранилась
18	Во имя Казанской иконы Божией Матери	д. Ячинская (Ячи)	конец XIX – начало XX вв. (до 1913 г.)	не сохранилась
19	Пантелеймоновская	д. Цингалы	конец XIX – начало XX вв. (до 1913 г.)	не сохранилась
20	Духосошестввенская	д. Семейская (Семейка)	конец XIX – начало XX вв. (до 1913 г.)	не сохранилась
21	Пантелеймоновская	д. Фроловская (Фролова)	конец XIX – начало XX вв. (до 1913 г.)	не сохранилась
22	Николаевская	выселок Городищенский (Городище)	конец XIX – начало XX вв. (до 1913 г.)	не сохранилась
23	Петропавловская	юрты Олтурминские (Олтурминых)	1912 г.	не сохранилась

Некоторые факты о ликвидации Самаровской церкви Покрова Пресвятой Богородицы (по документам Государственного архива Югры)

*Ольга Александровна Спиридонова,
консультант Архивной службы Югры*

В Государственном архиве Югры, к сожалению, наряду с другими подобными делами, не сохранилось документов о ликвидации Самаровской церкви Покрова Пресвятой Богородицы в годы советской власти. Если говорить о других церквях, например, березовских, сургутских или некоторых церквях и часовнях Самаровского района, то в архивных делах сохранились договоры на пользование зданиями церквей, списки верующих, анкеты на священнослужителей, акты проверки церковного имущества, переписка с административными органами и главное – постановления о закрытии церквей и передаче их на культурные цели. Но документов Самаровской Покровской церкви и часовен, приписанных к ней, в Государственном архиве Югры нет.

У архивистов существуют две версии исчезновения этих документов. Первая идет от известного архивного документа – «Списка церквей, находящихся на территории Самаровского района Остяко-Вогульского Окрика, действующих и ликвидированных», который датирован 11 января 1932 г.¹ В этом документе, составленном работниками административного отдела Самаровского районного исполнительного комитета, указано, что Покровская церковь и три часовни в Самарово ликвидированы в 1930 г., а церковный архив уничтожен пожаром в самом РИКе. Вторая версия – документы Покровской церкви утонули в Иртыше при перевозке их на теплоходе из г. Ханты-Мансийска в г. Тобольск еще до 1970 г. Правдоподобнее кажется все-таки первая версия, что документы Покровской церкви сгорели при пожаре, потому что так можно объяснить абсолютный информационный вакуум относительно Самаровского (Ханты-Мансийского) религиозного общества до 1956 г. Но хочется придерживаться мнения, что «документы не горят».

Работая с архивными документами по ликвидации православных церквей в Государственном архиве Югры, я всегда искала

¹ ГАХМАО Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 34.

хотя бы какие-то косвенные данные о ликвидации Покровской церкви и часовнях Самарово, о жизни верующих в годы гонений на церковь. Можно предположить, что с момента издания 23 января 1918 г. декрета Совета Народных Комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» жизнь Самаровской православной общины проходила по тому же сценарию, что и в других населенных пунктах Тобольского Севера, а именно: составление описи церковного имущества, взятие церковного здания и имущества в бесплатное пользование верующими, с 1922 г. – регистрация общества, предоставление списков верующих, членов церковного совета, анкет на священнослужителей, ежегодные проверки, страхование здания и имущества, предоставление протоколов общих собраний в адмчасть Самаровского РИКа. Но никаких подобных документов в Государственном архиве нет.

Однако в фонде 23 «Самаровский сельский Совет и его исполнительный комитет» в деле № 41 «Протоколы общих собраний верующих, переписка о религиозных обществах за 1928 год» имеется заявление на имя начальника административного отдела Самаровского районного исполнительного комитета от Самаровского церковного Совета, датированное ноябрем 1928 г.: *«Церковный совет просит Вас разрешить общее собрание верующих Самаровской общины при храме для разрешения вопроса о переходе в обновленческую общину и о назначении священника на 25 ноября 1928 г. в три часа дня»*². Неужели верующие жители Самарово решили перейти из патриаршей церкви в обновленчество? Судя по дате этого документа, такое вполне могло быть. 1928 г. – период, когда Православная Российская (живая) церковь была официально признаваемой государственными властями православной церковной организацией, и вполне вероятно, что верующие люди, переходя в обновленчество, пытались сохранить за собой право хотя бы просто ходить в церковь. Но интересно то, что ни в одном другом населенном пункте на территории современного округа, кроме Самарово, судя по архивным документам, не было таких решений.

О переходе Самаровской религиозной общины в обновленчество говорит еще один документ. Это заявление самих верующих в административный отдел Самаровского района: *«Мы, нижеподписавшиеся, граждане села Самарова желаем организовать группу Православно-верующих обновленческого течения. Просим храм в селе Самарове Покровскую церковь с принадлежащем в нем*

² ГАХМАО Ф. 23. Оп. 1. Д. 41. Л. 2.

имуществом передать в пользование наше, в чем и подписуемся»³. Ниже следуют собственноручные подписи в общей сложности около 20 жителей Самарово. К этому заявлению есть еще дополнительный список № 2 с подписями еще 11 человек.

Видимо, данное заявление вызвало вопросы у работников административного отдела Самаровского районного исполнительного комитета, потому что переход в обновленчество местной религиозной организации – это был определенный нонсенс в практике их работы. Месяц спустя (декабрь 1928 г.) последовало разъяснение административного отдела Тобольского окружного исполнительного комитета: «Адм.отдел сообщает, что НКВД пересматривается Инструкция № 126-23 г. о порядке оформления и регистрации религиозных объединений, поэтому впредь до издания указанной инструкции от регистрации вновь возникающей религиозной группы (обновленческого течения) в с. Самаровском необходимо воздержаться»⁴.

По всей видимости, Самаровская Покровская церковь к 1928 г. была уже закрыта, и службы в ней проводить не разрешалось. Скорее всего, самаровцы делали все возможное, чтобы вернуть церковь верующим: приняли решение создать новую религиозную организацию и взять в пользование имущество и здание церкви, оформляли необходимые бумаги, писали заявления. Сохранилось одно из них: «Начальнику Милиции Самаровского района от церковного совета церкви с. Самарово. 11 марта 1929 г. Заявление. В виду преддверия поста и необходимости совершения церковной службы (молитв) и религиозно-церковных обрядов и таинств, просим Вас, Гражданин Начальник, дать нам разрешение на открытие церкви и совершения имеющимся у нас священником служения. При сем основание к просьбе разрешить открыть нам церковь, Слу[жить] и просьба к нам общества верующих с. Самарово. Председатель церковного Совета граждан Конев»⁵.

Можно догадываться, что административный отдел Самаровского районного исполнительного комитета не разрешал верующим пользоваться зданиями Покровской церкви и часовен, проводить религиозные службы, совершать крестные ходы, запрещал или не давал действовать Самаровскому религиозному обществу. Скорее всего, верующие обращались с просьбами не только в местные органы, но и в вышестоящие.

³ ГАХМАО Ф. 23. Оп. 1. Д. 41. Л. 6.

⁴ ГАХМАО Ф. 23. Оп. 1. Д. 41. Л. 5.

⁵ ГАХМАО Ф. 23. Оп. 1. Д. 41. Л. 15.

В этом отношении примечательно письмо начальника адм.отдела Тобольского окружного исполнительного комитета начальнику адм.части Самаровского РИКа, датированное тоже мартом 1929 г.: «По имеющимся у нас данным Самаровское религиозное общество православного течения перешло в обновленческую группу, причем обновленчество приняли не только рядовые члены, но и весь исполнительный орган в полном составе. Из тех же источников видно, что Вами создаются какие-то препятствия к отправлению религиозных потребностей. Административный отдел разъясняет, что если в действительности Самаровское религиозное общество перешло в обновленчество в полном составе вместе с исполнительным органом и членами-учредителями, то какого-либо официального оформления как нового религиозного общества не требуется, и Вам надлежит в дальнейшем данное религиозное общество считать только обновленческим. Чинить какие-либо препятствия к отправлению религиозных обязанностей, если помимо указанного не имеется каких-либо других обстоятельств, не следует. По данному разъяснению представьте свое объяснение к 20 марта 1929 года»⁶.

8 апреля 1929 г. был принят Закон о религиозных объединениях, с которого и началось планомерное закрытие церквей, в т. ч. и на территории нашего округа. С 1 декабря 1929 г. в округе должна быть проведена перерегистрация религиозных организаций одновременно с выполнением следующих мероприятий. По инструкции, поступившей во все административные отделы округа, религиозным организациям нужно было предложить (т. е. заставить административным методом) составить сметы на ремонт зданий, провести проверку выполнения договорных условий, проверить, застраховано ли не только здание, но и имущество религиозного общества, каким образом производились сборы на содержание молитвенного здания, священнослужителей, в случае обнаружения нарушений дано указание возбуждать уголовные дела.

С заявлением на перерегистрацию религиозные объединения должны были предоставлять списки учредителей и членов, анкеты на служителей культа. Статья 10 Закона о религиозных объединениях устанавливала положение о том, что религиозная организация может пользоваться только одним культовым зданием. Религиозным обществам было запрещено иметь уставы. Книги, не нужные при богослужении, должны быть изъяты из

⁶ ГАХМАО Ф. 23. Оп. 1. Д. 41. Л. 16.

храма. Группы верующих право на получение в бесплатное пользование культовых зданий не имели. Договор на пользование храмом должен быть подписан не менее чем 20 членами религиозной организации.

Религиозные общества были поставлены в тяжелые условия. Все документы, необходимые для перерегистрации, надлежало собрать в короткие сроки. Чтобы составить технические сметы на производство ремонта зданий церквей, нужно было вызывать инженера из окружной строительной конторы, платить ему деньги. На ремонт церквей тоже нужно было собирать деньги только путем добровольных пожертвований, а хождение по домам для сбора подписей запрещалось. С 1929 г. церкви закрывались по нескольким причинам: как не прошедшие перерегистрацию в связи с новым законом, не выполняющие условий договора по выполнению ремонта и страхованию здания церкви и имущества и самым «удобным» способом закрытия церквей для властей являлся добровольный отказ верующих от пользования зданием церкви и самороспуск православной общины.

Там, где здание церкви не требовало ремонта, хорошо сохранилось, властям нужен был добровольный отказ верующих от церкви. Для этого повсеместно действовали ячейки Союза воинствующих безбожников. В фонде 23 «Самаровский сельский Совет и его исполнительный комитет» в деле № 30 «Выписки из протоколов заседания райисполкома за 1928 год» было найдено письмо в адмчасть Самаровского РИКа от Самаровского сельского Совета, датированное 6 июня 1928 г., на обороте которого имеются сведения об обществах и союзах, не преследующих цели извлечения прибыли, находящихся на территории Самаровского сельсовета⁷. Такими называются две организации: «МОПР» – международная организация помощи борцам революции и кружок «Безбожник», который был образован в Самарово еще 3 марта 1928 г. Союз воинствующих безбожников действовал очень активно. Распространялись газеты и журнал «Безбожник». Почти в каждом селе и деревне действовали ячейки Союза. А в 1929 г. в Тобольске проходил окружной съезд Союза воинствующих безбожников. Целью организации была антирелигиозная пропаганда. Административные органы имели указание: при перерегистрации религиозных организаций вести тесную связь с местными ячейками Союза Воинствующих Безбожников, через которые проводить линию выхода верующих из религиозных

⁷ ГАХМАО Ф. 23. Оп. 1. Д. 30. Л. 158об.

объединений. Формы работы ячеек были разнообразными: собрания, лекции, спектакли, постановки, социалистические соревнования, массовое несоблюдение религиозных обрядов и праздников, а наоборот укрепление новых форм безрелигиозного быта («октябрины», гражданские браки и похороны), антирелигиозные кампании типа «антипасхальной», создание антирелигиозных учительских комитетов и родительских активов в школах. Главными задачами Союза были отказ верующих от веры и передача зданий церквей на культурные и просветительские цели.

23 апреля 1929 г. комиссией в составе представителя Самаровского РИКа Кропотина, работника адмчасти Стелкова, в присутствии священнослужителя Самаровского религиозного общества Пезулова была произведена проверка имущества церкви Покрова Пресвятой Богородицы. В акте указано: «...все имущество, сданное в пользование культу верующих находится на лицо, значащееся в церкви. Имущество же, находящееся в часовнях, принадлежащих этому же культу верующих, находящихся в селе Самарово, не просмотрено»⁸.

Хотя в Государственном архиве Югры нет акта осмотра здания церкви Покрова Пресвятой Богородицы, предписаний о необходимости ее ремонта, какие имеются в документах о ликвидации других церквей, думаю, что Самаровское религиозное общество было закрыто по причине непроизводства ремонта здания Покровской церкви. Об этом говорит один архивный документ – заявление в адмчасть Самаровского РИКа от гражданки Соскиной: «Прошу членом в списке верующих не считать, так как я не имею средств на ремонт церкви», датированное 10 мая 1929 г.⁹ Верующие самаровцы не могли собрать непомерную для них сумму на производство ремонта Покровской церкви и были вынуждены выходить из состава религиозного общества. Возможно, за этим последовал самороспуск общины верующих, но вряд ли самовольный отказ от пользования зданием Покровской церкви, которое было разрушено в 1930 г. Через 26 лет верующие уже г. Ханты-Мансийска подали заявление в Тюменский облисполком об открытии молитвенного дома, в чем им было отказано в православный праздник Крещения Господня 19 января 1956 г.¹⁰

История разрушенной церкви Покрова Пресвятой Богородицы обросла легендами. Некоторые говорят о том, что колокола

⁸ ГАХМАО Ф. 23. Оп. 1. Д. 41. Л. 22.

⁹ ГАХМАО Ф. 23. Оп. 1. Д. 41. Л. 23.

¹⁰ ГАХМАО Ф. 1. Оп. 1. Д. 591. Л. 8.

с церкви до сих пор находятся где-то в Ханты-Мансийске. Куда исчезло все церковное имущество, иконы, богослужебные книги? Неизвестно. История самаровских часовен, которых в начале XX в. было три: Никольская, Ильинская и Всех Святых, забыта и утрачена. Единственное сохранившееся до наших дней здание Никольской часовни (ул. Горького) уже не является религиозным, а находится в частной собственности. Многим самаровцам и хантымансийцам хочется восстановить утраченное, пройти, как и их предки, крестным ходом от церкви Покрова Пресвятой Богородицы к Никольской часовне.

В Государственном архиве Югры есть еще несколько документов, которые рассказывают о зданиях, принадлежавших церкви. Одно из них – решение президиума Самаровского РИКа от 1 сентября 1931 г. «Об использовании под квартиру сторожки церкви». Члены президиума постановили: *«живущей монашке в сторожке предложить в суточный срок помещение освободить, а квартиру забронировать для сотрудников РИКа»*¹¹.

О судьбах двух других часовен: Ильинской – напротив церкви Покрова Пресвятой Богородицы и во имя Всех Святых на кладбище в районе Рабочего переулка, даже старожилы не дают однозначного ответа. Скорее всего, они обе были снесены еще в начале 1930-х гг. Есть два архивных документа, подтверждающих эту версию. Существует протокол № 5 заседания членов президиума Самаровского поселкового Совета от 16 февраля 1933 г., на заседании проходил «разбор заявлений и разного рода актов». В числе прочих документов члены президиума одобрили акт консервного комбината от 5 февраля 1933 г. и обязали дирекцию комбината *«находящуюся часовню снести за счет средств комбината»*¹². Была ли эта часовня на кладбище, рядом с которым строился комбинат, или Ильинская часовня, непонятно. Второй документ – протокол № 26 заседания президиума Самаровского поселкового Совета Самаровского района от 16 ноября 1933 г., т. е. спустя 9 месяцев. Члены президиума рассмотрели заявление товарища Жерлакова о проведении противопожарных мероприятий в общежитии консервного комбината, которое находилось в 3–5 м от здания часовни, принадлежащей конторе Газбюро. Президиум постановил *«предложить заведующему Газбюро прекратить топку печей в часовне и последнюю снести, так как последняя про-*

¹¹ ГАХМАО Ф. 16. Оп. 1. Д. 13. Л. 188об.

¹² ГАХМАО Ф. 23. Оп. 1. Д. 66. Л. 102.

*тиворечит противопожарным мероприятиям»*¹³. Снова не ясно, о какой из часовен идет речь. На этот вопрос, возможно, смогут ответить те старожилы Ханты-Мансийска, которые помнят, где располагалось общежитие консервного комбината и контора Газбюро в 1933 г.

¹³ ГАХМАО Ф. 23. Оп. 1. Д. 66. Л. 167.

*История Форы:
лица, факты, даты*

Результаты историко-археологических исследований церкви Вознесения Господня в пос. Горноправдинск

Александр Владимирович Кениг,
кандидат исторических наук,
Обско-угорский институт прикладных
исследований и разработок,
г. Ханты-Мансийск;

Евгения Александровна Зайцева,
кандидат исторических наук, археолог,
г. Ханты-Мансийск

Современное сельское поселение Горноправдинск расположено в южной части Ханты-Мансийского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на правом берегу р. Иртыш. Оно было образовано 21 декабря 1972 г. на месте бывшей деревни Горнофилинской. В конце XIX в. д. Горнофилинская называлась с. Филинское, которое являлось административным центром Денщиковской волости Тобольского округа. По имеющимся историческим сведениям первая деревянная церковь в юртах Филинских была построена в первой четверти XVIII в. за счет государственной казны. Предназначалась она для местного коренного населения, окрещенного в ходе миссионерских поездок сюда схимонаха Феодора (бывшего тобольского митрополита Филофея Лещинского) [Новицкий, 1884, с. 93].

Уже в материалах путешествия от Березова вверх по рекам Оби и Иртышу до Тобольска за 1740 г. Г. Ф. Миллер упоминает об имеющейся церкви Филинского погоста: «*Филинский погост, на восточном берегу, в 10 верстах от дер. Пузиной. Имеет построенную для остяков церковь Вознесения Господня и 14 ямщицких дворов*» [Миллер, 1996, с. 268].

В 1751 г. это здание было уничтожено огнем. И в 1755 г. вместо него выстроили новую деревянную церковь [Справочная книга, 1913, с. 25]. К концу 80-х гг. XVIII в. она обветшала, и в 1787 г. был заложен новый, уже третий по счету, деревянный храм, который построили и освятили в 1788 г. [Оп. 4. Д. 35. Лл. 7, 2-2 об]. В начале XIX в. это здание опять пришло в ветхость, после чего новое решили возвести уже из камня. Каменная церковь «Вознесения Господня» была построена на средства прихожан в 1835 г. по утвержденному Тобольской духовной консисторией «плану и фаса-

ду». Таким образом, за свою двухвековую историю она перестраивалась три раза: в 1755, 1788 и 1835 гг.

В приход церкви в XIX в. входило еще пять деревень: Деньщикова, Горно-Субботина, Юртинская, Чембакчина и Слушкина и шесть юрт: Цингалинские, Семейские, Сотниковские, Филинские, Деньщиковские и Ячинские [Справочная книга, 1913, с. 25].

В приходе имелось две приписные церкви: во имя св. Николая Чудотворца в д. Юртинской и Успенская в д. Чембакчиной и четыре часовни: Ильинская в д. Горно-Субботиной, во имя иконы Божией Матери Казанской в д. Ячи, во имя св. великомученика и целителя Пантелеимона в д. Цингалы и в честь Сошествия Св. Духа на апостолов в д. Семейке, переданная впоследствии Батовской Петропавловской приписной церкви [Справочная книга, 1913, с. 25; Оп. 19. Д. 331. Лл. 326, 354].

Общее число дворов в приходе составляло 271. Прихожан в них насчитывалось 2 106 человек (1 018 мужчин и 1 088 женщин) [Справочная книга, 1913, с. 25]. После установления советской власти Филинская Вознесенская церковь была передана в пользование образовавшемуся при ней «религиозному обществу» и продолжала действовать. В 1935 г. церковь была закрыта. Ее здание использовалось для различных хозяйственных нужд. В 60-х гг. XX в. в здании церкви размещалась ремонтная мастерская. Позже, в 1973 г., здание церкви было приспособлено под хлебопекарню, которая размещалась в ней до 2009 г. В ходе обустройства пекарни была проведена теплотрасса, построены два магазина с северной и южной сторон здания и выгребная яма с восточной части церкви. При строительстве выгребной ямы на прилегающей к церкви территории были обнаружены захоронения. По сведениям местных старожилов на этом месте были проведены раскопки, в ходе которых обнаружено 5 погребений.

В ведомостях Тобольской епархии за 1915 г. содержатся сведения о том, что священником М. Макаровым 7 августа 1915 г. был посещен Филинский приход. В своих путевых записках М. Макаров приводит следующее описание прихода: «*Приход, как видно, хороший, но к прискорбию по неревностному отношению к делу Божию местных служителей алтаря дело стоит не на должной высоте. Даже могилы похороненных в ограде предшественников-священников находятся в полуразрушенном состоянии и даже не знают их имен. Владыке, служившему литию на могилах в ограде, кто-то из посторонних лиц сказал, как звали похороненного батюшку*» [Ведомости, 1915, с. 792].

Таким образом, исторические и архивные сведения дали полное основание полагать, что на территории, прилегающей к каменной церкви «Вознесения Господня», в период ее функционирования располагалось церковное кладбище.

В 2012 году в соответствии с проектом реставрации каменной церкви Вознесения Господня в с.п. Горноправдинск для исключения нарушения культурного слоя в ходе реставрационных работ и благоустройства территории, прилегающей к церкви, были проведены противоаварийные археологические работы под руководством Е. А. Зайцевой. С учетом современной ситуации и плотной застройки была определена территория, подлежащая археологическому изучению (рис. 1).

Раскоп № 1 общей площадью 40 кв. м был заложен с северной стороны здания церкви. В соответствии с проектной документацией на данном участке планируется подведение теплотрассы к зданию церкви. Максимальная протяженность раскопа составила 20 м (вдоль северной стены церкви). Ограничением для расширения раскопа послужила функционирующая в настоящее время теплотрасса.

В результате археологических работ на этом участке было установлено, что культурный слой XIX в. нарушен и переотложен в ходе прокладки теплотрассы и строительства магазина. Мощность слоя XIX–XX в. составила от 57 до 64 см. На уровне материка были зафиксированы 5 столбовых ям, заполнение которых представлено кирпичной крошкой, и остатки фундамента от магазина.

К находкам, обнаруженным в раскопе, можно отнести фрагменты кровли церкви и фасада церкви, кованые решетки с оконных проемов церкви и кованые гвозди.

Раскоп № 2 общей площадью 50 кв. м был заложен с западной стороны здания церкви. В соответствии с историческими документами с этой стороны располагался главный вход в здание церкви.

Максимальная протяженность раскопа составила 10 м вдоль западной стены церкви. Ограничением для раскопа послужила асфальтовая дорога, проходящая в направлении юго-восток – северо-запад в 9 м от здания церкви. В раскопе зафиксирован переотложенный слой, насыщенный мусором XX в. (мешки цемента, арматура, бетонные плиты, три монеты второй половины XX в. и кованые гвозди XIX в.). Мощность слоя составила от 48 до 109 см. На уровне материка обнаружено шесть ям, заполненных кирпичной крошкой.

Раскоп № 3 общей площадью 140 кв. м был заложен с южной стороны здания церкви. В связи с тем, что в 60-е гг. XX в. в здании церкви располагались ремонтные мастерские Правдинской нефтегазоразведочной экспедиции, а на территории, прилегающей к зданию, стояла тяжелая техника и проводился ее ремонт, слой очень насыщен промышленным мусором XX в. и пропитан горюче-смазочными материалами. В ходе работ на данном участке на уровне 105 см были обнаружены контуры девяти погребений.

Глубина могильных ям не превышает 220 см от дневной поверхности. Два погребения (№№ 8 и 9) уходят в В (восточную?) стенку раскопа под теплотрассу, поэтому было принято решение их не вскрывать. При изучении оставшихся семи погребений были обнаружены костные останки и предметы материальной культуры.

В ходе раскопок было установлено, что все погребения были ориентированы в направлении северо-восток – юго-запад, покойника клали головой на юго-запад. Могильные ямы в плане прямоугольной и овальной формы. Захоронения были совершены как в деревянных сколоченных гробах (могильные ямы №№ 2, 3), которые фиксировались по истлевшим доскам и кованным гвоздям, так и в колодах.

Костяки в захоронениях расположены анатомически правильно, трупоположение на спине, ноги вытянуты, а руки согнуты в локтевых суставах. В целом во всех погребениях костный материал очень плохой сохранности. В погребении одни костные останки принадлежали подростку не старше 15 лет. В погребениях № 3 и № 5а были похоронены мужчины, один из которых умер в возрасте около 60 лет (погребение № 5а). В погребениях № 4 и № 6 костные останки принадлежали женщинам, возраст которых определить не представляется возможным.

Сохранившийся инвентарь погребений крайне беден. Во всех погребениях обнаружены нательные кресты (рис. 2). В погребении № 3, возможно, находилась небольшая деревянная иконка, о чем свидетельствует бронзовая петелька. Кроме нательных крестиков, сохранились фрагменты кожаных ремешков, вязаных носков и небольших фрагментов ткани одежды.

В результате проведенных работ, направленных на исключение повреждения культурного слоя XVIII–XIX вв. с. Филинского (п. Горноправдинск) на территории, прилегающей к церкви «Вознесения Господня», в ходе реставрационных работ и благоустройства церкви была вскрыта площадь в 230 кв. м по периметру церкви. В ходе работ было обнаружено девять могильных ям с

южной стороны церкви, с северной и западной стороны могильные ямы не зафиксированы.

Таким образом, археологические раскопки подтвердили, что исследованная территория является церковным кладбищем, описанным в 1915 г. священником М. Макаровым. В ходе раскопок установлено, что кладбище размещалось с южной стороны церкви. В результате работ обнаружен новый объект культурного наследия – памятник археологии могильник Горноправдинский 2.

Список литературы

1. Новицкий Г. Краткое описание о народе остячком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 году. – СПб., 1884.
2. Миллер Г. Ф. Путешествие от Березова вверх по рекам Оби и Иртышу до Тобольска. 1740 г. // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. – Новосибирск, 1996. – С. 268.
3. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 4. Д. 35. Лл. 7, 2–2 об.
4. Справочная книга Тобольской епархии на 1913 г. – Тобольск, 1913. – С. 25.
5. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 331. Лл. 326, 354.
6. Ведомости Тобольской епархии. № 48. – Тобольск, 1915.

Список рисунков (см. вкладку)

Рис. 1. Схема расположения раскопов №№ 1–3 на территории, прилегающей к каменной церкви «Вознесения Господня» в сп. Горноправдинск.

Рис. 2. Могильник Горноправдинский 2. Раскоп № 3. Нателные кресты: 1) погребение № 3; 2) погребение № 6; 3) погребение № 1).

Из истории храма Вознесения Господня Филинского прихода

Мария Ивановна Першина,
ведущий библиотекарь
библиотеки семейного чтения
МБУК «Библиотечная система
Горноправдинск»

В с. Филинском первая деревянная церковь во имя Вознесения Господня заложена митрополитом Филофеем в 1714 г. Вторая церковь построена в 1755 г. и освящена 18 октября того же года. Третья заложена в 1787 г. и освящена в январе 1789 г. Настоящий каменный храм построен в 1835 г. Как сообщают документы, «построен на средства прихода»¹. Путь к строительству каменного храма был длинный. 19 марта 1819 г. от поверенных прихожан Филинского села Вознесенской церкви «емщика» Ивана Вторушина и «есашного» Михаила Баева поступило прошение на имя «Великого Господина Великосвященнейшего Амвросия», в котором они пишут, что «...приходская Вознесенская церковь деревянного строения по древности приходит в ветхость, а потому потреблять в ней священнослужение на будущее время опасно... Посему прихожане по общему усердию желают на место той ветхой церкви построить новую каменную одноэтажную... На каковой предмет и подписали они тогда же тысячу четыреста рублей, собранные церковным старостой»². Далее сообщается, что «...без постороннего пособия церковь не построить, а потому избрали из числа прихожан емщиков Сивкова, Молокова, Ивана Пузина, Родиона Куклина и Гаврила Молокова для собирания от добродетелей прикладов поручили исправить требы Вашего Высокопреосвященства на означенное построение вновь Каменной церкви Архипастырского благословения с выдачею на то благословенной грамоты, рисунка и плана так и двух зборных книг на трехгодное время на имя выше писанных емщиков»³.

19 марта 1819 г. в журнал Тобольской консистории записано, что на строительство в подгородном селе Филинском новой

¹ Церкви и приходы в Тобольском уезде // Тобольские епархиальные ведомости. – 1904. – № 19. – С. 386.

² Церкви и монастыри северо-западной Сибири и их библиотеки // Книжные сокровища Югры. – Екатеринбург, 2003.

³ ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. 156. Оп. 8. Д. 1381. Л. 1.

каменной церкви дается разрешение «с выдачею на оное благословенной грамоты, рисунка, плана и двух сборных книг на трегодичное время на имя избранных прихожан... Сей Указ для пособия и книги выдать на показанный срок, план выдан будет приказами с прописанием резолюции его высокопреосвященства послать Благодочинному отцу протоиерею Петру Фелицину...»⁴.

Восстанавливая по документам историю храма, невозможно не вспомнить служителей культа, оставивших свое имя в истории. Из православных изданий и архивных источников известно, что в 1742 г. Арсений, митрополит Тобольский и Сибирский, разрешает священнослужение в Вознесенской церкви Филинской волости кармацкому попу Семену Афонасьеву вместо умершего священника Макара Молокова.⁵ В 1773–1774 гг. в Филинском погосте Демьянского заказа служил священник Иван Попов, а с 1781 г. – Алексей Дьяконов. Священником в третьей церкви (1834) служил Василий Тимофеевич Пономарев. Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. сообщает, что в Вознесенской церкви в 1895 г. служил Александр Анатольевич Попов, 33 лет. В 1911 г. в каменном храме Филинской церкви служил священник Захар Кириллович Гердов, окончивший учительскую семинарию и пасторские курсы. С 1904 г. псаломщиком, с 1907 г. диаконом, а потом священником вплоть до закрытия храма служил Тимофей Федорович Харитонов, окончивший Казанскую крещено-татарскую школу, последний священник Филинской Вознесенской церкви⁶.

Революционные потрясения начала XX в. разрушили не только многовековой уклад жизни русского народа, но в годы террора и безбожия были закрыты и уничтожены православные обители и храмы.

Созданный в 1918 г. Филинский ревком возглавил балтийский моряк Николай Сергеевич Поспелов, уроженец с. Уват (одна из улиц поселка носит его имя). Документы архива свидетельствуют, что работа по искоренению веры начата была сразу же после издания советами постановления об отделении церкви от государства, хотя Самаровский РИК неоднократно отмечал, что «...работа с бедняцкой массой в этом направлении в Филинске

⁴ ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. 156. Оп. 8. Д. 1381. Л. 2.

⁵ ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. 156. Оп. 8. Д. 1. Л. 22.

⁶ Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 г. – Тобольск : Тип. Епарх. Братства, 1913.

ведется недостаточно». В 1920 г. гражданка с. Филинского Вакулина Соломея просит для проживания дом дьячка. В заявлении она поясняет, что «... муж в тюрьме, два сына на позиции, три дочери 17, 12 и 4 лет...». Почему женщина просит дом дьячка, где живет он сам и его семья на этот момент, ответа нет.

А служба в храме продолжается. Благодочинному священнику Тимофею Харитонову приходят разного рода документы, в которых отражена работа церковью прихода. 18/31 января 1922 г. священник Коневской Пророко-Ильинской церкви Петр Варсин в рапорте к благодочинному Тимофею Харитонову обращается: «Имею честь предоставить при сем... денежные сборы с нашей церкви в течении 1921 года» и далее просит выслать венчиков и молитв⁷. В июне 1923 г. Филинский волостной исполком ставит в известность священника Филинской церкви: «...Согласно радиограммы из Москвы за № 109 служители религиозных культов освобождены от уплаты промыслового налога. Филинский волостной исполком настоящим дает Вам знать, что впредь от выбора патента Вы освобождаетесь»⁸. За секретаря ставит подпись Павел Абрамович Воробьев, учитель Филинской школы, дедушка учителя средней школы пос. Горноправдинск Натальи Александровны Слинкиной и прадед учителя Елены Алексеевны Широковой.

Из протоколов общих собраний верующих за 1928 г. видно, что общества верующих были обязаны обращаться в Самаровский РИК за разрешениями, чтобы провести собрание или крестный ход на праздники.

Перед служителями церкви и приходом возникало много вопросов экономического и хозяйственного характера. В первую очередь вопрос аренды помещения церкви. Если вовремя не решить его, то здание отойдет государству. 30 ноября 1924 г. по разрешению милиции Демьянского района и административного отдела на собрании под председательством Евгения Молокова при секретаре Иване Сивкове, кроме этого вопроса, решались и другие – о выборе старосты, найме сторожа и просфорниц, отоплении.

На сложные условия жизни прихода наложились последствия природного катаклизма, случившегося 28 июня 1929 г. Во время урагана были повреждены крыша церкви, крест и колокольня. Нужен ремонт. Верующие обратились за разрешением для проведения собрания. На собрании 7 июля 1929 г. присутствовали уполномоченные от группы верующих – 15 человек. Необходи-

⁷ ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. 708. Оп. 1. Д. 12. Л. 13 (1).

⁸ ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. 708. Оп. 1. Д. 12. Л. 27.

мый ремонт восьмерика колокольни, поправка крыши среднего храма и дымовой трубы были произведены до 1 января 1930 г. Никифором Овсянниковым и Миклиным.⁹ Речь о закрытии храма не шла, но выписка из протокола заседания президиума Самаровского райисполкома от 10 апреля 1931 г. дает понять, что нападки на религиозные объединения со стороны НКВД усилились. Религиозные общества будто бы не выполняли требований административных органов, не предоставляли материалов для регистрации общества. На одном из заседаний Самаровского райисполкома слушали вопрос «Об уклонении от регистрации религиозных обществ». Президиум исполкома ходатайствовал перед Тобольским окрисполкомом о закрытии молитвенных зданий.

А между тем Филинский приход дал отчет о работе, служителях церкви, их имущественном положении, возрасте и времени службы. Списочный состав Филинского православно-религиозного общества верующих на 1 января 1931 г. насчитывал 609 человек.

В ноябре 1931 г. Филинский церковный совет просил разрешения на проведение собрания 19 января 1932 г. Собрание разрешено, верующие обсуждали вопросы содержания помещения, страховки и налога с церкви, перевыборов церковного совета, не упоминая самого праздника 19 января – Крещения Господня, ради которого они в этот день собрались.

В такой невероятно сложной обстановке наступает момент, когда прихожане начинают колебаться и отходить от веры. В 1931 г. (даты нет) за подписью председателя и секретаря РИКа в Филинский совет направлено рекомендательное письмо: «За последнее время со стороны батрацко-бедняцкой и середняцкой массы участились случаи поступления в РИК заявлений по вопросу использования здания религиозного культа на культурно-просветительные цели. Считаем, что эти заявления вполне заслуживают уважения». Далее речь шла о том, что на должном уровне не решается вопрос антирелигиозной пропаганды среди крестьянства и предлагаются меры по улучшению этой работы. А вскоре единодушно на налоговой сессии решили «обложить в индивидуальном порядке кулацко-зажиточную часть деревни служителя культа – Харитонова Тимофея Федоровича»¹⁰.

Многие годы существовала версия, что последний священник убит и утоплен в Иртыше. Но «Книга расстрелянных: Мартиролог

⁹ ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. 708. Оп. 1. Д. 12. Л. 64 (1).

¹⁰ ГА ХМАО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 35. Л. 22.

погибших от рук НКВД в годы большого террора» гласит: «Харитонов Тимофей Федорович, 1871 г. р., д. Крещенская – Шуран Уфимской губернии. Бывший священник. Плотник тобольской судовой Обьгосрыбтреста. Арестован 8.9.1937 г. Осужден тройкой Омского УНКВД 10.10.1937 г. Расстрелян в Тобольске 14.10.1937 г. Реабилитирован 30.12.1956 г.»¹¹.

«Протокол заседания президиума Самаровского РИКа от 12 января 1939 г. гласит: «с. Г.-Филинское. Молитвенное здание находится в бесхозяйственном состоянии с 1933 года, обряды не совершаются и с 1936 года в молитвенном здании никто не бывал, в результате чего часть имущества молитвенного здания пришла в негодность. Само здание разрушается. Община верующих распалась в 1932 г. Президиум райисполкома постановляет: утвердить решение Горно-Филинского сельсовета о передаче молитвенного здания под клуб как находящегося в бесхозяйственном состоянии. 1. Просить Президиум Облсполкома утвердить настоящее решение. 2. Поручить райпрокурору привлечь к уголовной ответственности бывшего церковного старосту Курбатова, обокравшего молитвенное здание Г.-Филинска»¹².

Сначала Самаровский РИК, а потом и президиум Омского областного исполнительного комитета поднимали вопрос о сохранении бесхозного здания церкви в Филинске. В постановлении сказано, что здание церкви «...по прямому назначению не используется с 1938 года, находится в бесхозяйственном состоянии и общины верующих не существует, утвердить постановление президиума Самаровского райисполкома от 12 января 1939 года, молитвенное здание в с. Горно-Филинском ЗАКРЫТЬ и передать его в распоряжение Горно-Филинского с/совета для использования на культурные цели»¹³.

Храм был закрыт, здание стояло и разрушалось. Секретарь исполкома окрсовета Вторушин Г. Г., посетив в 1951 г. колхозы Филинского Совета и Бобровский лесоучасток Самаровского района, в своей докладной записке доводил до сведения секретаря Ханты-Мансийского окружкома ВКП(б) тов. Савина М. Я., горкома ВКП(б) и исполкома Самаровского райсовета следующую информацию: «В д. Г.-Филинск имелась каменная церковь, исключительно хорошее здание... Неизвестно кем, видимо, местными жителями с церкви крыши начали срывать железные листы. С/совет не

¹¹ Книга расстрелянных. – Тюмень, 1999. – Т. 2. – С. 401.

¹² ГА ХМАО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 125. Л. 18.

¹³ ГАОО. Ф. 437. Оп. 6 (1). Д. 295. Л. 1.

пресек эти факты, и железо исчезло. В 1951 году в июне-июле сельсовет ставит вопрос на сессии о продаже этой церкви рыбкоопу на кирпич. Решение сессии принято: церковь продана на разлом за 7000 рублей. Рыбкооп посылает людей и начинает разламывать церковь, дошли с разломом до потолка, большинство получилось лом, а не кирпич. Райисполком запретил разрушать это здание, хотя факт совершился, и часть его разломано. Сельсовет тогда продает не целиком церковь, а кирпич по 300 рублей за одну тысячу, всего продал примерно 3000 штук, а остатки жести крыши по 25 р. за лист. Я категорически запретил разлом церкви, которую можно еще как здание восстановить и использовать для культурных целей, лучше всего под семилетнюю школу. Считаю необходимым, чтобы этот вопрос исполком[ом] райсовета был доведен до конца, и здание привести в порядок под школу»¹⁴.

В своих воспоминаниях Тамара Васильевна Уватенкова и Александр Федорович Захаров, жители села, пишут, что после закрытия храма еще долго дети находили предметы церковного убранства и одеяния священников. В 1964 г., когда в Филинске обосновалась экспедиция, стены древнего храма пытались взорвать. Свидетель этого Петр Филиппович Пальянов рассказывал, что когда были построены первые дома на улицах Ленина и Киевской, для кладки печей нужен был кирпич. Попытались с западной стороны заложить взрывчатку, чтобы потом можно было разбирать стену. Но кирпич так же рассыпался, а раствор прочно держался.

В сентябре 1989 г. возродилась небольшая община верующих, члены которой собирались для общей молитвы на дому. Деятельность прихода Филинского Храма Вознесения Господня была возобновлена в 1993 г. 17 января 2004 г. состоялось открытие воскресной школы. Православная духовная жизнь в приходе ожила с лета 2008 г., когда в приход храма после стольких лет забвения был направлен настоятель иерей Александр (Мензелинцев).

178 лет стоит Храм Вознесения Господня на земле Югры. По данным службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на 1 марта 2011 г., он находится на государственном учете как памятник архитектуры конца XIX в.¹⁵ Начавшаяся летом 2013 г. реставрация храма должна закончиться через 600 дней.

¹⁴ ГА ХМАО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 88. Л. 56.

¹⁵ Кениг А. В. Итоги археологических исследований в полевом сезоне 2012 года / А. В. Кениг, Е. А. Зайцева // Вестник угроведения. – 2012. – № 4 (11).

Языческие и постмодернистские образы в кладбищенской символике на территории Ханты-Мансийского автономного округа

Михаил Федорович Ершов,
кандидат исторических наук,
Обско-угорский институт
прикладных исследований и разработок,
г. Ханты-Мансийск;

Дмитрий Васильевич Филипчук,
историк,
БУ «Музей Природы и Человека»,
г. Ханты-Мансийск

*Молчат могилы, мумии и кости,
Лишь слову жизнь дана
Из тьмы веков на гробовом погосте
Звучат лишь письма.*
(И. А. Бунин).

В настоящей статье мы намерены оспорить утверждение классика. Могилы не молчат. Они также способны говорить. Их символика максимально наглядна. Надмогильные памятники повествуют не только об усопшем, но и о его близких, их отношении к умершему сородичу, об их ценностных предпочтениях, эстетических пристрастиях. А если брать максимально широкий охват значений – каждое кладбище говорит о времени в целом.

Вопрос заключается в том, чтобы понять, какую символику оно заключает в себе. Чтобы дать верный ответ, требуется не торопясь, вдумчиво анализировать образы, порожденные скорбью. Соответственно, цель настоящей публикации заключается в выявлении семиотики надмогильных памятников. В силу обширности данной темы мы были вынуждены значительно сузить круг объектов исследования и исследовательских задач. Не претендуя на тотальный охват кладбищенской символики, мы попытались выявить отличительные черты отдельных захоронений на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. По нашему мнению, в советский и постсоветский периоды отечественной истории в кладбищенской символике в значительной мере оказались утрачены прежние смыслы. На смену им пришли новые, но теперь уже языческие.

Всякое язычество характеризуется дискретностью, неоднородностью и внутренней противоречивостью. Поэтому, в первую очередь, применительно к кладбищам нас интересовали бинарные оппозиции. Общее и особенное, частность и целое, правило и исключение – вот те извечные проблемы, которые стоят у истоков любой культурной рефлексии. И с них же начинается любой научный поиск. Каким образом происходит замена одного стиля другим на обычном кладбище? Как отражается историческая эпоха в символике захоронений? Во что, в конце концов, верят и верили люди, те, которым пришлось хоронить, и те, которых похоронили. Эти вопросы интересны еще и потому, что через прошлое мы лучше осознаем современность.

В последнее время вопрос о кладбищенской символике стал предметом пристального изучения специалистов – историков, культурологов, этнографов. Для каждого из этих направлений в науке реалии кладбищенской эстетики дают богатый материал для исследований. К дискуссиям в ученой среде постепенно подключаются и представители традиционных религиозных конфессий. Сотрудниками Музея Природы и Человека с начала XXI в. ведется фотофиксация кладбищ в ряде населенных пунктов (Ханты-Мансийск, Березово, Луговское, Кондинское, Шапша, Бобровский, Горноправдинск, Сухорукова, Дальний, Маткинская, Кирпичный, Сибирский, Реполово, Батово, Троица, Усть-Манья, Цингалы, Чембакино и др.).

Считаем, что накопленная источниковая база пригодна для получения предварительных ответов по данной проблематике. Однако при исследовании необходимо учитывать демографическую специфику Ханты-Мансийского автономного округа. В значительной мере на кладбищах были захоронены те, кого в 30–50-х гг. XX в. именовали спецпоселенцами (раскулаченные, депортированные и иные репрессированные «враги народа»). Ныне, что признано на государственном уровне, эти люди причислены к жертвам политических репрессий.

Еще одна особенность захоронений связана с многонациональным составом населения округа. На кладбищенскую символику наложило отпечаток отсутствие городов-мегаполисов и незначительная прослойка старожильческого населения. Бесправные жители спецпоселенческих населенных пунктов тогда были в равной мере отчуждены от прежних культурных основ: религии, этноса и даже языка. У них только и были, что общая историческая судьба в ссылке и семья. Коллективизм (в масш-

табах страны, поселка, барака, семьи) помогал выжить. Уцелеть одиночке было куда труднее. Цензурный гнет, политика репрессий привели к тому, что на Севере повторно оформилась архаичная культура «безмолвствующего большинства». Молчание было спасительным, неосторожные разговоры «тянули» на пять лет, не меньше.

Не случайно духовная культура спецпоселенцев на сегодняшний день изучена недостаточно. Ценностные ориентации ссыльных стали своеобразной *terra incognita*. Они превратились в некую зону умолчания, которая не раскрывается не только для внешних наблюдателей, но и сплошь и рядом даже для собственных детей. Да и до сих пор потомки реабилитированных, давно уже не дети, неохотно рассказывают об участии своих родителей. Но то, что утаивалось при жизни, нередко наглядно проявляется после смерти. Был коллективизм и, соответственно, его ценности проецировались и на кладбище. Какие отличительные черты нам удалось выявить?

1. Для середины XX в. были отличительны одинаковые безликие кресты или стандартные пирамидки с неизменной фанерной звездой. Эти могилы действительно мало информативны для исследователя. Их тогдашняя символика – это либо отражение официоза, либо «молчаливое» незаметное христианство. Судьба отдельного человека здесь редуцируется до знака, символа, могилы. Как и ранее, престижность усопшего при жизни перетекает в его надмогильный памятник. Принадлежность к господствующей идеологии венчалась значимой посмертной звездой, принадлежность к гонимой религии на кладбище обычно отмечалась много скромнее – крестом или полумесяцем, порицаемыми властью.

2. Для захоронений этого времени присуще также подспудное смешение советской и религиозной символики. Здесь кресты и звезды соседствуют друг с другом. Интересно, что в надмогильных памятниках наблюдается ряд смежных заимствований. Так на атеистических могилах воспроизводится древняя, еще дохристианская, пирамидальная форма надгробного памятника. Ее архитектурное решение вызывает аллюзии со знаменитым шувеевским мавзолеем на Красной площади, со звездными шпилями общественных зданий эпохи «сталинского ампира».

3. Содержание кладбищ (особенно старых, где уже не производятся захоронения) оставляет желать лучшего. Людям, которые тяжело и с надрывом строили светлое будущее, не оставалось

сил для благоустройства прошлого. Таким образом в неупорядоченности загробной жизни отображался сумбур исторической эпохи. Дополнительную роль в кладбищенском хаосе играет и наше далекое прошлое. История России как колонизируемой страны (вспомним В. О. Ключевского) плавно перетекает в скрытое пренебрежение к «отеческим гробам». Миграции (и не всегда добровольные!) на просторах Евразии привели к ощущению временности пребывания на конкретной территории. Психологический императив «мы здесь ненадолго, скоро уедем» воплотился в нередкое отсутствие кладбищенских оград, наличие мусора; сплошь и рядом могилы зарастают деревьями.

Характерен пример неудачного расположения кладбища в пос. Шапша. Захоронения здесь располагаются на берегу протоки и дважды в год доступ к ним затруднен из-за затопления поймы. Приходится пользоваться лодками. Инициативу администрации по строительству пешеходного моста из металлических труб по направлению к кладбищу также нельзя отнести к числу удачных управленческих решений. Культурологическое объяснение, что кладбище расположено на берегу реки как границе обитаемого мира, здесь вряд ли уместно. Налицо обычное российское стремление жить «на авось».

4. На кладбищах обычно отсутствует четкое конфессиональное размежевание. Могилы с христианской, мусульманской и советской символикой перемешаны между собой. Более того, анализ захоронений показывает, что семейные узы для людей более значимы, чем вера. Бывает, что в общей семейной ограде располагаются памятники с советской и религиозной символикой или с мусульманской и христианской. Характерны сообщения старожилов о том, что первоначально существовало разделение по конфессиональному принципу, затем оно было утрачено. Смерть уравнила всех.

Такая чересполосица свидетельствует как о межконфессиональной терпимости, так и о забвении основных религиозных канонов и традиций, и опять-таки о российской безалаберности, неспособности к последовательному пространственному планированию. Приходится признать, что идеологическая политика прежнего коммунистического руководства отчасти достигла своих целей: люди, оторванные от своей исторической родины, утратили и связь с религией. Эти обстоятельства привели к тому, что в округе до сих пор не развито конфессиональное загробное размежевание. Усопшие вне религии, как правило, хоронятся на одних и тех же кладбищах.

5. Со временем, возможно, под влиянием атеистических настроений христианские кресты еще более упростились. Они стали лаконичнее, суше, утратили часть элементов (восьмиконечный крест редуцирован до шестиконечного или четырехконечного, исчезла двускатная крыша). Несомненно, что знания о символических значениях, которые несут в себе различные виды христианских, особенно православных крестов, уже утрачены. Нарастает деградация обрядности, культа и религиозной культуры в целом.

6. Вытесненная религиозность заменяется суррогатами. Ярким свидетельством изменения общественного сознания стало фрагментарное включение элементов советских погребальных атрибутов в конфессиональную могильную символику. Пирамидальные памятники распространяются и среди христианских и мусульманских захоронений. Нередко они сделаны из одинаковых деталей, различия минимальны – только в конфессиональном (идеологическом) навершии пирамиды.

7. Развитие индустриального общества повсеместно приводит к изменениям в способах изготовления памятников и используемых для них материалов. Существование лесоперерабатывающего комплекса на Севере Сибири содействовало распространению крестов, изготовленных из стандартных пиломатериалов, в первую очередь из бруса (пос. Луговской). Такие кресты массивны, приземисты и эстетически невыразительны. Очевидно, что только экономические причины (дешевизна дерева и бедность части населения) привели к их массовому появлению на кладбище. Затем деревянные памятники стали вытесняться их металлическими аналогами. Пирамидки сваривались из арматурных прутьев.

8. И, наконец, в позднесоветский период пирамидки вытеснены геометрически плоскостными надгробиями. Их самая распространенная форма – перевернутая трапеция, прямоугольник. Полагаем, что их появление также не случайно. С одной стороны, применение крупнопанельного блочного домостроения в городах приводит к вытеснению овалов и повсеместному господству прямоугольной «правильной» застройки. Она в моде. С другой стороны, со времен Н. С. Хрущева исчезает вера в пришествие коммунизма. Пирамидальные, стреловидные надгробия как символ движения на пути в будущее, как знак целеустремленно прожитой жизни заменяются цельным памятником, близким по своей стилистике отдельной квартире.

Острые такого памятника теперь уже не устремляются вверх, в небеса, в будущее. Напротив, оно символически «воткнуто» в землю. Теперь это знак, стрела, указывающая индивидуальное захоронение: «я лежу тут, на этом самом месте». Этот некий символический восклицательный знак конца прожитой жизни, говорящий отнюдь не об идее – о личности покойника. Материал для такого памятника в идеале должен быть из обработанного камня. При невозможности применить полноценный материал используются его заместители: мраморная крошка, железные листы, сваренные по периметру единого пустого объема. Возрастает разнообразие вариантов памятников.

9. Нечто подобное происходит и с могильными оградками, отсутствовавшими на русских сельских кладбищах еще в XIX в. В XX в. оградки – правило, а не исключение. Сначала они изготавливались из дерева. Затем оно повсеместно вытеснилось железом, и металлические оградки стали господствующими на кладбище. Первоначально они однотипные. Со временем усиливается разнообразие оградок, их внешнего вида, тех металлических профилей, из которых они изготовлены. Ограждение перестает быть строго функциональным, оно наполняется религиозной и светской символикой. Это «бегущее колесо», изобретенное архитектором Малаховым, солярные знаки, кресты, элементы индустриальной символики – всего и не перечислишь.

Развитие индивидуализма, не всегда реализованное в жизни стремление к приватному существованию компенсируются у покойных обособленным участком «своей» земли. Она огорожена для мертвых так же, как когда-то были ограничены права и свободы для населения СССР. О том, что именно эти жизненные реалии отображаются в надмогильной символике, свидетельствуют кладбища современной России. Оградки мельчают, становятся ниже, они уже не ограждение, а только обозначение территории. Внутренне свободный человек не нуждается в клетке, и тем более в загробной.

10. Для Бога все равны. В грешной же жизни равенства в социальных статусах нет. Поэтому памятники могут отображать профессиональную принадлежность, материальные возможности и ценностные предпочтения усопшего или его близких. Социальный «вес» при жизни оказывается тождественен стоимости расходов на обустройство могилы. Статус захоронения определяется также и местом кладбища и местом на кладбище. В последнем случае оно изменчиво. Достаточно часто старое кладбище раз-

растается и его центр руинизируется. И, напротив, периферийные места, места возле дороги, где присутствует хороший обзор, оказываются в выигрышном положении.

Симптоматично, что близость кладбищенской церкви (если таковая есть) существенной роли уже не играет. На кладбище теперь важна не близость к Богу или храму, а престижность места, материал, из которого изготовлен памятник и его форма, декор, цвет, выбитый рисунок, трогательная надпись с упоминанием родственников или добротной сделанная фотография. Со временем начинают фиксироваться тяга к разнообразию и даже желание комфорта для тех, кто посещает кладбище. Происходит символическая приватизация загробного пространства. Как и в древние языческие времена социальное положение при жизни переносится и на посмертное существование.

11. Отчасти эта практика порождена развитием индивидуализма и частной жизни в нашей стране. Современное стремление выделиться или хотя бы похоронить близкого «не хуже, чем у людей», ведет к эклектике, к переплетению смыслов. Иногда эти смыслы способны стать самостоятельными, выйти из-под контроля создателей или заказчиков памятника. Таким образом, порождается побочный, незапланированный эффект. Обычно это связано с недостаточным уровнем религиозной и художественной культуры заказчиков. Несмотря на провозглашенное возвращение к религиозным истокам, на кладбище немало элементов сумбура, нездорового смешения стилей.

Пожалуй, самым впечатляющим образцом такого захоронения являются две могилы в пос. Дальний Кондинского района. Их деревянные памятники, очевидно, сделанные местным умельцем, сочетают в себе эстетику и православия, и идолопоклонства. В крест под двускатной крышей (а на крыше находится еще один крестик) «впечатана» некая былинная фигура (в одном случае мужская, в другом – женская; может быть, это образ усопшего) с еще одним, уже третьим крестом в руках. Такие фигурки (разумеется, без крестов), наверное, все же уместны не столько на кладбище, сколько на аллеях детского парка.

Таким образом, нет сомнения, что вольно или невольно на таких кладбищах из глубин социальной памяти всплывает скрытое язычество. Разумеется, это не означает возвращения к древним славянским истокам. Конечно же, неоязычество порождено современностью, но аллюзии с прошлым все-таки прослеживаются. Причина проста: разорвана связь с прежней религиозной тради-

цией, ее нынешнее восстановление условно. Оно так и не отменило утраченной прежней целостности и верности религиозным канонам.

На смену им пришла эклектика. В одну кучу оказались смешаны православие, католицизм, мусульманство, рудименты скрытого язычества и атеистическая символика. Кладбище оказывается скомпоновано из могил как кубики «Лего». На сегодняшний день мы находимся на пепелище прежних, уже утративших значение смыслов. Объективно мы – на кладбище культуры. И надмогильные памятники служат ярким свидетельством происшедшего распада.

В XX в. стилистика захоронений претерпела значительную эволюцию. Постепенно возрастает разнообразие вариантов памятников. «Голая» идея (неважно, религиозная или атеистическая) постепенно усложняется, памятник обрастает дополнительной символикой, несущей самые разнообразные смыслы. Идет нарастание эмоции от героики и жертвенности к сентиментализму. На протяжении века языческие и христианские мотивы рокируются между собой. Такое язычество почти не структурировано, плохо осознается и эстетически закамуфлировано новыми веяниями. Фактически, на кладбище, как и во всей нашей жизни, господствуют элементы того культурного явления, имя которому – постмодернизм.

Кладбище оказывается территорией постмодернизма по ряду причин. Здесь, несмотря на усилия родственников, практически нет иерархии – смерть уравнивает всех. Здесь нет иерархии пространства – кладбищенская территория «текуча». Любая смерть означает разрыв с прошлым. Современное состояние кладбищенских захоронений свидетельствует не просто о происшедшем разрыве. Разорвана не только связь с жизнью, с традицией, с конфессией, но и с ценностными ориентациями. Что в будущем ожидает всех нас на кладбище (и в России) – об этом можно только догадываться.

Род Сивковых из Денщиков

*Андрей Александрович Сивков,
исследователь,
г. Ханты-Мансийск*

В жизни каждого человека приходит время, когда он задается вопросом: «Кто мои предки и откуда они родом?». В беседах с родственниками старшего поколения я часто спрашивал их, кто мои деды и прадеды, откуда пришли, и родственники ли нам те или иные однофамильцы? Ответ всегда получал частичный, не до конца понятный, но интересный. Это воодушевило меня заняться поиском своих корней и составлением фамильной родословной.

И вот полтора года назад я начал работу по сбору информации о своих родственниках Сивковых родом из д. Денщикова Ханты-Мансийского района.

Мне удалось собрать фамильную родословную из более полутора тысяч имен в 13 поколений из 7 основных линий. Все линии связаны между собой брачными узами, в разных поколениях и неоднократно. Хотя они и были связаны между собой родственными отношениями, но все же имели разное положение в обществе. Одни владели рыбными промыслами, охотничьими угодьями, мельницей, пашенными землями или ямщицким двором, другие не имели ничего. До Гражданской войны, со слов старожилов, все семьи жили в достатке, помогали друг другу. По различным причинам, в т. ч. и социального неравенства, некоторые родственные отношения были утеряны.

Собрано более 300 фотографий разных периодов. Сделаны аудиозаписи с воспоминаниями старожилов, интересные истории из жизни, рассказы о судьбах людей. Согласно историческим данным, а также воспоминаниям стариков, передаваемым из поколения в поколение, можно утверждать, что поселились и основали деревню Денщикова Сивковы, пришедшие из Холмогор и Новгорода (первые поселенцы Тобольского уезда до 1700 г.), бывшие годовальщики, а немного позже хлебопашцы из Вологодской области.

В одной из линий родословной прослеживается принадлежность к чалдонам, что трудно доказуемо. На это указывает их старообрядческий быт, черты лица, говор и большие познания

в знахарстве (лечились у них со всей округи). Они обладали огромной физической силой, не сквернословили и не курили табак. По этой линии Сивковы женились только на Сивковых вплоть до конца 20-х гг. XX в. Моя бабушка, 1906 года рождения, из этого рода, была два раза замужем, и оба мужа – Сивковы.

В конце XVII – начале XVIII вв. Сивковы поселились рядом с остяцким селением Денщикова юрты и основали деревню Денщикова. Юрты Денщикова по-остяцки *Taltompugl*, где *tal* – зима, *taltom* – «привезти, увезти, оказать услугу». Исходя из этого, можно толковать так: «высокое место, где можно зимой получить услугу перевозки, привезти, увезти; денщик-ямщик». Возможно, здесь проживали ранние русские, державшие лошадей, занимавшиеся извозом. Достоверно известно, что кони денщиковских ямщиков славились на всю округу.

Деревня располагалась по обе стороны Иртыша, основными жителями всегда были Сивковы. Род разрастался, деревня была перспективной и к 1788 г. стала центром Денщиковской волости. Как волость просуществовала более 100 лет. Со временем семьи стали расселяться по выселкам. Согласно переписи 1897 г. здесь проживало 46 семей Сивковых.

В связи с многовековым обрушением берега и частым подтоплением луговой стороны, деревня приходила в упадок. В 1970 г. после наводнения жителей Луговых Денщиков перевели в Лугофилинск. Деревня Горные Денщики официально была ликвидирована раньше, в 1961 г., но несколько семей остались на месте. Последней в 1996 г. оставила свой дом семья Леонида Деомидовича и Екатерины Никифоровны Сивковых. Их дом и сейчас еще стоит на краю обрыва, напоминая собой пограничный столб, разделяющий прошлое и настоящее деревни. Многие семьи из Денщиков переехали в пос. Бобровский, где находится сейчас поселковый музей «Свет малой Родины», основанный В. М. Родионовой при поддержке главного методиста Госархива Югры Л. М. Завьяловой.

Познакомившись с Валентиной Михайловной, в беседах с нею я понял, что у нас общие интересы и цели. Побывав на организованной ею встрече бывших жителей исчезнувших деревень, я попросил ее помочь мне организовать встречу родственников Сивковых. Оказалось, ее бабушка тоже из рода Сивковых, и мы вместе занялись подготовкой встречи. В августе 2012 г. состоялась первая встреча, собралось более 40 человек.

У входа сохранившегося кладбища д. Денщикова установили памятный крест роду Сивковых, посетили могилы своих родственников. Многие из приехавших с трудом узнавали друг друга, т. к. не виделись с юных лет. Были и такие, которые считали себя однофамильцами, а на самом деле родственники одной линии. Пожилые люди привезли с собой внуков. Были семьи в составе четырех поколений. Встреча продолжилась в библиотеке показом видеоматериалов об исчезнувших деревнях, в которых пожилые люди провели свое детство. В организации мероприятия приняло участие и молодое поколение. Интерес со стороны молодежи проявлялся во всем, что очень порадовало старшее поколение. Местные жители читали стихи собственного сочинения, посвященные д. Денщикова и роду Сивковых, организован небольшой концерт. Закончилась встреча застольем с воспоминаниями старожитов. Разговорам не было конца, люди не хотели разъезжаться. На этой встрече было решено встречаться ежегодно в первую субботу августа.

В августе 2013 г. состоялась вторая встреча, приехало более 100 человек, не считая детей, плюс гости. К организации праздника присоединились коллективы самодеятельности клубов пос. Бобровский и Лугофилинск под руководством Марии Иллитратовой (ее бабушка, из Сивковых, еще жива, делится ценными воспоминаниями с потомками). Эти коллективы подготовили культурную программу, организовали концерт. Во всем чувствовалась теплота. Слышались слова: «А не вернуться ли обратно?».

Родственники приехали из разных мест: Ханты-Мансийска, Сургута, Тобольска, Нижневартовска, Тюмени, Самары, Демьянского, Горноправдинска и близлежащих деревень.

Огромный интерес и бурное обсуждение вызвал видеопросмотр старых фотографий родственников, люди узнавали своих близких, делились воспоминаниями. Беседа продолжилась за накрытыми складчину столами, как это было в старину. На встречу приезжают и люди, не имеющие ничего общего с Сивковыми, которых встречают как своих гостей.

Благодаря составлению родословной через 56 лет нашлись брат и сестра. Их мама рано умерла, и детей в возрасте двух и пяти лет определили в детский дом. Мальчика усыновили, а девочка воспитывалась в детском доме. Судьба их развела по разным местам: Петр живет в Хакасии, а Людмила в Саратовской области.

Собираю материалы по участникам Великой Отечественной войны. Сивковых родом из Денщикова ушло на фронт более 50-ти человек. Удалось собрать 40 фотографий, они оформлены в рамки и подарены в музей пос. Бобровский. Сделан видеоролик, посвященный участникам войны Сивковым родом из Денщикова.

Организовали поиск позабытых могил с сообщением близким. Люди откликнулись. В сентябре восстановлена могилка деда Егора, известного в каждой нашей семье. Установлены новая оградка и крест его родственниками, приехавшими из Сургута.

Поддерживаю связь с родственниками в Санкт-Петербурге, Челябинске, Новосибирске, Москве, Балаково Саратовской области, Республике Алтай, Хакасии и др. Все желают приехать на встречу, но из-за больших расстояний и финансовых затруднений пока не могут.

Сообщаю людям почтовые и электронные адреса, номера телефонов их родственников для общения между собой. Отправляю видеоролики и фотографии августовских встреч. После встречи мне звонят родственники, о которых я еще не знаю. Начинаю поиск, и родословная расширяется.

На данный момент в социальной сети «В контакте» создана группа под названием «История рода Сивковых д. Денщикова ХМАО – Югры». Возлагаем большие надежды на активность молодежи в соцсетях.

Основной целью своей работы считаю восстановление связи поколений и родственных отношений, некогда утраченных, а также сохранение воспоминаний о прошлом нашего рода Сивковых д. Денщикова.

Вклад Сергея Алексеевича Куклина в изучение Севера Западной Сибири

*Евгений Ильич Гололобов,
проректор по научной работе СурГПУ,
д. и. н., профессор*

Сергей Алексеевич Куклин (1896–1969) был личностью незаурядной. Он окончил реальное училище с золотой медалью, получил высшее профессиональное образование в Петроградском лесном институте, был командиром Красной армии, участвовал в боевых действиях на фронтах первой мировой и гражданской войн, внес большой вклад в развитие охотничьего дела на Урале и Севере Западной Сибири.

Особенность С. А. Куклина заключалась в том, что он подходил к порученному ему делу не просто как профессионал, а как исследователь. Яркий пример тому – подготовленное им в 1925 г. географическое и статистико-экономическое описание Сургутского района.¹

На должность заведующего лесным районом в Сургуте (в последствии лесничим Сургутского лесничества) специалист лесного хозяйства С. А. Куклин был назначен 1 сентября 1923 г. Сургут представлял собой в 1920-е гг. районный центр, в котором находились: Районный исполнительный комитет, Райком РКП(б), Уполномоченный окротдела ГПУ по Сургутскому и Александровскому районам, милиция, нарсуд (8 – Сургутского и 9 – Александровского участка), следователь, сельсовет, почтовая контора со сберегательной кассой, школа-семилетка, больница с аптекой, лесничество, метеорологическая станция 2-го разряда, Народный дом, Дом крестьянина, библиотека-читальня и столовая.²

В каком состоянии было лесное хозяйство региона, красноречиво свидетельствуют документы тех лет. Не было должного финансирования отрасли. В качестве примера можно привести отчет Тобольского окрлесотдела за 1924 г., который дает развернутую картину состояния лесного хозяйства округа. Леса округа, занимавшие огромную территорию, охранялись всего лишь

¹ Куклин С. А. Сургутский район Тобольского округа. Географическое и статистико-экономическое описание с 6 приложениями и 8 диаграммами. – Тобольск: Сургутский районный испол. ком., 1925. – 49 с.

² Там же. – С. 26.

42-мя объездчиками и 55-ю «безлошадными» лесниками³. Для нормального осуществления своих обязанностей число лесной стражи необходимо было увеличить вдвое, особенно для северных лесничеств Березовского и Сургутского, где при полном отсутствии средств на транспортные расходы объездчики обслуживали территории протяженностью от 250 до 500 верст⁴. Естественно, что это негативно сказывалось на организации и ведении лесного хозяйства.

Отсутствие финансовых средств, необходимых для должной организации лесного хозяйства в Сибири вообще и на Обь-Иртышском Севере в частности, являлось одной из основных проблем данной отрасли. Анкета Сургутского лесничества за 1924–1925 операционный год демонстрирует это обстоятельство в полной мере. Денег не хватало даже на канцелярские расходы. Низкая заработная плата работников лесного хозяйства приводила к нехватке квалифицированных кадров⁵. О бедственном положении работников лесного хозяйства красноречиво свидетельствует сравнение их зарплаты за 1923–1924 гг. (от 30 руб. 9 коп. у заведующего лесотделом до 6 руб. 60 коп. у лесничего)⁶ с прожиточным минимумом, определяемым на Севере в указанный период в 30 руб. 68 коп.⁷

Очевидно, что существовать на такие зарплаты и при этом работать честно было просто невозможно. При первой же возможности специалисты покидали лесную службу. В 1924 г., например, ушел на должность управляющего Обдорской конторой «Хлебопродукта» с окладом в 250 руб. золотом в месяц опытный специалист – помощник Березовского лесничего П. П. Агеев,

³ Государственное Учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (далее ГУТО ГА в г. Тобольске). Ф. 995. Лесной отдел земельного управления Тобольского исполкома окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1. Д. 11. Л. 50.

⁴ Там же. Л. 9 об.

⁵ Гололобов Е. И. Использование природных ресурсов и охрана окружающей среды на Обь-Иртышском Севере (1919–1929) / Природные ресурсы, природопользование и охрана окружающей среды на Обь-Иртышском Севере (1919–1929): Сб. док. – Новосибирск, 2005. – С. 27.

⁶ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 995. Лесной отдел земельного управления Тобольского исполкома окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1. Д. 11. Л. 11 об.

⁷ Там же. Ф. 690. Тобольский комитет содействия народностям Севера при президиуме Тобольского окружного исполнительного комитета (Тобольский Комитет Севера). Оп. 1. Д. 22. Л. 12.

прослуживший в лесном хозяйстве 16 лет⁸. Такая картина являлась типичной для Севера. «Наблюдается массовое стремление работников, состоящих на местном бюджете, уйти с работы, и если остаются, то только лишь потому, что питают надежды на улучшение своего материального положения»⁹. Как следствие «...весь доход от леса остается не внесенным в казну, его некому получать, а население пользуется лесом самовольно и бесплатно. Пожары же тушатся лишь дождем»¹⁰.

Эти обстоятельства тормозили развитие лесного хозяйства региона и существенно снижали эффективность его функционирования. Суровые природно-климатические условия, колоссальные пространства в сочетании со слабой заселенностью и удаленностью от основных хозяйственно-административных центров, неразвитая инфраструктура и постоянный дефицит средств приводили к тому, что продуктивность лесов была ничтожной¹¹.

На пути развития лесного хозяйства Обь-Иртышского Севера стояли проблемы и трудности системного порядка, которые в тех условиях могли преодолеваются, пожалуй, только неудержимой энергией энтузиастов-профессионалов. Именно таким был Сергей Алексеевич Куклин.

В 1920-е гг. лесному хозяйству придавалось большое значение. Предполагалось, что, исчерпав лесные запасы Канады и США, «мировой капитал» вынужден будет обратить свои взоры на леса СССР, в частности на леса Тобольского Севера¹². Вообще леса рассматривались как «составная часть колоссальных природных богатств Тобольского Севера, за счет которых необъятные пространства богатейших промысловых окраин смогут получить свое надлежащее развитие, а обитающие на нем отсталые народы приобщиться к более высокой культуре...»¹³.

⁸ Там же. Ф. 995. Лесной отдел земельного управления Тобольского исполкома окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1. Д. 11. Л. 12.

⁹ Там же. Ф. 690. Тобольский комитет содействия народностям Севера при президиуме Тобольского окружного исполнительного комитета (Тобольский Комитет Севера). Оп. 1. Д. 22. Л. 12.

¹⁰ Там же. Ф. 995. Лесной отдел земельного управления Тобольского исполкома окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1. Д. 11. Л. 9 об.

¹¹ Сибирская Советская энциклопедия. Т. III. Леса восточной части Урала. – 1933. – С. 96–97.

¹² Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-3977. Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК (Комитет Севера). Оп. 1. Д. 39. Л. 22.

¹³ Там же.

Именно рационально устроенное лесное хозяйство рассматривалось как источник средств существования местного населения, как основа сохранения пушных, рыбных и водных ресурсов края.

С. А. Куклин систематизировал всю доступную на тот момент информацию по лесному хозяйству региона. Леса Сургутского района были расположены, по преимуществу, по увалам следующим вдоль рек. Ширина этих увалов колебалась от нескольких метров до 26 км, увеличиваясь обычно от устья реки к ее вершине. Общая площадь лесов района составляла 10911,123 га – 52% площади района, и удобная лесная – 3191,909 га, или 15% всей площади района. На севере от реки Оби преобладала сосна, а на юге кедр. На болотах преобладала сосна. На месте многочисленных и обширных гарей – береза, режа кедр, сосна, ель, пихта и осина. Ценные и удобные для эксплуатации леса находились на обоих берегах р. Оби. Эти леса тянулись полосами от 8 до 25 км от восточной границы до западной с перерывами, образуемыми долинами притоков р. Оби¹⁴.

Из лесов, находящихся в бассейнах притоков р. Оби, выделяются находящиеся на водоразделе между Аганом и р. Колик-Еганом – притоком р. Ваха.

Верхние и средние течения южных притоков р. Оби: Кул-Егана, Югана, Балыка и Салыма были охвачены огромными лесными пожарами в конце 60-х гг. XIX в. Эти пожары продолжались три года подряд, сохраняясь зимой в торфяниках и вновь развиваясь весной. Они охватили площадь до 400 км длиной и до 100 км шириной. Более мелкие пожары повторялись в бассейнах этих рек позднее. На месте пожаров в 20-е гг. XX в. преобладали молодые и припевающие насаждения березы с примесью кедра, сосны, ели, пихты и осины¹⁵.

Идеи развития лесного хозяйства на Севере, ориентации его на экспорт активно поддерживались С. А. Куклиным. Он отмечал, что в Сургутском районе имеется несколько миллионов деревьев прекрасного кедрового, соснового и другого леса. Значительная часть запасов этого леса лежит в непосредственной близости к водным путям, пригодным не только для сплава, но и для движения пароходов с баржами. Полное использование этих запасов

¹⁴ Куклин С. А. Сургутский район Тобольского округа. Географическое и статистико-экономическое описание с 6 приложениями и 8 диаграммами. – Тобольск: Сургутский районный испол. ком., 1925. – С. 3.

¹⁵ Там же; ТФ ГАТО. Ф. 695. Лесной отдел земельного управления Тобольского исполкома окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1. Д. 101. Л. 26.

возможно было только на экспорт путем вывоза лесных материалов «северным морским путем» через устье реки Оби или железнодорожным путем от устья этой реки на Запад. До реализации этих масштабных проектов обосновывалась возможность использования лесных богатств Сургутского района на Уральском и Сибирском рынках. Автор подчеркивал: «Можно полагать, что до сих пор леса района оставались не использованными вследствие того, что на них, как на находящиеся вдали от центра, не было обращено должного внимания. В развитии заготовок заинтересовано как государство, так и местное население, привыкшее с давних пор получать значительный заработок от лесных (дровяных) заготовок и больно ощущающее в настоящее время сокращение их»¹⁶.

Заинтересованность в расширении рынков сбыта северных лесных ресурсов была связана с низким потреблением лесных материалов внутри региона. При существующей в середине 1920-х гг. эксплуатации леса использовалась лишь ничтожная часть древесины, годной к отпуску, не более 2% ее. Особенно слабо использовались строевые материалы, которые почти не имели сбыта. Основных потребителей было немного.

До назначения С. А. Куклина в период с 1917 по 1923 гг. лесничество не давало дохода. В первый же год службы он сумел собрать 2904 руб., развернув энергичную борьбу с незаконной заготовкой лесных материалов¹⁷. Им в Сургуте был организован праздник «День леса», в рамках которого лесничий прочитал населению лекции «О Дне леса и охоты», «Значение леса в государственном и местном хозяйстве». В городе был разбит сад площадью в 0,5 га, посажено 900 деревьев. В этом мероприятии участвовало 390 человек из 1052 проживавших в это время в Сургуте. Ко Дню леса была выпущена содержательная стенгазета¹⁸.

Принципиальность, желание защитить своих подчиненных от произвола местных властей вынудили Сергея Алексеевича покинуть Сургут. В конечном итоге Куклин перебрался в Свердловск (до 1925 г. Екатеринбург) и с 1927 г. был на охотоведческой работе. В разные годы он занимал должности старшего охотоведа

¹⁶ Куклин С. А. Сургутский район Тобольского округа. Географическое и статистико-экономическое описание с 6 приложениями и 8 диаграммами. – Тобольск: Сургутский районный испол. ком., 1925. – С. 18.

¹⁷ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 995. Лесной отдел земельного управления Тобольского исполкома окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1. Д. 24. Л. 4.

¹⁸ Там же. Д. 17. Л. 141.

Уралохотсоюза, директора Уральской научно-исследовательской охотбиостанции, начальника Пермской облохотинспекции, старшего охотоведа Свердловского облуправления охотничье-промыслового хозяйства Урала и Западной Сибири.

На протяжении столетий пушной промысел играл важнейшую роль в системе северного хозяйства, являясь основой сибирского экспорта. За 1909–1913 гг. экспорт пушнины составил 55 млн. рублей, тогда как экспорт металлов – 21 млн. рублей, нефтепродуктов – 36 млн. рублей¹⁹. В 1900-е гг. Россия поставляла на мировой рынок из общего количества отдельных сортов пушнины: 96% белок, 63% горностаев, 60% песцов, 35% соболей.

После непродолжительной передышки, связанной с Первой мировой войной, революцией и последовавшей за ней Гражданской войной, в 1923–1924 гг. вновь возобновляется интенсивная эксплуатация пушных ресурсов. Стихийная погоня за пушниной началась уже в 1920–1921 гг., когда Север, как и вся страна, находился в тяжелом состоянии – голод, разруха, нехватка товаров первой необходимости. Продовольствие и необходимые промышленные товары на Севере обменивались исключительно на пушнину, пушниной же выплачивалось жалование совслужащим, взимались налоги и разверстка. Продовольственную норму можно было получить только за пушнину. Даже служители культа за отправление обрядов устанавливали плату в пушном эквиваленте²⁰. Само существование человека на севере в эти годы напрямую зависело от пушнины.

Во многом это объясняется тем обстоятельством, что в начале 20-х гг. пушнина являлась чуть ли не единственным источником валютных поступлений. Стоимость продукции всей национализированной сибирской промышленности за 1921–1922 гг. (при условии выполнения производственных программ) равнялась бы 81% стоимости сибирской пушнины на американском рынке в ценах сентября 1922 г.²¹

Активная роль государства в организации пушного промысла способствовала стабилизации этой отрасли северного хозяйства во второй половине 1920-х гг. В 1930-е гг. начинается активная деятельность по рационализации охотничьего хозяйства, развитию звероводства. С. А. Куклин был непосредственным участником этих процессов.

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-3977. Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК (Комитет Севера). Оп. 1. Д. 45. Л. 15 об.

²⁰ Сосунов И. Тобольский Север // Северная Азия. – М., 1925. – Кн. 3-4. – С. 29.

²¹ ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 45. Л. 15 об.

Длительная охотоведческая деятельность, стремление подойти к делу с исследовательских позиций логично привела Сергея Алексеевича к написанию обобщающей работы по охотничьему хозяйству Урала²².

Центральное место в работе занимает повидовое описание промысловых зверей и птиц, их образа жизни, экономического значения и способов охоты на них. Автор не ограничивается только констатацией фактов. Он рассматривает процессы в развитии, давая как ретроспективу, так и перспективу развития охотничьего хозяйства в регионе.

Не случайно книга «Звери и птицы Урала и охота на них» С. А. Куклина снабжена обстоятельной исторической справкой. Умение автора работать с источниками, стремление не просто рассказать об охотничьем хозяйстве, а показать его в контексте определенного времени, делает данные публикации весьма ценными для использования в междисциплинарных историко-экологических проектах.

Сергей Алексеевич Куклин был профессионалом своего дела, исследователем, имел активную жизненную позицию, что делает его незаурядной личностью, а его творчество интересным для широкого круга специалистов, занимающихся вопросами взаимодействия природы и человека.

²² Куклин С. А. Звери и птицы Урала и охота на них. – Свердловск, 1937.

Массовые источники о репрессиях 1930-х гг.: этнографический аспект (по материалам фондов ГАХМАО)

*Нина Александровна Лискевич,
старший научный сотрудник
Института проблем освоения Севера СО РАН,
кандидат исторических наук,
г. Тюмень*

Массовые репрессии 1930-х гг. среди крестьян выражались в ущемлении гражданских (лишение избирательных прав), имущественных прав («раскулачивание»), права на досуг (в результате обложения индивидуальным налогом или дачей твердого задания), ссылкой, ограничением передвижения. Изучение этой темы актуализировалось в последние десятилетия и в рамках фундаментальной науки, и краеведческих исследований, и при восстановлении родословий отдельных семей. С 1990-х гг. начинают широко публиковаться материалы и исследования о репрессиях, прежде всего – о спецпереселенцах [К прим.: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7].

С. А. Красильников отмечает, что в отечественной историографии проблемы крестьянского социума в условиях спецпереселений и шире в условиях репрессий ощущается «своего рода теоретико-концептуальный застой: исчерпан ресурс идей и подходов, обозначившихся в последнее десятилетие» [5. С. 23]. Появление новых концепций он связывает с расширением эмпирической базы и раскрытием потенциала корпуса не только директивных, но и массовых источников [Там же]. Массовыми считаются источники, представленные большим количеством документов, содержащих однотипный массив данных (первичных или сводных) и отражающих определенные общественные процессы и системы с присущими им структурами и функциями; в источниках такого вида заключен особенно большой объем скрытой информации [8. С. 124, 125].

Большой корпус источников о репрессиях 1930-х гг. отложился в фондах государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (далее – ГАХМАО)¹, очень небольшая их часть опубликована [К прим.: 9, 10]. Источники о репрессиях сформиро-

¹ Благодарю директора В. М. Комарова-Распутину и сотрудников архива за профессиональную помощь в организации оперативной работы с документами.

рованы в различные дела: личные дела, заведенные на граждан, подававших ходатайства о восстановлении в правах; переписка с районными комитетами Остяко-Вогульского округа о лишении и восстановлении избирательных прав; акты конфискации имущества у кулаков и передача их колхозам и населению; общие списки лишенных избирательных прав; протоколы заседаний бедноты, сельских и туземных советов и др. В личных делах оседали, помимо личных заявлений «лишенцев» и «твердозаданцев» в различные инстанции², также и сопроводительные материалы – справки о социальном и имущественном положении, копии личных документов, выписки из различных заседаний, справки со свидетельствами односельчан, о соцпроисхождении, с места работы и о трудовой деятельности в прошлом и на момент выдачи и пр. Эти данные имеют большой информационный потенциал для этнографических и культурно-антропологических исследований.

С одной стороны, опора на массовые данные с помощью количественно-статистических методов позволяет получить качественные характеристики содержания, тенденций и результатов репрессивных процессов. Индивидуальное поведение зависит от различных факторов, но если рассматривать действия большого количества людей, действующих в сходных условиях (репрессии, политическое, экономическое, социальное давление), то можно выявить основные векторы стратегии поведения, характерные для групп, объединяемых по каким-либо признакам (этническому, территориальному, образовательному и пр.). Т. е. мы сможем количественно обозначить/выразить в цифрах зависимости в формировании нового общественного опыта, которые чувствуем гипотетически. В то же время предельная генерализация, связанная с обобщением данных, скрывает конкретные случаи из жизни отдельных семей, людей, их проблемы, трагедии и победы. Биографический метод позволяет осветить не только значимые вехи жизненного пути человека, но и его отношение к различным общественным и частным событиям, эмоциональные переживания в различные острые моменты его жизни, особенности выстраивания отношений с родственниками, односельчанами, административными/властными структурами и пр. В заявлениях и ходатайствах «лишенцев» хорошо прослеживаются недоумение, растерянность, недовольство, злость, попытки понять, с чем связано наказание.

² Подробнее о процедуре рассмотрения заявлений, жалоб и ходатайств см.: [5. С. 24–25].

В 1920–1930-х гг. резко изменились социальные нормы, стандарты, начали выработываться новые стереотипы и ценности. Инкорпорация этих социальных норм в повседневную жизнь людей происходила стремительно и угнетающе. Некоторые документы свидетельствуют о протестных действиях, участии в «бандитизме», белогвардейских «восстаниях» в 1918–1921 гг., в т. ч. и имеющих историческое значение для локальных территорий. Реальное поведение людей далеко не сразу начинало соответствовать новым нормам, стереотипы понимания, эмоционального восприятия и поведения формировались на непосредственном личном опыте и опыте других людей. В документах виден конфликт базовых ценностей – устоявшихся представлений об основных целях жизни человека и средствах их достижения, добре, справедливости, семейном единстве – и необходимости выражения лояльности новой власти. Это выразилось в противопоставлении таких категорий, как *честный труд / наемный труд (эксплуатация); торговец (спекулянт) / честный труженик; трудящийся / иждивенец; бедняк / кулак; революционер / бандит:*

«В действительности я только сын б/торговца, но никакого участия я в деле не принимал [подчеркивание здесь и далее – Н. Л.], все время работал на отца — на разных работах и жил своим честным трудом (прилагаю подтверждение справку односельчан)» [11. Л. 27].

«С возникновения советской власти я до настоящих дней не лишился избирправ и состоял по классовому расположению бедняком, а теперь к 1932 г. средняком (прилагаю справку), из этого выходит ясно, что я третьегоднейший? бедняк, вчерашний середняк сразу — кулаком — врагом трудящихся и несмотря на ходатайство в вышестоящие организации, вопреки» [11. Л. 27 об.].

«...мой сын на основе инструкции о выборах в советы от 20.10.1930 г. гл. 2, п. Р никак не может лишиться избир. прав. Ибо он с 11-летнего возраста промышляет рыбу в артелях и 2 г. у госрыбтреста был наемным рабочим и до настоящих дней средства к существованию добывает своим трудом и не я его, а он меня кормит, и я иждивенец его, ибо я 61 лет: старик [11. Л. 91].

Одним из способов изменения социального статуса было «отречение» от имущества, накопленного родителями «путем эксплуатации», либо официальное выделение из семьи:

«Отец до революции был крупным торговцем, торговал он годов двадцать. На нетрудовые доходы нажил два больших дома. Торговал он в Мужах только зимой и на лето выезжал всегда в Ар-

хангельск. О размерах оборота я сказать ничего не могу. Держал батраков по два. Какого в 1921 г. расстреляли красные, ... остался после смерти отца хозяином, он в это время был уже женатый, жил на нетрудовые доходы, нажитые отцом, и ничего не делал, поступил работать в сельсовет, в сельсовете работал он периодами месяцев по 5–6 из-за найма работников, а как узнавали о его соц. происхождении и положении, сразу же выгоняли, после смерти отца работников, батраков не имел, торговлей не занимался. В 1921 году он один недостроенный дом подарил в школу. В настоящее время его занимает РИК, второй дом он как будто бы отдал под школу (сейчас в нем школа) года четыре тому назад, сам он живет у шурина, в каких условиях не знаю. Шурина у него бедняк [11. Л. 62–62об].

«Мужевская избирательная комиссия лишила меня избирательных прав как сын лишенца и нахожусь на проживании у отца, но я с мая месяца 1931 г. отделился от родителей и живу отдельно, имеется раздельный акт, который засвидетельствован Мужевским с/с [11. Л. 56].

«...хозяйства имели до 1921 г. После 1921 г. ... хозяйство начали сознательно транжирить и уничтожать» [11. Л. 38об.]

Документы показывают, как необходимость писать жалобы, ходатайства заставляла осваивать бюрократический «новояз», быть в курсе последних инструкций и структур власти. Можно проследить, какова была скорость реакции человека, лишеного избирательных прав и обремененного «твердым заданием», повышенным налогообложением на репрессивное давление, как совершенствовались способы оправдания – от минимизации предъявленных обвинений и объяснения обстоятельств до полного их отрицания с помощью привлеченных адвокатов. В ходатайствах по мере накопления опыта обращения в разные инстанции могли использоваться не просьбы, а требование и шантаж, что показывает степень адаптации к экстремальным обстоятельствам:

1932 г. Обращение к Остяко-Вогульскому окрисполкому: «По сему на основе приложенных документов прошу окружной избирательной комиссии прошу рассмотреть личный вопрос и восстановить в избирательных правах как неправильно лишеного. О последующих результатах прошу уведомить» [11. Л. 27об.].

1932 г. «Считаю, что не имея хозяйства, орудия лова, сельсовет юридически не имеет права дать твердое задание, и действия

сельсовета рассматриваю как нарушение закона. Окружного прокурора прошу дать указание об отмене с меня твердого задания как неправильно данного. И прошу имеет ли право сельсовет насильно удерживать от выезда в другой район для трудового заработка. Я хочу выехать в другой район для работы на производстве. Прошу окружного прокурора без промедления дать мне ответ на мое заявление» [11. Л. 54–54об.].

«Окружной избирательной комиссии прошу восстановить меня в избирательных правах, исправляя неправильные действия низового органа и последующие результаты, уведомить меня для случая подачи заявления в область для установления по данному вопросу по отношению меня законности. Сельский совет даже не дает требуемых справок, тем самым нарушая явно инструкцию о выборах в советы (глава 3 ст. 26, примечания), и применяет всякие ограничения несмотря на что» [11. Л. 72].

«20 сентября 1933 г. бедняцким собранием наше хоз-во было признано кулацким, в результате чего мы были лишены права голоса, обложены с/х налогом в индивидуальном порядке и получили твердое задание по пушным заготовкам, рыбным заготовкам и займу (см. прот. заседания президиума туз/с № 25). Но постановление является незаконным, т. к. вынесено в противоречии с существующими законами и политикой сов. власти, требующей строгой защиты середняцких хоз-в от неправильного отнесения их к числу кулацких» [12. Л. 23].

Сложности с восстановлением прав у сельских жителей были связаны с тем, что в случае доказательства неправомерности действий по лишению избирательных прав и «раскулачивания», необходимо было возвращать отнятое имущество [5. С. 58–59]. Так житель с. Саранпауль Березовского района А. С. Артеев боролся за восстановление избирательных прав и возврат «пяти штук охотничьих ружей и другого имущества» с 1930 по 1936 гг., его дело разбиралось на уровне туземного совета, райисполкома, окрисполкома, облизполкома и Центральной избирательной комиссии, он обращался в юридическую консультацию, нанимал адвоката, заручался поддержкой члена ВЦИК [12].

В протоколах и выписках из заседаний президиума сельского/туземного совета, совета бедноты, справках и ходатайствах односельчан можно видеть как проходило обсуждение снятия или сохранения репрессивной меры для конкретного человека, почувствовать отношение к человеку – равнодушие, мстительность, желание усугубить своими показаниями сложную ситуа-

цию, либо наоборот – попытки защитить, даже рискуя собственным положением:

«Мы нижеподписавшиеся граждане с. Мужы Шурышкарского р-на Остяко-Вогульского округа даем сию справку в том, что нашего односельчанина Хозяинова Г. С. отец Хозяинов С. при царизме несколько лет торговал мелочной торговлей. Но сам он ... не принимал совершенно никакого участия в торговле и совершенно никогда не имел наемного рабочего, а по сей день жил за счет честного труда, участвуя в промысле <??.?> трудовых артелей, в чем и расписуемся» [11. Л. 29–29об.].

«Настоящим прошу разобрать мое заявление <> нижеследующее: Артеев А. С. сын бывшего кулака, как его отец среди темной массы среди туземцев всякими способами эксплуатировал, как то имел торговлю, также после отца занимался. Артеев А.С. между туземцами торговал всякими видами товарами и оленями. Сам покупал оленей по <?> руб., а продавал туземцам на белки 40–50 белок продавал 1 голову, а белки стоили от 1 до 1 р. 40 к. Также вывозил сырье постелей камысов в Сосьву, продавал трое дорожке, чем покупал, также занимался скупкой рыбы и вывозил в другой район Никито-Ивдель и за Урал <?> область, а также занималась его семья продажей пива туземцам, а также со дня революции был против советской власти и коллективизации, и вел агитацию между туземцев. В 1918 г. участвовал в отряде Колчака, каковой был путеводителем данной местности, благодаря его активного участия Колчаку как знающего местность был разбит красный отряд, выступающий из-за Урала, а также принимал участие в 1921 г. в бандитизме против красных партизан, а также давал оленей под аренду, на одну нарту 3-х оленей, которые всего стоили за работу не более 10 руб., а он брал 30 белок...» [12. Л. 5].

«Я брал [у Артеева А. С. – Н. Л.] оленей, нарты за 23 белок, а чужие еще больше брали, чем он» [12. Л. 13].

В источниках содержатся личные данные (ФИО, место жительства), сведения о составе семьи, социальном и имущественном положении, биографические данные, что позволяет обрисовать обобщенные характеристики «лишенца»: возраст, категорию (кулаки, применяющие наемный труд, торговцы, служители культа и пр.), а также средние показатели и диапазон размеров индивидуального налога и твердого задания.

К примеру: «Хозяйство Истомина Василия кулацкое, имеется большой дом, выстроенный за счет эксплуатации чужого труда. Его хозяйство с 1915 по 1920 г. эксплуатировало крупные рыбогу-

дья у туземцев. Держало круглый год по несколько батраков. Имел 1 дом, 1 амбар, 1 хлев с сеновалом, 1 баню, 2 лошади, 2 коровы, 1 нетель, 50 голов оленей. В настоящее время имеет 1 дом, 1 амбар, 1 хлев с сеновалом, 1 баню, 2 лошади, 1 корову, 15 голов оленей» [11. Л. 51–52].

Описи подлежащего конфискации имущества содержат перечень построек, скота, оружия, средств передвижения, мебели, домашнего имущества и утвари, иногда одежды, указывается их стоимость. Эти данные позволяют реконструировать обустройство быта, представить особенности интерьера. К примеру, такой набор домашнего скарба был у Рочева О. О.: диван, комод, часы, машина швейная, шесть стульев венских, зеркало, балалайка, шкаф гардероб, ларь под муку, четыре ящика деревянных разных размеров, котел чугунный, стол, этажерка книжная, стол ломберный, шкаф для посуды [11. Л. 16–16 об.]. Вместе с домашними постройками, скотом, транспортными средствами его имущество было оценено на сумму 3 722 руб. и распродано в 1931 г. за невыполнение твердого задания по рыбозаготовкам [12. Л. 13, 16 об.].

Нормы и объемы твердых заданий для лишенных избирательных прав определялись на местах с учетом предельных возможностей граждан и зачастую были невыполнимыми. Так семье, где было два трудоспособных человека, в 1932 г. было дано задание по вылову 5 тонн рыбы, другой семье надо было заготовить 10 тонн рыбы, кулацкие семьи должны были с 15 июля по 15 сентября 1932 г. заготовить по 30 возов сена [11. Л. 13 об., 15 об., 45]. Для семей с большим количеством детей, где муж был посажен, такие задания становились настоящим бедствием. В заявлениях передается ощущение безысходности от сложившейся ситуации, вот пример обращения к окружному прокурору:

«Прошу мое заявление 16.7.32 г. разобрать в том, что мне дают твердое задание, т. е. работать куда-то нужно ехать на лотке, а у меня двухмесячный ребенок, а трудоспособная я одна и семейство 8 человек, самому старшему сыну 15 лет, а всего ребят 6 человек, я седьмая и бабушка 66 лет тетка старуха, а самого присудили на 2 года, сидит в изоляторе. Мы живем на квартире, его присудили, что ему было твердое задание, но он не мог выполнить это задание, и сейчас мне дают твердое задание работать. Но я бы не отказалась от работы, но при моем условии я никак не могу работать, нужно мне их воспитывать, на их работать, лишь потому что бойкий мальчик двухмесячный, а норму получаем только 10 фунтов, нам не хватает. Там это еще ничего что мы знаем, что

не дают, а ребята просят <> Сейчас опять дают твердое задание сделать сено 30 возов мне одной. Не знаю, что мне сделают, после месяца... Я могу вам подчеркнуть, что в случае <> ответа, чтобы вы знали, что вы нам ответите, что часто бывает ответ придет, а здесь закрывают и по-своему сделают. Прошу вас ответить скорее» [11. Л. 47–47об.].

Как правило, ответом на такие заявления становилось указание разобраться на месте. В частности, по этой ситуации на заседании президиума сельского совета было решено, что

«...она действительно дочь кулака. Данное ей твердое задание с/с считает вполне реальным и выполнимо в количестве 30 возов. Кроме того, у нее есть подростки, которые также могут оказать помощь в сеноуборке, один 16 лет, второй 14 лет. Данное задание рассчитано на 3 месяца, т. е. в день приходится выставлять по 4 копы, что вполне выполнимо» [11. Л. 46].

Личные заявления, справки и ходатайства показывают различные аспекты профессиональных занятий, прежде всего торговли, оленеводства, рыбного промысла, реже – ремесла. Особенно подробно освещается прошлое торговцев, в т. ч. упоминается сезонное распределение лавочной, выездной, ярмарочной торговли, виды продаваемых товаров – мануфактура, бакалейные, скобяные, галантерейные и пр., иногда указаны торговые обороты, цены за некоторые товары, наличие приказчиков.

События 1930-х гг., связанные с массовыми репрессиями, являются одними из самых сложных, противоречивых и закрытых страниц в истории нашего общества. И в контексте этнографических исследований обозначенные темы далеко не исчерпывают информационный потенциал источников, позволяющих открыть новые грани в исторической реконструкции общественных и антропологических деформаций того времени, а также выявить их связь с современным сообществом.

Библиографический список

1. Байда Е. В. Социальный портрет лишенного избирательных прав за занятие торговлей // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.). – Нижний Тагил, 1997. – С. 86–95.
2. Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х гг.). – М. : Интерпракс, 1994. – 267 с.
3. История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР : книга для учителя. – М. : Мосгорархив, 2002. – 504 с.

4. Красильников С. А. На изломах социальной структуры : маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х гг.). – Новосибирск : НГУ, 1998. – 451 с.

5. Красильникова С. А. Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири в 1930-х – начале 1950-х гг. / С. А. Красильников, М. С. Саломатова, С. Н. Ушакова. – 2-е изд. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. – 327 с.

6. Папков С. А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. – Новосибирск : изд-во Сиб. отд-ния РАН, 1997. – 271 с.

7. Социальный портрет лишенца (на материалах Урала) : сборник документов / Ю. А. Русина, в соавт. с Е. В. Байда, Л. Н. Мазур, Т. И. Славко, Л. А. Фофановой. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1996. – 256 с.

8. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. – М. : Наука, 1987. – 440 с.

9. Политические репрессии 1930–1940-х годов в воспоминаниях и личных документах жителей Ханты-Мансийского автономного округа : сборник документов / сост.: Е. М. Брагина, Ю. В. Лазарева, Л. В. Набокова. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2002. – 260 с.

10. Наша общая горькая правда : ист.-краевед. сб. / [ред.-сост. Л. В. Цареградская]. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2004. – 350 с.

11. ГАХМАО. Ф. 1. Остяко-вогульский окружной исполнительный комитет совета РККД. Оп. 3. Д. 1. Выписки из протоколов заседания комиссии по рассмотрению жалоб, справки о соцпроисхождении и заявления лишенцев, твердозаданцев. 29.12.1931 г. – 27.12.1932 г. – 113 л.

12. ГАХМАО. Ф. 1. Остяко-Вогульский окружной исполнительный комитет совета РККД. Оп. 3. Д. 13. Переписка с районными комитетами Остяко-Вогульского округа о лишении и восстановлении лиц избирательных прав. 15 июня 1931 г. – 27.12.1932 г. – 171 л.

Список сокращений

ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет.

ГАХМАО – Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа.

РИК – Районный исполнительный комитет.

Совет РККД – совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Здесь больше никто не живет... (страницы истории с. Базьяны Ханты-Мансийского района)

*Лидия Михайловна Завьялова,
главный методист отдела использования
и публикации документов казенного учреждения
«Государственный архив Югры»,
г. Ханты-Мансийск*

Каждый населенный пункт, рождаясь, переживает различные периоды истории. И порой уходят в небытие... Причин этому много: переезды людей в города, демографический кризис, стихийные бедствия. Так случилось и со многими населенными пунктами Ханты-Мансийского района. Если в 1936 г. в районе было 72 [1] села и деревни, в 1969 г. – 52 [2], то к настоящему времени она снизилась до 34 [3].

Базьяны – одно из последних сел района, которое постигла та же участь, что и многие населенные пункты России. Состоявшаяся в 2010 г. рабочая поездка губернатора Ханты-Мансийского автономного округа Натальи Комаровой в с. Базьяны положила начало подготовке переселения его жителей в д. Ярки того же сельского поселения. В марте 2012 г. базьяновцы поселились в новых домах деревни, появившейся в начале 1930-х гг. в период высылки спецпереселенцев из других районов страны.

Своим появлением Базьяны обязано самаровским ямским охотникам Башмаковым – Козьме сыну Михайлову да Анфиме – Филипову сыну, купившим у базьяновских остяков за 2 ½ рубля рыбные ловли и сенокос в 1730 г., о чем написал в своей книге «Самарово» Хрисанф Лопарев [4]. По рассказам старожилов, Иртыш, неоднократно меняя свое русло, заставил жителей села переселиться уже на третье место.

Ревизская «скаска» (перепись населения) Самаровского ведомства Сибирской губернии 1763 г. свидетельствует, что в д. Базьяновой проживало 5 семей, 3 из них имели фамилию Башмаковы, 1 – Скрипуновы, еще 1 – Шеймины. Из 32 членов семей было 18 детей [5].

В близлежащей д. Фроловой, исчезнувшей с карты Ханты-Мансийского района уже в советское время (исключена из учета статистических данных в 1949 г.), доминировали семьи Шаламовых и Губиных. А «вновь поселенную деревню Аленева» (Оленево, Мануйло, Мануйлово, Мануйловская) обживали семьи «Герасима

Мануйлова сына Аленева», «Федора Данилова сына Губина» и две семьи Кузнецовых. Согласно «Списку численности населения по Ханты-Мансийскому району на 1 января 1973 г.», деревня просуществовала на самаровской земле до 1972 г.

По состоянию на 1868–1869 гг., согласно сведениям из «Списка населенных пунктов Тобольской губернии», казенная деревня Базьяновская при р. Иртыш имела уже 28 дворов, жителями которых были 122 человека.

Один из составителей книги «Россия: Полное географическое описание нашего отечества» Ф. Н. Бежавский отмечал значительность торгового селения Базьяновского, «общий оборот торговых заведений которого достигает свыше 50 тыс. руб.» [6]. В 1912 г. в селе имелась церковь, школа, 2 торговые лавки, почтовая и земская станции.

Церковь, в начале XIX в. приписанная к самаровскому храму Покрова Пресвятой Богородицы, носила имя первоверховных апостолов Петра и Павла. Новое здание было построено в 1872 г. на средства прихожан и пожертвования частных лиц [9]. Здание церкви было деревянным, с крышей, покрытой железом. О первопрестольных праздниках извещали своим звоном 7 колоколов. Самый большой имел вес 50 пудов 20 фунтов, маленький – 1 пуд 15 фунтов [10]. В 1897 г. храм был перенесен на другое, более безопасное место. Средства вложили базьяновские крестьяне братья Василий и Константин Башмаковы, затратившие на богоугодное дело 2500 рублей [11].

К началу XX в. деревня превратилась в большое село. «Тобольские епархиальные ведомости», описывая поездку Евсевия, епископа Тобольского и Сибирского, для обозрения церковью Тобольского и Березовского уездов в 1910 г., отмечали, что «базьяновцы просили Владыку послать к ним священника, при этом не один раз повторили, что они согласны бы иметь священника и без «высокого образования», а лишь бы был человек хороший <...>, а то они без священника испытывают, за дальностью соседних приходо-дов, большие неудобства и затруднения. Базьяновский храм, хотя и небольшой, но довольно приличный, только за отсутствием хозяина не отличается чистотой...» [12].

В феврале 1923 г. церковь вместе с описанными предметами церковной утвари в количестве 41 единицы была передана в бес-срочное и бесплатное пользование верующим села. В созданное общество верующих вошло 359 человек, в т. ч. и из д. Фроловской. В этот период службу в церкви проводил священник Авраамий

Васильевич Тимофеев, но уже в 1925 г. обществом верующих был заключен договор с 31-летним священником Иваном Романовичем Питухиным, бедняком по социальному положению, с выплатой жалованья по 25 руб. в месяц, с квартирой и отоплением за счет общества. Гонения и террор, усилившиеся в 1937–1938 гг., не обошли стороной и базьяновского священника. Согласно «Книге расстрелянных», Питухин И. Р., 1894 г. р., уроженец д. Нижне-Роман, ныне Уватского района, был арестован 07.01.1938 г. и расстрелян в Ханты-Мансийске 26 марта того же года.

14 мая 1937 г. было запротоколировано постановление заседания Президиума Самаровского РИКа с просьбой о рассмотрении материала Базьяновского сельского совета по закрытию церкви и передачи ее для использования под школу. Колокола, судьба которых решалась еще в 1930 г., по всей вероятности, к тому времени уже были переданы в фонд индустриализации.

По архивным данным, президиум Омского областного исполнительного комитета Советов РК и КД утвердил постановление Самаровского РИКа в 1939 г. [13].

По сведениям сельского библиотекаря Онойной Л. М. в 2000 г. по инициативе жителя с. Базьяны Спиридонова Степана с участием механика жилищно-коммунального хозяйства Киселева Н. А. и местных рабочих в память о Петропавловской церкви был установлен железный крест рядом с сельским Домом культуры. Более подробно ознакомиться с историей церкви можно в журнале «Архивы Югории» [14].

В с. Базьяновском существовало и сельское училище Министерства народного просвещения. Как докладывает в рапорте инспектору народных училищ Тобольской губернии 1-го района исполняющий дела старшины Шаламов, оно было открыто в 1897 г. [15]. Почетный попечитель училища Константин Башмаков лично на свои средства построил здание сельского училища, снабдил его необходимыми пособиями, приобрел библиотеку.

В сельском училище обучение шло довольно успешно благодаря учительнице Агриппине Кожевниковой и законоучителю из Самаровского двухклассного училища протоирею Нестору Вергуну. Надо полагать, что село действительно было большим, если в Самаровской волости училища, кроме Базьян, были только в Самаровском и Реполовском селах.

В Тобольском архиве сохранился список детей, учившихся в сельском училище, предоставленный учительницей Е. И. Соскиной в Тобольский уездный отдел народного образования в январе 1920 г. [16].

Башмакова Людмила Хрисанфовна
 Киселева Агриппина Александровна
 Киселева Надежда Филимоновна
 Каюкова Анна Павловна
 Леньчирова (нрзб. – Л.З.) Ирина Ивановна
 Башмакова Евлампия Павловна
 Киселева Алефтина Ивановна
 Киселева Нонна Филимоновна
 Башмакова Пелагея Петровна
 Башмакова Елена Петровна
 Попова Елизавета Александровна
 Бабкин Василий Васильевич
 Киселев Константин Филимонович
 Башмаков Константин Николаевич
 Бабкин Ефим Тимофеевич
 Башмаков Иван Николаевич
 Башмаков Федор Владимирович
 Башмаков Арсений Яковлевич
 Башмаков Максим Алексеевич
 Каюков Хрисанф Николаевич
 Киселев Прокопий Иванович
 Конев Иван Васильевич
 Каюков Петр Павлович
 Башмаков Геннадий Алексеевич
 Башмаков Николай Михайлович
 Киселев Василий Иванович

С введением в жизнь Декрета ВЦИК от 16 октября 1918 г. сельское училище в с. Базьяны было преобразовано в единую трудовую школу 1 ступени. Школа имела целью «дать детям возможность приобрести знания и навыки, необходимые им для разумной организации как своей личной жизни, так и жизни в обществе трудящихся». Согласно Положению о Единой трудовой школе, в ней учились дети от 8 до 13 лет (5-летний курс).

Школа на тот момент имела специально построенное собственное здание. Заведующая школой Измайлова в отчете сообщила, что «прошлогодних учеников явилось мальчиков 10, девочек – 9». В перечне инвентаря имущества школы в 1923 г. числился портрет Константина Васильевича Башмакова, волшебный фонарь (прообраз проекционного), мраморный умывальник, венские стулья и диван, зеркала и другие предметы домашнего оби-

хода, по всей вероятности, экспроприированные у зажиточных крестьян села.

В 1930 г. в зону обслуживания Базьяновской однокомплектной школы 1-й ступени входили с. Базьяны и д. Фролова, находящаяся в 8 верстах. Школой было охвачено 46 детей (27 мальчиков и 19 девочек). По социальному положению доминировали бедняки (19 чел.) и середняки (19 чел.). Кроме классной комнаты имелась квартира для учительницы и уборщицы. При школе имелся огород, который в тот год дал урожай картофеля в 18 ведер. Детей приучали к общественно полезному труду: они писали лозунги для сельского совета и избы-читальни, носили почту, собирали утильсырье, помогали коммуне готовиться к перевыборной компании советов. «Антирелигиозное воспитание налажено, классовую сущность религии дети понимают. В вопросах классовой борьбы разбираются. В национальной политике дети разбираются слабо, на этот участок работы требуется уделить внимание... Революционные праздники празднуют торжественно» [17].

В отчете о работе школ Самаровского района по состоянию на 26 марта 1931 г. школа отмечалась среди лучших шести школ по учебной, организационной и воспитательной работе.

Находясь далеко не в лучших материальных условиях, благодаря проявленной инициативе заведующей, она сумела создать фонд бедноты в сотни рублей, организовать горячие завтраки, обеспечить детей бедноты и планово построить работу.

Школу возглавляла (до 1 марта 1933 г.) Котова Марфа Венедиктовна, которая окончила гимназию и имела уже 8-летний стаж педагогической деятельности. Она занималась повышением своей квалификации через профессиональные курсы, чтение периодических изданий «На путях к новой школе», «За компросвещение» и, как отмечали в характеристике, «методически подготовлена» и «инициативу по налаживанию работы проявляет». Уроженка с. Сухоруковского Елизаровской волости, представительница известного в Югре рода Протопоповых, в последние годы жизни учительница Самаровской школы, она была репрессирована в 1937 г. и расстреляна в Тюмени через месяц после своего ареста [18].

Согласно паспорту 1946/47 гг., в 1941 г. Базьяновская школа была преобразована в школу с семилетним обучением. В двух классных комнатах площадью 42 и 33 кв. м занимались 112 учащихся.

В 1957–1958 учебном году в школе было 42 учащихся. Немаловажное значение имело политехническое обучение. Учащиеся 5–7 классов изучали рыболовные принадлежности: сети, фитили, котцы и другие орудия рыбной ловли. Учились ремонтировать рыболовные снасти и делать новые, а также практически применять их на деле. Занятия по труду проводил техник лова Самаровской МРС¹ Плесовских Григорий Николаевич, в 1970–1990-е гг. – главный инженер и директор Ханты-Мансийского рыбокомбината. В этот учебный год учащиеся вместе с учителями заготовили и сдали в колхоз 6 т сена, выработали 117 трудодней. Учителя проводили занятия с неграмотными и малограмотными, которых в селе насчитывалось девять человек. Школу возглавлял Кузьминых Георгий Тимофеевич.

С началом проведения партией большевиков курса на коллективизацию сельского хозяйства в Базьянах в 1929 г. была организована северо-смешанная промысловая артель «Искра». Было обобществлено 180 голов скота. Председателем артели (в некоторых архивных документах – коммуна) был 28-летний Башмаков Михаил Георгиевич. Члены артели занимались заготовкой пушнины, огородничеством, сенозаготовками. Артель также поставляла государству свежую, парную, мороженую, сухую рыбу. Сняли пшеницу, овес, озимую рожь.

В мае 1930 г. сразу же после ледохода в Базьяны прибыло 54 семьи спецпоселенцев – 310 человек. Это были в основном семьи из Шадринского, Троицкого, Челябинского, Свердловского, Ишимского округов. Самому старшему по возрасту спецпоселенцу – матери кузнеца Турковского Христине Степановне – было 77 лет, самому маленькому, родившемуся в дороге сыну Балдина Моисея Петровича Николаю, – одна неделя. Местным властям необходимо было срочно решить вопрос о расселении спецпоселенцев. Еще в феврале 1930 г. в адрес председателей сельских советов Самаровского района полетели циркуляры с грифом «Совершенно секретно. Оглашению не подлежит» за подписью членов Особой комиссии. Особая комиссия предлагала «объявить домохозяевам квартир, сколько семей к ним будет вселяться. Сделать предварительно отметки (снаружи отмеченных квартир) на воротах, углах домов, строений, сколько семейств предположено в них разместить. <...> Никаких сопротивлений со стороны домохозяев быть не может, вселение производить принудительным путем, причем в каждое

¹ Моторно-рыболовная станция.

хозяйство должно быть помещено во всяком случае не менее 1 семьи, а в квартиры с большой площадью и малосемейные до 4-х и более семей» (20). Таким образом, ссыльные были расселены в домах 56 коренных жителей Базьян.

Но вопрос расселения решался и по-иному – путем выселения коренных жителей в другие населенные пункты округа. 26 февраля 1930 г. общее собрание жителей с. Базьяны, одобряя политику партии и советской власти по ликвидации кулачества как класса, вышло в райисполком с ходатайством о выселении за пределы Базьяновского сельского Совета девять кулаков и их семей.

В результате второй волны колонистов, уже в военное время, в Самаровском районе появились люди разных национальностей. По «Сведениям расселения спецпереселенцев и их использования на работах по колхозам и промышленным производственным пунктам» от 24 августа 1942 г., из 1603 человек, завезенных в Самаровский район, 50 поселили в базьяновском колхозе.

Среди сосланных в Базьяновский сельский совет на 01.01.1945 г. было 26 калмыков, 6 финнов, 71 немец. Были здесь и «рязанцы», сосланные по религиозным убеждениям [21]. Так на территории сельсовета среди носителей коренных фамилий появились семьи Эберт, Бадер, Вагнер, Миллер, Шнайдер, Гаврилюк, Бондарук и др.

Война призвала на фронт мужчин с. Базьяны. По сведениям библиотекаря Л. М. Онойной, ведущей летопись села, 42 человека погибли на фронтах, 18 из них носили фамилию «Башмаков». 30 участников войны вернулись домой. Последний солдат с. Базьяны Петр Игнатьевич Башмаков (1912 г. р.) умер в 1985 г.

В годы войны в период уборки урожая население села работало с раннего утра до позднего вечера. В Государственном архиве Югры сохранился приказ Базьяновского исполкома от 10 августа 1943 г. «Об увеличении рабочего дня». «Решили: заниматься в учреждениях и организациях с 8 часов утра до 12 часов дня, перерыв с 12 часов до 1 часу, с 1 часу до 5 часов [работа в учреждении], с 5 часов до 6 часов перерыв, с 6 часов до 9 часов вечера работа в поле» [22].

Агния Захарова (в девичестве Киселева) вспоминала, что в годы войны в деревне была организована бригада «Ершики» (семь мальчишек и она), которая занималась выловом рыбы. Будучи студенткой Ханты-Мансийского педучилища, она приезжала на занятия с тетрадкой, где записывала, сколько выловили рыбы и выработали трудодней.

В последующие годы колхоз не раз занимал первые места по выполнению годовых заданий среди колхозов района. В 1950 г. в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 4 октября 1949 г. председатель колхоза им. Молотова Александр Андреевич Шевелев был награжден почетной грамотой и премирован патефоном за активное участие и содействие в выполнении плана лесозаготовок 4 квартала 1949 г. 26 марта 1953 г. по решению исполкома Тюменского облсовета депутатов трудящихся рыболовецкая артель им. Молотова и ее передовики были утверждены кандидатами в участники Всесоюзной сельскохозяйственной выставки [23]. 9 октября 1966 г. в г. Тюмени открылась областная сельскохозяйственная выставка. В ней участвовали 50 тружеников совхоза и колхозов Ханты-Мансийского округа. Одна из первых выехала на выставку доярка Ольга Степановна Гаврилюк.

К этому времени рыболовецкая артель несколько раз меняла свое наименование. В 1957 г. было принято решение о переименовании сельхозартели им. Молотова в рыбартель «Путь Ленина». В 1958 г. в результате объединения с сельхозартелью «Серп и молот» п. Добринский Самаровского района укрупненной рыболовецкой артели было присвоено наименование «Рассвет». Хозяйственным центром было определено с. Базьяны. Рыбартель возглавил Башмаков Александр Николаевич. В выполнение плановых заданий вносили свой вклад передовики колхозного производства рыбаки Е. А. Бондач, Б. И. Миллер, С. С. Кунских, доярки Т. А. Катанина, И. П. Королева, телятница Е. П. Токарева, зверовод Л. А. Онина.

В конце 1960-х гг. в колхозе начало затухать полеводство. План посевных площадей был небольшой, но уход и уборка соответствующим образом не производились. По архивным данным, в 1950-е гг. колхоз сажал капусту, морковь, свеклу, турнепс. В периоды частых наводнений для колхоза «Рассвет» складывалось неблагоприятное положение, когда все выпасы, посевные участки и сенокосные угодья оказывались под водой. Как сохранить поголовье скота, успешно провести зимовку, не снизить производство мяса и молока? Эти проблемы обострялись всегда в период наводнений. Наносили наводнения ущерб и постройкам. В 1970 г. в населенных пунктах Базьяновского сельского совета было затоплено 10 складских помещений, 10 скотных дворов, 3 электростанции, 3 гаража, 3 пилорамы, 85 жилых домов, 3 детских и школьных учреждения. В 1979 г. от наводнения пострадало 66 семей.

Как отмечалось 24 мая 1979 г. на заседании исполкома Базьяновского сельского Совета, «клеточное звероводство в колхозе «Рассвет» за последний ряд лет в своем развитии заметно ухудшило свое существование. Об этом говорят следующие факты: не создается прочной кормовой базы для звероводства... из-за низкого качества сдаваемой продукции хозяйство несет колоссальные убытки» [24].

Толчком к разрушению колхоза послужила и перестройка. Решением общего собрания членов колхоза «Рассвет» от 26 сентября 1994 г. колхоз был реорганизован в коллективное хозяйство «Рассвет», учредителями которого стали члены трудового коллектива. Но реанимировать деятельность хозяйства не удалось, и 15 июля 1997 г. на заседании правления хозяйства «Рассвет» было принято решение о ликвидации хозяйства ввиду неспособности.

От колхоза остались две баржи, телеги, склады, недостроенная ферма. Ликвидационная комиссия решила все это безвозмездно передать сельсовету. Шифер, стекло, электропатроны, кое-какая мелочь, колхозная пилорама.

В 2004 г. в Базьянах проживало 186 человек, из них работающих – 71. В марте 2013 г. дома некогда большого села исчезли с лица земли.

Список использованных источников:

1. Районы Омской области. – Омск, 1936. – С. 158.
2. Тюменская область: административно-территориальное деление. – Тюмень, 1969. – С. 53.
3. Приложение к Закону ХМАО «Об административно-территориальном устройстве Ханты-Мансийского автономного округа» от 31 мая 1996 г. № 19-03 // Сборник законов Ханты-Мансийского автономного округа 1996 – март 1997. – 1997. – С. 132–134.
4. Лопарев Х. М. Самарово – село Тобольской губернии и округа: хроника воспоминаний и материалы о прошлом. – Тюмень, 1997. – С. 22.
5. Струсь В. Третья ревизская сказка (ревизия душ) по Самаровскому яму и селениям Самаровского ведомства Сибирской губернии за 1763 г. / В. Струсь, Л. Завьялова // Подорожник. – Тюмень, 2010. – Вып. 12. – С. 120–122.
6. Россия: Полное географическое описание нашего отечества: настол. и дорож. кн. для рус. людей. Т. 16. Западная Сибирь. – СПб., 1907. – С. 410.

7. ГУ ТОГА в г. Тобольске. Ф. 167. Оп. 1. Д. 25. Л. 110–110 об.
8. Список населенных пунктов и административно-территориальное деление Тобольского округа Уральской области на 1 октября 1926 года. – Тобольск, 1926. – С. 29.
9. Справочная книга Тобольской Епархии к 1 сентября 1913 года. – Тобольск, 1913. – С. 20.
10. Государственный архив Югры. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
11. Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 18. Д. 424. Л. 10.
12. Тобольские епархиальные ведомости. – 1910. – № 20. (16 окт.). – С. 483, 484.
13. Государственный архив Тюменской области. Ф. 814. Оп. 1. Д. 73. Л. 5.
14. Завьялова Л. «...закрывать и переоборудовать под клуб...» / Л. Завьялова // Архивы Югории. – 2013. – № 12. – С. 94–100.
15. Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 483. Оп. 1. Д. 1. Л. 54.
16. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 167. Оп. 1. Д. 19.
17. Государственный архив Югры. Ф. 14. Оп. 1. Д. 19.
18. Книга расстрелянных : мартиролог погибших от руки НКВД в годы большого террора (Тюменская область). – Тюмень, 1999. – Т. 2. – С. 106.
19. Государственный архив Югры. Ф. 22. Оп. 1. Д. 157. Л. 28–29.
20. Там же. Ф. 30. Оп. 1. Д. 13. Л. 56.
21. Там же. Ф. 17. Оп. 1. Д. 120. Л. 78.
22. Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 69. Л. 21.
23. Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 488. Л. 18.
24. Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 194. Л. 80.

Фольклорное наследие иртышских хантов

*Маина Афанасьевна Лапина,
старший научный сотрудник
БУ «Этнографический музей
под открытым небом «Торум Маа»,
кандидат исторических наук,
член-корреспондент РАН,
г. Ханты-Мансийск*

Иртышские ханты (самоназвание *Тангат ях* – иртышский народ) по принятому в этнологической литературе делению – это население Прииртышского ареала, относятся к южной этнографической группе, за исключением хантов Салымской волости, включаемых в состав восточной [Мартынова. 1998. – С. 12].

Население занималось охотой, рыбалкой, животноводством. Только у этой группы хантов было развито ткачество. Их одежда богато украшалась вышивкой шерстяной нитью. Несмотря на обращение иртышских хантов в христианство, они продолжали соблюдать традиционные религиозные обряды. Основная масса населения ассимилирована с приезжим населением. В настоящее время иртышские ханты представлены в Ханты-Мансийском и Нефтеюганском районах.

О языке и культуре данной группы имеется информация в трудах отечественных и зарубежных исследователей: М. А. Кастрена, К. Ф. Карьялайнена, С. К. Патканова, Н. И. Терешкина, П. Хайду, Ю. Н. Караулова и др.

В фольклорном наследии иртышских хантов отражены древние верования, нравственные нормы, народная мудрость, историческая память.

С. К. Патканов (1860–1923) одним из первых отечественных исследователей хантыйского фольклора на примере эпической поэзии иртышских хантов подробно описал остяцкие княжества и их центры-городки, военные сословия князей, внешний вид и образ жизни прежних остяков.

В настоящее время язык и культура группы южных хантов исчезли, поэтому труды С. К. Патканова являются ценнейшим источником исторической фольклористики. Он, изучив хантыйский язык, записал южно-хантыйские тексты, среди них героические сказания, мифологические песни, сказки, загадки. В 1897–1900 гг.

в работе «Иртышские остяки и их народная поэзия» (в 2-х томах) опубликовал хантыйские тексты с переводом их на немецкий и русский языки [Югория, 2000. – С. 344].

Как отмечает Н. В. Лукина, основные темы героических сказаний типичны для богатырской сказки. Это военные походы богатырей с целью сватовства либо кровной мести, сражения с другими богатырями или с иноплеменниками, иногда с мифологическими существами. Повествование начинается с выезда героя из дома и заканчивается либо прибытием его в иной город, иную землю, либо возвращением домой (В. Я. Пропп считал такую форму композиции древнейшей).

В героических сказаниях имеется информация о силе и мощи хантыйских богатырей, например, в былине С. К. Патканова «Подобный болотной морошке косатый богатырь, подобный болотной морошке сильный богатырь» говорится:

*...[Он] поборол шестерых богатырей,
Седьмой же богатырь свалил его на землю.
Его богатырские доспехи (соб.: кольчугу и меч) снимали с его груди,
Его богатырские доспехи взяли от него прочь,
В семь конских кож его зашивали,
К хвосту крылатого коня его привязывали.
Где он сильно падал, на том месте рождался большой сор (озеро).
Где он слабо падал, на том месте рождался малый сор...*

[Патканов, 2003. – С. 276].

В героических сказаниях часто указываются географически конкретные местности (реки Конда, Обь, Казым и т. д., Уральский хребет) и поселки. С. К. Патканов, анализируя эпизод героической песни, в котором невеста в облике филина сообщает своему нареченному, где ее нужно искать, отмечает, что ее монолог содержит подробное изложение того пути, по которому герой доберется до места ее жительства: он должен опуститься по р. Эмдер до Оби, потом подняться до устья Иртыша, а затем по Иртышу до р. Конды, на южном берегу которой находится ее город [Лукина, 1990. – С. 48, 49].

В героических сказаниях отразились знания о военных действиях, военном снаряжении, защите и укреплении древних городков.

В память о богатырях, защитниках людей, «когда наступает время хантыйского человека, когда наступает человеческий век, время человека с кукольным лицом», устраиваются священные

танцы, воспевающие деяния богатырей, где главными атрибутами являются стрелы, мечи, сабли.

Финский исследователь К. Ф. Карьялайнен (1871–1919), изучая язык и культуру южной группы хантов, записал и фольклорные произведения от демьянских, цингалинских, сотниковских, красноярских хантов. Лингвистическое наследие К. Ф. Карьялайнена подготовили к печати и выпустили в свет в Хельсинки его финские и венгерские коллеги: в 1948 г. – двухтомный хантыйский словарь (обработан Ю. Тойваненом), в 1964 г. записи по грамматике хантыйских диалектов опубликовала Эдит Вертеш, в 1975 г. она же издала собранные им образцы южно-хантыйской речи [Югория, 2000. – С. 28].

Трехтомное издание К. Ф. Карьялайнена «Религия югорских народов», вышедшее в свет в 1994 г. в г. Томске, перевела с немецкого на русский язык Н. В. Лукина.

По просьбе финно-угорского общества Финляндии первый хантыйский ученый Н. И. Терешкин выполнил важную работу: сделал переводы нерасшифрованных текстов на иртышско-кондинском диалекте хантыйского языка, записанных финским ученым в конце XIX в. [Вахрушева, 1967. – С. 151].

В 1975 г. на венгерском языке в г. Будапеште изданы «Сказки и предания иртышских ханты». Автор издания Геза Кепеш [Budapest, 1975].

Хантыйская народная сказительница, мастерица Т. С. Чучелина (1912–1984), прекрасно знала язык и фольклор иртышских хантов.

Родилась она в д. Чучели Самаровского района в семье потомственных рыбаков. Окончила политико-просветительную школу. Работала учителем. Первая ее публикация на хантыйском языке относится к 1954 г. В 1964 г. ею написана сказка на русском языке. Несколько сказок вошли в сборник «Огонь-камень» (1985), изданный впоследствии в Чехословакии [Югория, 2000. – С. 320].

Как отмечает Т. В. Волдина, творческая деятельность Т. С. Чучелиной, особенно ярко проявившаяся в период с середины 1960-х до начала 1980-х гг., неоднократно освещалась на страницах окружных газет «Ленин пант хуват», «Ленинская правда» и в эфире окружного радио. Сказки Т. С. Чучелиной были помещены в учебники хантыйского языка и использовались как дидактический материал в учебном процессе.

Таисия Сергеевна воспитывалась у бабушки и дедушки по отцовской линии, от них и познала первые сказочные сюжеты своего народа. Фольклорные произведения также она усвоила от других родственников – Овры Тугаскиной и Ефросинии Мазиковой.

Несколько текстов сказок от Т. С. Чучелиной записали и опубликовали писатели С. Валеева (1969) и Г. Сазонов (1979). В 1981–1982 гг. по просьбе директора окружного Дома народного творчества, ныне известного писателя и политика Е. Д. Айпина, с Таисией Сергеевной для подготовки книги ее сказок стала сотрудничать корреспондент окружного радио и известный литератор Г. И. Слинкина. От Т. С. Чучелиной она записала около 100 текстов героических, волшебных и бытовых сказок на русском языке. В последующие годы Г. И. Слинкина занималась их литературной обработкой и подготовкой к печати. Галина Ивановна Слинкина (1945–2012), журналист, член Союза писателей, записала большое количество сказок, легенд, преданий и других произведений.

В соавторстве ими подготовлены и изданы сборники сказок «Олле и Гусь-богатырь» (1989), «Как мышата и лягушата внучатами стали» (1992) и др.

Научных записей фольклорных произведений от Т. С. Чучелиной фактически не было. В научный оборот попала только фонограмма отрывка сказки на салымском диалекте хантыйского языка, озвученной самой сказительницей. Она была скопирована для научных целей Е. Шмидт из фондов окружного радио и хранилась в Белоярском научном фольклорном архиве северных хантов. Т. С. Чучелина была, как установила в свое время венгерская фольклористка и этнограф Е. Шмидт, одним из последних выдающихся сказителей южных хантов [Волдина, 2013. – С. 96].

Фольклор разных групп хантов имеет много общего в мифах и священных мифологических сказаниях о происхождении земли, небесных светил и звезд, рождении общих божеств, появлении природных стихий и животных, людей, культурных героев и т. д. Много общего встречается в фольклорных формулах, связанных с запретами, назиданием, очень схожи заключительные формулы сказок об огне, о появлении комаров и других насекомых. Во всех группах хантов с почтением относились к знатокам и исполнителям фольклора, их приглашали на общественные и семейные торжества, угощали и одаривали лучшим, что имелось. На всей территории проживания хантов строго соблюдались правила поведения, связанные с сакральным фольклором, что является мериллом нравственного здоровья общества.

Итак, фольклорное наследие южной группы хантов имеет общие и локальные особенности. Фольклор разных диалектных групп только дополняет общую картину всего разнообразия хантыйского фольклора. Язык фольклора является основной базой лексикографического материала для исследователей языка и культуры народа. Являясь кладовой накопленного опыта предшествующих поколений, фольклор иртышских хантов и сейчас играет важную роль в духовной культуре народа.

Список использованной литературы:

1. Вахрушева М. П. Первый из ханты // Просвещение на Крайнем Севере. – Л., 1967. – Вып. 15. – С. 151.
2. Волдина Т. В. О наследии Таисии Сергеевны Чучелиной // Сохранение и популяризация финно-угорских и самодийских языков в средствах массовой информации : матер. межрег. науч.-практ. конф., посвященной 55-летию юбилею газеты «Ханты ясанг», 14 ноября 2012 г. – Ханты-Мансийск, 2013. – С. 96–98.
3. Огонь-камень : сказки народов Тюменского Севера. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1980. – С. 116–138.
4. Патканов С. К. Сочинения в 5-ти томах. Т. 5: Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. Иртышские остяки и их народная поэзия. – Тюмень, 2003. – С. 276.
5. Слинкина Г. И. Олле и Гусь-богатырь : сказки / Г. И. Слинкина, Т. С. Чучелина. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1989. – 144 с.
6. Слинкина Г. Сказки земли Югорской. – Ханты-Мансийск : Принт-Класс, 2010. – 228 с.
7. Югория : энциклопедия Ханты-Мансийского округа. Т. I; Т. II; Т. III. – Ханты-Мансийск, 2000. – С. 28, 117, 320, 344, 382.
8. Geza Kepes. Hadmenet, naszmenet: irtisi ostjak mesek es mondak. – Budapest, 1975. – 202 s.

О древних местах обитания манси

*Евгений Александрович Игушев,
профессор Югорского
государственного университета,
доктор филологических наук,
г. Ханты-Мансийск*

Топонимии называют языком земли, потому что названия географических объектов дают подлинную информацию об истории народа, о местах прежнего проживания этноса.

Известный исследователь этнографии и языка манси финский профессор Артури Каннисто в 1927 г. издал в научном журнале «Finnisch-ugrische Forschungen – Финно-угорские исследования» статью под названием «Über die früheren Wohngebiete der Wogulen im Lichte der Ortsnamenforschung – «О прежнем расселении манси в свете исследования географических названий».

В ней он приводит 262 топонима мансийского происхождения, выявленных им на обширной территории бассейнов рек Печоры, Мезени, Камы, Белой, Волги, располагающихся на территории современных Свердловской, Пермской, Нижегородской, Архангельской, Вологодской, Кировской областей, Коми, Удмуртской, Башкирской, Татарской, Марийской и Мордовской Республик.

В упоминаемых топонимах неизменно встречается компонент **-я** (по-мансийски *река*), что является верным доказательством того, что название этим водным объектам было дано представителями мансийского народа.

На финно-угорских и самодийских языках слово со значением «река» восходит к праформе ***joke** и на родственных языках созвучно мансийскому **-я**, сравните: хантыйское **-ехан**, венгерское **-jó**, финское **-joki**, эстонское **-jõgi**, саамское **-jokka**, коми **-ю**, удмуртское **-ю-шур**, ненецкое **-яха**, марийское **-йогы**, мордовское **-йов**.

Проезжая по Нижегородской области на поезде, встречаешь железнодорожную станцию с названием Шарья. Происхождение данного названия не совсем понятно, средствами русского языка его этимологию невозможно объяснить. Появляется мысль о том, что данное название – довольно древнее, оно принадлежит к языку другого народа, который здесь некогда жил.

Упоминаемый топоним сравнительно легко объясняется средствами мансийского языка, поскольку в современном ман-

сийском языке слово **шар (сар)** означает «нагромождение льда, вытолкнутого на берег при ледоходе» (МРРМС: 103), а второй слог **-я** слова Шарья – *река*.

Следовательно, на реке Шарья после ледохода часто на берегу оставался лед, что и дало повод местным жителям-манси дать ему такое название.

Учеными-языковедами убедительно доказано, что манси до XIV–XV вв. н. э. проживали в Европейской части Российской Федерации, на что указывают географические названия мансийского происхождения. Например, член-корреспондент АН СССР Б. А. Серебренников дал убедительную реконструкцию названию реки Вычегды. Как известно, эта река, сливаясь с Сухоной, образует реку Северную Двину. Название Вычегды состоит из двух частей: **выч** – из мансийского слова **вәнсы** – *трава* и **ахт** – *протока*. Сочетание звуков **нс** перешло в аффрикату **-ч**, звук **х** заменился сходным по артикуляции **-г**, под влиянием которого глухой согласный **-т** озвончился, к последнему, по законам русского языка, добавился гласный звук **-а**, согласования в форме женского рода с нарицательным именем *река*.

Таким образом, название Вычегда на русском языке означает: протока, текущая по траве, т. е. по лугу, а не по горам. Это название доказывает ту мысль, что оно принадлежит мансийскому языку. Следовательно, раньше по ее берегам жили манси, которые и назвали реку мансийским словосочетанием «*текущая по лугу протока*». Данные топонимии подтверждаются сведениями из фольклора и этнической истории коми-зырян (Лыткин: 259).

Позже там поселились коми, которые калькировали (перевели с мансийского языка на свой) название Вычегды, которая на языке коми называется **Эжва**, дословно: «*травяная вода*», что является несомненной калькой с мансийского.

В XIV в. в бассейне Вычегды начал свою миссию христианизации миссионер Стефан Пермский, проповедовавший на коми языке, направленный на Север Европы князем Дмитрием Донским для присоединения этих земель к Московскому княжеству. С этого времени началась христианизация коми народа.

Мансийские племена, возглавляемые князем Асыкой, решительно не хотели принятия новой веры вместо своих привычных с детства духов-защитников и вынуждены были перебраться за Урал, в места своего нынешнего пребывания.

В бассейне Печоры есть населенный пункт Косьявом. В переводе с коми языка это географическое название означает «*деревня в устье реки Косья*». Слово **Косья** в переводе с мансийского языка означает «*длинная река*», где **я** – *река*, а **хоса** – *длинная*. В коми языке нет звука «х», в заимствованных словах он заменяется близким по произношению «к». В родственном мансийскому коми языке понятие *длинный* выражается словом **кузь**, а *река* – словом **ю**. Но современные коми не называют эту реку по-коми **Кузью**, – для них она по-прежнему остается **Косья**, как ее когда-то назвали манси.

В Вычегду возле с. Корткерос (Коми Республика) впадает р. Кия. На коми языке это название не этимологизируется. Очевидно: **я** – по-мансийски *река*, а **ки** – восходит к древнему финно-угорскому слову ***kiwe** – *камень*, от которого произошли хантыйское **кев** (Урал, камень), удмуртское **кӧ**, венгерское **кӧ**, коми – **ки: изки** (жернов), финское и эстонское **kivi** – *камень*, мансийское – **кивталап** – *точильный камень* [Ромбандеева: 322], где **кив** – *камень*.

В бассейне р. Камы, в ее приток Чусовую впадает речка Куся, по-мансийски «*извивающаяся*», дословно: *делающая петли*, где **я** – *река*, а **кусь** – *обруч, петля, изгиб* (по-коми: **кытш**) [WW: 214].

Недалеко от столицы Башкортостана, г. Уфы, протекает речка Суя, по-мансийски **суй** – *бор, холм на сухом месте, т. е. речка, протекающая по бору*. Приток р. Уфа – Артъя, по-мансийски **арт** – *елец*. Название реки этимологизируется как водоем, где водится рыба елец.

Название притока р. Мезень – речки Ия – состоит из двух мансийских слов **йи** – *ночь* и **я** – *река*, т. е. *река с темными берегами, с темной водой*, дословно «*ночная река*».

Название притока р. Камы – Кадыл – восходит к мансийскому слову **хотал, катл** со значением «*солнце*», обозначает *реку с прозрачной водой, светлую (солнечную) реку*.

Мансийские этимологии географических названий на территории Европейской части Российской Федерации помогают исследованию неписаной истории мансийского народа.

Список использованной литературы:

1. Лыткин В. И. Краткий этимологический словарь коми языка / В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. – Сыктывкар : Коми кн-ое изд-во. – 430 с.
2. Лыскова Н. А. Историческая грамматика мансийского языка, учебное пособие для студентов / Н. А. Лыскова, Е. А. Игушев. – Ханты-Мансийск : Информационно-издательский центр, 2010. – 166 с.
3. Лыткин В. И. Пермские языки // Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки. – М. : Наука, 1966. – 464 с.
4. Ромбандеева Е. И. Словарь мансийско-русский и русско-мансийский : пособие для учащихся начальной школы / Е. И. Ромбандеева, Е. А. Кузакова. – Л. : Просвещение, 1982. – 360 с.
5. Ромбандеева Е. И. Русско-мансийский словарь : учебное пособие для учащихся общеобразовательных учреждений. – СПб. : Миралл, 2005. – 360 с.
6. Artturi Kannisto. Über die früheren Wohngebiete der Wogulen im Lichte der Ortsnamenforschung // Finnisch-ugrische Forschungen. – Helsinki. – 1927. – № 27.
7. Wogulisches Wörterbuch, gesammelt von Bernat Munkácsi, geordnet, bearbeitet und herausgegeben von Béla Kálmán. – Budapest : Akadémiai kiadó, 1986. – 950 old.

*Краеведческая деятельность
библиотек, музеев
и образовательных учреждений*

Краеведческие чтения в Югре

*Екатерина Викторовна Танкова,
главный библиограф отдела
краеведческой литературы и библиографии,
БУ «Государственная библиотека Югры»,
г. Ханты-Мансийск*

Научные конференции, направленные на изучение и популяризацию истории и культуры родного края, проводились всегда, но носили они разовый характер и задумывались в связи с каким-либо событием в крае. В последнее время наметилась тенденция проведения краеведческих конференций, которые носят систематический характер. И формой для такого рода конференций стали краеведческие чтения. Мне удалось проследить два их вида. Специальные – посвященные определенной области знания, к ним можно отнести «Югорские чтения», «Казымские чтения», направленные на изучение истории и быта коренных народов Югры. И второй вид – чтения, посвященные исследователям, краеведам, они носят универсальный характер. И таких большинство.

На федеральном уровне проходят «Всероссийские краеведческие чтения», инициатором их создания и организатором является Союз краеведов России. Чтения проводятся в двух городах: часть мероприятия проходит в Москве, а вторая – в одном из городов, где существует региональное отделение Союза краеведов России. Например, в 2013 г. конференция была проведена в Москве и Омске.

Это крупное мероприятие, которое проходит в течение нескольких дней и работает по восьми и более секциям. В его рамках обсуждаются проблемы краеведения в общероссийском масштабе.

В Санкт-Петербурге проходят Анциферовские краеведческие чтения. Впервые они состоялись в 1988 г. и спустя 20 лет, в 2008 г., были возрождены Санкт-Петербургским союзом краеведов. Проводятся они совместно с Фондом им. Дмитрия Сергеевича Лихачева. В ноябре 2012 г. чтения состоялись в пятый раз.

В Тюмени проводят Чукмалдинские чтения, Словцовские чтения.

Если говорить о краеведческих чтениях в Ханты-Мансийском автономном округе, то они проходят практически в каждом муниципальном образовании.

С 1997 г. в Нижневартовске проводятся чтения под названием «Мира не узнаешь, не зная края своего». Первые чтения были посвящены 25-летию города, последующие уже не имели территориальных рамок. Они даже вышли за рамки Ханты-Мансийского округа, поскольку в них были представлены интереснейшие доклады по истории и освоению Сибири, о связях Севера с московским правительством, пребывании декабристов в Сибири, колонизации, летописании Сибири. Участниками чтений были ученые, краеведы.

С 2008 г. чтения «Мира не узнаешь, не зная края своего» получили название «Шатиловские чтения», а прежнее название стало их эпиграфом. Одноименные чтения проходят и в г. Томске на базе Томского областного краеведческого музея. Названы они в честь публициста, этнографа, исследователя культуры ваховских остяков Михаила Бонифатьевича Шатилова. Родился он в 1882 г. в с. Смоленское Томской губернии в семье сельского учителя. Окончил Томскую духовную семинарию, юридический факультет Императорского Томского университета. В 1909 г. М. Б. Шатилов стал членом совета Томского общества изучения Сибири. На протяжении 10 лет он руководил Томским краеведческим музеем.

В апреле 1933 г. он был арестован по сфабрикованному обвинению в принадлежности к организации «Белогвардейский заговор», осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Отбывал наказание в Соловецком лагере особого назначения. В ноябре 1937 г. его приговорили к расстрелу. Место захоронения неизвестно.

Во время работы в музее Михаил Бонифатьевич организовал и провел этнографические экспедиции в Нарымский край, на р. Вах (1924, 1926). В ходе экспедиций было проведено «подворное обследование всех хозяйств, встретившихся на пути следования экспедиции к этому моменту (обследовано 108 хозяйств), затем проведено поселковое обследование всех населенных пунктов по Ваху (32) и несколько по его притокам (8) – всего 40; наконец проведены порайонные обследования промыслов: пушного, оленного, рыболовного и орешного»¹. По собранным материалам была подготовлена монография «Ваховские остяки».

¹ Шатилов М. Б. Ваховские остяки : этнографические очерки / М. Б. Шатилов. – Тюмень, 2000. – С. 8.

С 2003 г. ежегодно в Березово проводятся «Меншиковские чтения» в память о сподвижнике Петра I Александре Даниловиче Меншикове, отбывавшем здесь ссылку. География участников чтений достаточно широка – это ученые и краеведы из Санкт-Петербурга, Москвы, Екатеринбургa, Тюмени, Ялуторовска, Новосибирска, Тобольска и др. Организаторы чтений присвоили им статус Российской научной конференции.

Первоначально организатором чтений был Фонд памяти светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова, и, наверное, по этой причине доклады, представленные на первых чтениях (2003, 2004, 2006), в большей степени были посвящены деятельности князя Меншикова в Санкт-Петербурге, его образу в глазах современников, его сподвижникам и пр. Их с трудом можно было назвать краеведческими (хотя, возможно, они и не преследовали такой цели). Начиная с 2007 г., чтения проводятся при участии Березовского районного краеведческого музея. С этого времени доклады о истории самого места ссылки – Березова – занимают главное место на конференции.

Кондинский районный краеведческий музей проводит на своей территории «Цехновские чтения», названные в честь краеведа, патриота Кондинского края Нины Степановны Цехновой. Она родилась в 1909 г. в с. Ашлык Вагайского района Тюменской области. Работала на Ямале. В 1930-х гг. была воспитателем в школе с. Карым Кондинского района. В конце 1960-х гг. занялась краеведческой работой. Собирала материал по этнографии, быту и культуре Кондинского края, записывала свидетельства старожилов, что стало основой экспозиции районного краеведческого музея. В Цехновских чтениях принимают участие учителя, педагоги, сотрудники музеев, а также школьники из Кондинского и других районов округа, у чтений нет определенной периодичности.

В Октябрьском районе с 2006 г. проводятся «Тимофеевские чтения». Организатором является Октябрьский районный краеведческий музей. Особенность этих чтений – участие в них юных историков и краеведов района.

Имя Геннадия Николаевича Тимофеева дано детской конференции не случайно. Этот человек – историк-краевед, художник и педагог – стоял у истоков краеведческого музея. Детские исследовательские работы по истории края публикуются в одноименном сборнике, участники чтений награждаются специальными дипломами, благодарственными письмами и призами главы Октябрьского района.

В 2003 г. в с. Угут Сургутского района 70-летие художника, краеведа, писателя Петра Семеновича Бахлыкова было отмечено проведением научно-практической конференции «Бахлыковские чтения».

Петр Семенович родом из д. Вахлово Сургутского района. В 1960 г. с семьей переехал в с. Угут, где работал в Тауровском отделении промыслово-охотничьего хозяйства техником-лесоводом, затем егерем, заведующим производством.

В конце 1960-х гг. Бахлыков увлекся краеведением. Одним из первых в Сургутском районе он постарался собрать и сохранить исчезающие элементы хантыйской культуры. Многочисленные экспедиции и поездки по юртам, в которых у Петра Семеновича было много знакомых, позволили ему собрать богатейшую коллекцию предметов быта и музыкальных инструментов юганских ханты. Собранная им коллекция легла в основу открытого в 1979 г. Угутского краеведческого музея.

В Бахлыковских чтениях принимают участие искусствоведы, художники, этнографы, историки, краеведы, музейные работники.

БУ «Государственная библиотека Югры» уже в четвертый раз проводит Лопаревские чтения в честь Х. М. Лопарева. Уже появились постоянные участники чтений. При подготовке к чтениям организаторы всегда стараются найти новые материалы о жизни и деятельности Хрисанфа Мефодьевича Лопарева, с этой целью сотрудники отдела краеведческой литературы и библиографии ездят в архивы и библиотеки Санкт-Петербурга.

Надо сказать, что на основе собранных материалов появляются самостоятельные издания. Например, на первых чтениях в 2007 г. были представлены фрагменты переписки Х. М. Лопарева с его самаровскими родственниками и земляками, а через год вышла книга «Самаровский петербуржец: письма земляков к Х. М. Лопареву». В 2011 г. появился сборник личной переписки Х. М. Лопарева с Юлией Поповой под названием «Искренне делюсь с вами как с другом...».

Личность Хрисанфа Мефодьевича настолько многогранна, что новые темы и новые материалы еще предстоит открыть. Мы надеемся, что Лопаревские чтения станут хорошей основой для изучения жизни и деятельности Лопарева, его окружения и истории с. Самарово.

Анализ краеведческих чтений позволяет сделать некоторые выводы. Чтения стали площадкой для научно-исследовательской деятельности. Они дают возможность привлечь к краеведческой

работе сотрудников учреждений культуры (библиотек, музеев и т. д.), начинающих исследователей. Чтения позволяют вводить в научный оборот новую информацию, их участники зачастую проводят глубокое изучение материалов о жизни и деятельности Х. М. Лопарева, истории с. Самарово.

В сообщении отмечены только те краеведческие чтения, которые уже зарекомендовали себя и проводятся регулярно с разной периодичностью. Конечно, в этом большая заслуга организаторов, но главное, что есть люди, которым интересна история своей семьи, улицы, города. Без их участия ничего бы не могло состояться.

Твои, Россия, сыновья!

*Вера Александровна Усачева,
библиотекарь сельской библиотеки,
пос. Кирпичный, Ханты-Мансийский район*

Прошло уже много лет со времени вооруженного конфликта на Дальнем Востоке, но память об этом событии хорошо сохранилась в нашем поселке, т. к. оно напрямую коснулось жителей. Юрий Ахметшин, наш односельчанин, служил в это время в пограничных войсках на Дальнем Востоке. Он погиб, но память о нем до сих пор живет в сердцах тех, кто с ним учился в школе и жил в одном поселке.

Утром 23 января 1969 г. вооруженные китайские военнослужащие начали обходить остров Даманский. После требования покинуть территорию враг напал на наших пограничников. Рукопашный бой был жестоким, и с тех пор на льду Уссури ежедневно происходили столкновения. Командиром заставы являлся старший лейтенант Иван Стрельников, командиром Иманского погранотряда – полковник Леонов, который постоянно докладывал, что в любой момент конфликт может перерасти в вооруженное противостояние, на что получал ответ: «Не поддаваться на провокацию, все вопросы решать мирным путем».

2 марта китайцы напали на русских пограничников, 30 солдат погибли, но все-таки остров отстояли, и только тогда на помощь подошли маневренная группа и школа сержантского состава под командованием полковника Леонова. Среди погибших был Юрий Ахметшин.

Он родился 10 февраля 1950 г. в д. Осиновка Ярковского района Тюменской области. В 1955 г. вместе с матерью приехал в пос. Кирпичный. В 6 лет пошел в первый класс. Он был способным учеником, ценил дружбу товарищей.

Из воспоминаний одноклассника Н. Куланова:

«...Учились мы с Юрой с 1 по 7 класс в пос. Кирпичном. Мама его была учителем физики, математики. Отца не было. Юра любил свою маму, старался во всем ей помочь, не огорчать. Каждое утро он провожал свою сестренку в садик. Был Юра подвижным, озорным мальчишкой. Любил спорт, очень увлекался лыжами. Был заводилой интересных дел в отряде. Однажды мы всем классом построили шалаш, куда собирались на сборы с вожатыми. Юра любил книги о подвигах, а любимым героем его был Сергей Тюленин из

книги Фадеева «Молодая гвардия». Еще в школе он мечтал стать солдатом...

Я горжусь своим одноклассником! Вам, ребята, желаю быть достойными в учебе, труде, дружбе. Юра дорожил этим и стал настоящим человеком!...»¹.

В поселке школа была семилетней, и поэтому после 7-го класса он продолжил свою учебу в пос. Луговском, где жил в интернате для иногородних детей.

Из воспоминаний одноклассницы А. В. Малюковой:

«...В 1964 г. в наш 9 «А» класс школы поселка Луговской прибыли учиться шесть парней из Кирзавода, среди них и Юра Ахметшин. Он на один год был моложе нас всех. Высокий, светловолосый, и глаза веселые, шальные.

Учился Юра на «3» и «4», запоем читал книги, увлекался баскетболом, лыжами, поэтому не раз отстаивал честь класса в спортивных соревнованиях... Я очень хорошо помню этого красивого, жизнерадостного юношу!...».

Из воспоминаний классного руководителя Р. И. Николаевой:

«...1 сентября 1964 года я встретила с 9 «А» классом, где и познакомилась с Юрием. Среди мальчишек из Кирзаводской школы, прибывших учиться в Луговскую, он выделялся неунывающим и несколько дерзким характером. Мне, молодому классному руководителю, порой было нелегко, но они грустить и унывать не давали. В 10-ом классе они стали намного серьезнее. Требовательно и принципиально решали вопросы школьной жизни. Самым горячим спорщиком всегда был Юра. За эту неуемность характера мы, учителя, опасались и думали: «Не подвела бы она!?». Но Юра перечеркнул наши опасения и своей короткой, но яркой жизнью осветил нашу школу.

Мы, учителя, и я в том числе, очень гордимся, что Юра учился в нашей школе!...».

После 10 класса он поступил в ГПТУ-10 судоремонтного завода г. Тюмени. Стал отличным токарем. За успешное обучение токарному делу он был награжден почетной грамотой.

Из статьи Ю. Кибардина «Скажи жизни: «ДА!»:

«...Потом была Тюмень. Судоремонтный завод. Он токарь и шлет гордые письма, что он — на Доске почета. Перед армией он писал из военно-спортивного лагеря: «Сдал на значок «Готов к за-

¹ «Воспоминания одноклассника Н. Куланова» (личная беседа, 2002).

щите Родины» и на III разряд по легкой атлетике... Еще я оформлял стенгазету нашего взвода, написал стихотворение, а тут как раз представители из газеты приехали, из Тюмени. Ну, и пристали ко мне: «Давно ли ты пишешь? Есть ли у тебя еще стихи?». Взяли у меня адрес... и сказали, чтобы я пришел в редакцию газеты «Тюменский комсомолец». Заполнил анкету в комсомол...»².

Как и другие его товарищи, в 18 лет принял присягу и стал солдатом. Его как лучшего солдата-пограничника, отличника боевой и политической подготовки отправили в школу сержантов. Спокойный и рассудительный, он не бросал слов на ветер. За образцовое несение службы по охране государственной границы СССР был награжден значком «Отличный пограничник».

Из личной переписки с родными:

«...Здравствуйте, дедушка и бабушка! ...Позавчера получил посылку из дома. В ней пришло сало и носки. Мама конфет и сала наложила. Большое спасибо за носки... Здоровье мое нормальное. Жизнь идет по распорядку... Служба у меня трудная, но почетная. Сегодня будет концерт в честь праздника. Поздравляю тебя, дедушка, с праздником Советской армии и желаю тебе всего хорошего, а главное — здоровья...»³.

Состояние гражданского населения приграничных районов было близко к паническому. Вдоль всей границы ходили слухи о китайских диверсантах, вырезающих целые села, о войне, которая вот-вот начнется. Многие люди бросали все и уезжали подальше от границы, другие уходили в тайгу. Партийное руководство вместо того, чтобы сказать людям правду, бодро рапортовало наверх: «Обстановка под контролем».

Вот что рассказывает об этом Т. В. Ульянова:

«Одно из моих самых ранних и одновременно тревожных воспоминаний детства — это воспоминания о том времени, когда я училась во втором классе в Бурятии. Я хорошо помню общее тревожное состояние людей, помню, как мама не разрешала нам, своим детям, уходить далеко от дома, чтобы не растерять потом в суматохе. Помню, как в полной боевой готовности стояли в гараже в нашем поселке Комсомольский машины, чтобы в случае китайской агрессии срочно вывозить из приграничных районов жителей. Но я и предположить не могла, что эти события каким-то странным

² Кибардин Ю. Скажи жизни: «Да!» // Тюменский комсомолец. – 1969. – 17 сентября.

³ «Письмо родным, маме Анне Кузьминичне Сабаевой» (1969).

для меня образом будут связаны в дальнейшем с поселком Кирпичный Ханты-Мансийского района, в котором я сейчас уже много лет работаю учителем литературы. А дело в том, что в это время рубежи нашей Родины на границе с Китаем защищал выпускник нашей кирзаводской школы Юрий Ахметшин...».

В далеком сибирском поселке еще ничего не знали о случившемся. Как всегда, дети шли в школу, где их встречали приветливые учителя, встречала их и Анна Кузьминична – мама Юры. А в это время бои с китайскими солдатами уже шли. 12 марта он напишет матери последнее письмо. Он хотел успокоить, ободрить маму сдержанными, скупыми словами.

Из личной переписки с мамой А. К. Сабаевой:

«...Новостей у меня в общем-то не прибавилось. Насчет того, что китайцы у нас тут дебоширят, вы знаете из газет и радио. Сам я жив, здоров. Зря не беспокойтесь. Пишите, как вы живете, что нового... Ваш Юра...»⁴.

Свидетелем подвига Ю. Ахметшина был капитан в отставке Александр Филиппович Шварц. Найти и записать у него воспоминания нам помог военкомат г. Ханты-Мансийска.

Из воспоминаний А. Ф. Шварца:

«...меня ранили, и тут нам на помощь подошли наши солдаты. Кто они были, мы не знаем, но они отвлекли на себя китайцев, а я в это время залез в машину, завел ее и угнал ее подальше от заварушки. Очнулся я уже в вертолете... Возле меня разорвалась граната, у меня было 16 осколков в ногах, руках, спине. Рядом со мной на носилках лежал мальчишка. От потери крови нам обоим было холодно. Мальчишка все время шептал: «Мама, мама». Этот мальчишка, лежащий вместе со мной, и был Юра Ахметшин. Мой земляк. Я узнал его имя после того, как мне сделали операцию. Очень жаль, что он все же умер!»⁵.

Юру похоронили в братской могиле в числе пятнадцати, что пали последними на Даманском полуострове.

Из статьи Ю. Кибардина «Скажи жизни: «Да!»:

«...Стучал мел. Косым, твердым почерком утверждался закон Ома. Как и тогда, при Юре. Что-то сломалось под сердцем, и она упала лицом в ладони. Грохнув крышками парт, встал класс. Ученики стояли перед матерью убитого солдата. Стояли молча,

⁴ «Письмо родным, маме Анне Кузьминичне Сабаевой» (1969).

⁵ «Воспоминания капитана в отставке А. Ф. Шварца» (2007).

готовые заменить матери сына. Она поняла это и тихо сказала: «Продолжим, ... ребята»⁶.

Тяжело раненый, он не выпустил из рук автомат до конца боя. После боя Юрий был доставлен в госпиталь, где опытные врачи, прошедшие войну, удивлялись мужеству Юрия. Несколько часов хирурги боролись за его жизнь, но смертельные раны не дали ему жить. Посмертно Юрия Ахметшина наградили медалью «За отвагу». Медаль была вручена его маме.

Так в 19 лет на боевом посту погиб ученик нашей школы Юрий Ахметшин. Анна Кузьминична Сабаева работала в нашей школе учителем математики до 1983 г. Выйдя на пенсию, она продолжала жить в поселке. Ученики и учителя школы никогда не забывали о ней, а она с удовольствием приходила в школу на школьные мероприятия. В 1984 г. она переехала жить к своей дочери в г. Нягань.

Осенью 1969 г. премьер-министр А. Косыгин подписал в Китае соглашение. Согласно этому документу, войска оставались там, где стояли в момент заключения договора. На острове Даманском не было ни китайцев, ни наших. Но через некоторое время китайцы засыпали протоку между своим берегом и Даманским. Остров превратился в полуостров, принадлежащий Китаю. Вот и получилось так, что 58 пограничников и солдат погибли, защищая землю, которая в конечном итоге отошла Китаю.

В год 40-летия событий на Даманском полуострове, в марте 2009 г., на здании школы пос. Кирпичный односельчане открыли мемориальную доску памяти Юрию Юрьевичу Ахметшину. Готовясь к этому событию, мы долго искали родственников нашего знаменитого земляка. И нашли их – его маму Анну Кузьминичну, сестру Татьяну Александровну, брата Александра Александровича. Они приехали на открытие мемориальной доски вместе со своими детьми. На эту встречу из пос. Луговской приехал Воронцов Александр Андреевич. Он хорошо знал Юрия Ахметшина, служил вместе с ним на Даманском и знает об этой необъявленной войне не понаслышке.

В сельской библиотеке пос. Кирпичный есть музейная комната, где бережно хранится память о нашем земляке.

⁶ Кибардин Ю. «Скажи жизни: «Да!» // Тюменский комсомолец. – 1969. – 17 сентября.

История одного эксперимента: централизация библиотек

*Светлана Петровна Берендеева,
главный библиотекарь
отдела хранения основного фонда
БУ «Государственная библиотека Югры»,
г. Ханты-Мансийск*

В 1962 г. Министерство культуры и ВЦСПС утвердили «Основные положения организации сети массовых библиотек», которые определяли общие принципы размещения общедоступных библиотек в городских и сельских населенных пунктах. По инициативе Министерства культуры РСФСР в 1966 г. был проведен эксперимент по централизации сети государственных общедоступных библиотек в Липецке, Нижнем Тагиле и Шахтах, затем в 1967 г. в Череповце Волгоградской области. Сущность данного эксперимента заключалась в том, чтобы в течение 1974–1980 гг. провести централизацию государственных общедоступных библиотек путем создания на базе городских и районных библиотек единой сети, состоящей из централизованных систем (центральная библиотека и библиотеки-филиалы) [3. С. 117].

На примере Ханты-Мансийской централизованной библиотечной системы (ЦБС) попробуем проследить историю перевода библиотек на централизованную систему обслуживания.

В 1970 г. по решению культурно-просветительской комиссии окружного Совета депутатов трудящихся за № 7 от 27 декабря 1970 г. библиотеки Ханты-Мансийска стали одной из стартовых площадок для проведения эксперимента по централизации государственных массовых библиотек [5. Л. 94–95]. В этом документе обозначены цели и задачи данного эксперимента. Эксперимент по централизации библиотечного обслуживания населения должен был обеспечить создание единого книжного фонда, улучшить подбор литературы в окружную библиотеку, увеличить эффективность использования фондов, расширить контингент читателей, повысить качество справочно-библиографического аппарата и развернуть информационную работу, централизовать комплектование, обработку литературы и создать сводный алфавитный каталог. Руководителем эксперимента назначена директора окружной библиотеки Н. В. Лангенбах.

Спустя два года после начала эксперимента Н. В. Лангенбах писала: «За 1971–1972 гг. централизация позволила привлечь к

чтению новые группы читателей. Повысить показатели по книговыдаче, улучшить качество обслуживания читателей, расширить ассортимент книжных фондов, наладить информационную работу, более рационально использовать кадры. Вместе с тем требуется: усилить отдел комплектования в связи с тем, что он комплектует библиотеки округа, методический отдел – в связи с увеличением объема работы. Высшая форма обслуживания читателей книгой требует нормальных условий для них и библиотекарей. В окружном центре назрела необходимость строить типовое помещение библиотеки на 150 тыс. томов, т. к. в настоящих условиях негде организовать нотно-музыкальный, краеведческий отделы» [8. Л. 99–104].

Велась большая работа по изучению и подготовке фондов к объединению, была обозначена схема движения книги внутри ЦБС, а также шла работа по составлению справочного аппарата. В помощь библиотекарям методистами окружной библиотеки созданы книжные выставки, проводились семинары, школы передового опыта, организован университет библиотечных знаний, систематически проводились политинформации. Сотрудники библиотек проходили профессиональную переподготовку и повышение квалификации в библиотеках Тюменской области. Среди библиотек было широко распространено социалистическое соревнование, наставничество. Итоги проведения централизации освещались в окружных, областных и профессиональных изданиях [9. Л. 2–38].

Окружная газета «Ленинская правда» писала, что на базе окружной библиотеки состоялся трехдневный областной семинар-практикум заведующих городскими и районными библиотеками по изучению опыта централизации библиотечного обслуживания в г. Ханты-Мансийске.

На семинаре присутствовали библиотекари Тюмени, Ишима, Ялуторовска, Тобольска, Салехарда, городов и районов округа.

На семинарах, на занятиях Школы передового опыта обсуждали проблемы комплектования фондов, обслуживания читателей в новых условиях и др. Приведем некоторые темы: «Организационная перестройка сети городских библиотек в условиях централизации» (Н. В. Лангенбах); «Организация обслуживания читателей при централизованной системе» (М. Н. Мадьярова); «Мероприятия подготовительного периода при переходе к централизации» (Л. М. Осинцева); «Система каталогов в условиях централизации» (В. Калашникова); «Справочный аппарат в помощь

комплектованию» (А. К. Саитова); «Организация работы отдела комплектования и обработки»; «Учет и обработка литературы»; «Создание фондов детской литературы». Обозначена схема пути книги в ЦБС Ханты-Мансийска.

По завершении эксперимента по централизации в Ханты-Мансийске (1975) на базе окружной библиотеки решением Исполнительного Комитета Ханты-Мансийского окружного Совета депутатов трудящихся за № 110 от 16.06.1976 г. была создана первая в округе Ханты-Мансийская городская ЦБС. Сохранив статус окружной библиотеки, она стала и центральной городской библиотекой. В ЦБС вошли: окружная библиотека, детская окружная, библиотека-филиал № 1, библиотека-филиал № 2. Директором городской ЦБС назначена Нина Викторовна Лангенбах [10. Л. 15].

С созданием ЦБС созданы следующие отделы: отдел комплектования – 5 чел.; методический отдел – 6 чел.; справочно-библиографический отдел – 2 чел.; отдел обслуживания – 5 чел.; отдел нестационарных форм обслуживания, куда входило 30 передвижек, книгохранение и МБА, – 2 чел.; детский отдел – 5 чел.; филиал № 1 – 2 чел.; филиал № 2 – 1 чел.; филиал № 3 – 1 чел.

В таком виде ЦБС функционировала до 1994 г. В Распоряжении № 57-р главы администрации Ханты-Мансийского автономного округа от 18.01.1994 г. «О реорганизации Ханты-Мансийской централизованной библиотечной системы» дана информация: Ханты-Мансийскую централизованную систему преобразовать в городскую ЦБС и передать в ведение администрации г. Ханты-Мансийска. Библиотеку им. Н. К. Крупской считать самостоятельной государственной библиотекой универсального профиля окружного подчинения. Окружную детскую библиотеку передать на баланс городского отдела культуры в городскую ЦБС. Перевод работников ЦБС провести согласно КЗоТ РФ в связи с реорганизацией и изменением подчиненности [11. Л. 1].

Конечно же, решающая роль в реализации данной программы принадлежит библиотекарю. Кардинальные преобразования в сфере библиотечного дела вызваны изменениями в содержании, формах и методах обслуживания читателей, переходом к новым информационным технологиям, использованием централизованных методов хозяйственной деятельности. Все эти изменения требуют ... библиотекаря нового типа, обладающего высоким уровнем профессионализма, общей культурой, культурой общения. Кадровая политика была направлена на привлечение специ-

алистов, имеющих профессиональное образование, выпускников средних и высших учебных заведений.

Листая пожелтевшие страницы архивных документов, смело можно констатировать факт: окружная библиотека приглашала и открывала двери библиотек округа для выпускников средних учебных заведений и институтов культуры Ленинграда, Челябинска, Кирова, Улан-Уде, Иркутска, Киева, Тобольска и других городов России. В 1970-е гг. окружная библиотека пополнилась молодыми кадрами: Валентина Ивановна Чернышова, Галина Дмитриевна Чукомина (Шишкина), Нина Ивановна Смирнова (Федосеева), Татьяна Владимировна Пуртова (Бисс), Ольга Николаевна Змановская (Сухушина), Мария Николаевна Мадьярова (Харина), Галина Кузьминична Шагут и др. На протяжении многих лет эти сотрудники были верны своей профессии и внесли огромный вклад в развитие библиотечного дела в округе.

В отчете за 1974 г. читаем: «На 01.01.1975 г. в ЦБС города работают 17 человек, имеющих высшее и среднее специальное образование – 13 (75 %), среднее педагогическое – 3, учатся заочно – 1 человек. В системе политического просвещения занимается 12 человек. В университете библиотечных знаний занимается весь коллектив. Ежедневно проводятся политинформации, политинформатор – Р. И. Конева, библиотекарь филиала № 1. За последние годы (1970–1974) заметно возросла роль библиотеки в культурной жизни города: сотрудники библиотеки Т. В. Бисс (Пуртова), А. Ю. Андреева – лекторы общества «Знание»; старший библиотекарь Э. П. Захарова, А. Ю. Андреева – члены местного комитета; заведующая методическим отделом В. И. Калашникова – пропагандист. По итогам социалистического соревнования среди отделов и библиотек первое место присуждено отделу обслуживания окружной библиотеки, заведующая отделом М. Н. Мадьярова» [12. Л. 85].

Подводя итог эксперимента, Н. В. Лангенбах писала: «...Конечно, прежде всего, это вопрос кадров. Без преувеличения скажу, что если нам и удался эксперимент, то только потому, что подавляющее большинство библиотечек имеет высшее образование».

Легендарной личностью стала Нина Викторовна Лангенбах. Годы ее работы в библиотеке с 1960 по 1986 называют эпохой Лангенбах. Это пример того, что от личности зависит многое. Ее деятельность – яркая значимая страница не только в истории окружной библиотеки, но и библиотечного дела округа. Именно в эпоху Лангенбах были заложены основы той библиотеки, которую имеют наши читатели сегодня.

Руководствуясь Постановлением ЦК КПСС «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе», библиотекари Ханты-Мансийска ставили перед собой задачу более полного использования книжных фондов, улучшения методического руководства библиотеками всех ведомств через Межбиблиотечную комиссию, активизировать пропаганду литературы к 30-летию Победы в Великой Отечественной войне, Международному году женщины, 150-летию восстания декабристов, 70-летию первой русской революции и т. д. Информационная деятельность направлена на обслуживание групп специалистов: педагогов, медицинских работников, работников пищевой и легкой промышленности, строителей, работников торговли и пр. Внедрялись Дни информации, устные журналы, кинолектории и научно-практические конференции для молодежи. Еще одна задача – привлечь к пропаганде книг широкий читательский актив. В ЦБС получала развитие справочно-библиографическая и информационная работа: создавался единый справочный аппарат на фонд ЦБС, активизировалась краеведческая работа, нестационарные формы работы (передвижки) [13. Л. 87].

Стремление библиотекаря довести книгу до каждого рабочего побудило коллектив организовать сеть пунктов выдачи и передвижек на предприятиях и учреждениях города. На 01.01.1976 г. в системе работали 22 библиотеки-передвижки и 15 пунктов выдачи. Передвижки функционировали в горпищекомбинате, СИБ-НИИРХе, Доме ребенка, тубдиспансере, детском саду № 8, в четырех отделениях окружной больницы. Организованы передвижки в сейсмических партиях, которые работали в поле, на нефтебазе, в ПМК ОблРПС, узле связи, горрыбкоопе, электростанции, ОМК, на ферме Горная, в КБО, АТП [14. Л. 88].

Подводя итоги последнего года IX пятилетки и завершение проведенного эксперимента (1975), были составлены показатели эффективности: выдано 194849 экз. книг, что на 9,5 тысячи больше, чем в 1974 г.; обслужено читателей – 7558; читаемость – 25,7; посещаемость – 7,5; обращаемость фонда – 1,6; фондами ЦБС (МБА) пользовались 61 районная, городская и сельская библиотеки; им выслано 23 098 экз. книг.

Итак, что же дала централизация в первую очередь читателям. Приведем выдержки из статьи Н. В. Лангенбах «Книга на буровой, или о некоторых результатах одного эксперимента»: «...При такой структуре легко собрать книги по строительству в филиале № 1, геофизическую – в городской библиотеке

№ 2, по ремонту сельскохозяйственной техники – в библиотеке № 3. ...Прежде всего, при новой организации дела выиграл читатель, потому что теперь он абсолютно не связан книгопользованием с местом жительства. Двери всех библиотек распахнуты для него. А если трудно сориентироваться, иди за помощью к библиографу в центральную библиотеку (там сводный алфавитный каталог)» [15. С. 3].

Изучив опыт библиотек г. Ханты-Мансийска, областным управлением культуры был издан приказ о создании Школы передового опыта по изучению централизации библиотек № 166 от 9 сентября 1976 г. «Об утверждении баз передового опыта по централизации государственных массовых библиотек на базе Ишимской и Ханты-Мансийской городских и Казанской сельской центральных системах» [16. Л. 16].

С целью оказания практической помощи в библиотеку были направлены примерное положение о Школе передового опыта (ШПО), анкета изучения эффективности работы ШПО, паспорт, а также порядок выявления и внедрения передового опыта, разработанный на основе методического письма ГПБ им. Салтыкова-Щедрина. Как уже говорилось выше, ШПО успешно работала, в семинарах принимали участие сотрудники библиотек как округа, так и Тюменской области [17. Л. 99].

Например, один из семинаров проходил с 20 по 23 мая 1975 г. Окружная газета «Ленинская правда» писала, что на базе окружной библиотеки состоялся трехдневный областной семинар-практикум заведующих городскими и районными библиотеками по изучению опыта централизации библиотечного обслуживания в г. Ханты-Мансийске.

На семинаре присутствовали библиотекари Тюмени, Ишима, Ялуторовска, Тобольска, Салехарда, городов и районов округа [18. С. 3].

Задолго до окончания эксперимента (а он длился пять лет), до создания Школы передового опыта, а также до создания ЦБС в г. Ханты-Мансийске в адрес окружной библиотеки на имя директора Н. В. Лангенбах пришло письмо-рекомендация с предложением провести централизацию крупных библиотек округа, указав сроки перехода [18. Л. 36]. Отвечая на это письмо, Н. В. Лангенбах не только согласилась, но и предложила свой разработанный график перевода библиотек на централизованную систему обслуживания городских и районных библиотек округа [19. Л. 52].

Таблица № 1

**Сроки проведения централизации
библиотек в округе**

№ п/п	Место проведения централизации	Сроки проведения
1.	г. Ханты-Мансийск	1974–1975 гг.
2.	г. Урай	1974–1975 гг.
3.	г. Сургут	1975–1976 гг.
4.	г. Нижневартовск	1976–1977 гг.
5.	г. Нефтеюганск	1974–1975 гг.
6.	Березовский район	1976–1977 гг.
7.	Ханты-Мансийский район	1976–1977 гг.
8.	Кондинский район	1978–1979 гг.
9.	Октябрьский район	1978–1979 гг.
10.	Нижневартовский район	1975–1976 гг.
11.	Сургутский район	1979–1980 гг.
12.	Советский район	1979–1980 гг.

Одновременно с созданием ЦБС в Ханты-Мансийске, под руководством Н. В. Лангенбах, на централизованную систему обслуживания населения перешли практически все библиотеки округа. Постепенно в округе образовалась сеть библиотек, куда вошли городские, районные, сельские библиотеки. Несмотря на не столь многочисленный штат, сотрудники библиотеки оказывали методическую и практическую помощь коллегам в отдаленных населенных пунктах округа.

В 1970-е гг. в округе шло интенсивное освоение нефтяных и газовых месторождений, что повлияло на строительство новых поселков, население в городах стремительно росло. У населения возникла необходимость в книге, библиотеке.

Необходимо отметить, что в районах, приравненных к Крайнему Северу, где расстояние между населенными пунктами насчитывало сотни и тысячи километров, отсутствие транспортной и телефонной связи, непредсказуемые метеоусловия, значительно затрудняли какие-либо действия, но сотрудники окружной библиотеки без внимания не оставляли самые дальние районы, поселки. В округе шел интенсивный процесс открытия библиотек, обслуживания читателей. Таким образом, с 1970 по 1979 гг., на период проведения эксперимента и перевода библиотек на центра-

лизованное обслуживание, в округе открыто 47 общедоступных библиотек, штат сотрудников увеличился с 148 до 448 человек.

Но это уже совершенно другая история, требующая детального изучения.

Обобщая опыт прошлых лет, следует отметить, что о результатах централизации библиотек, возможно, объективно могут рассуждать те, кто стоял у истоков ее создания и прошел путь к совершенствованию системы.

Теоретики и практики библиотечного дела расходятся во мнениях: первое – была ли централизация благом для библиотек и читателей, второе – эти преобразования не внесли каких-либо существенных изменений. Эти сомнения породили новые сомнения и споры. Обсуждают о воплощении в жизнь идеи создания в стране сети библиотек и единстве библиотечной системы. Библиотекари и исследователи библиотечного дела продолжают вести дискуссии в данном направлении деятельности.

Не будем вдаваться в глубину этой проблемы и согласимся с авторитетным мнением К. И. Абрамова – профессора, доктора педагогических наук, известного библиотековеда, который писал: *«Объединение ранее самостоятельно существовавших государственных библиотек в единую систему, центральная библиотека и филиалы с общим книжным фондом, штатом работников, централизованным комплектованием и обработкой произведений печати, с единым административным и методическим руководством, в основном дало положительные результаты»* [20. С. 117].

Прислушаемся еще и к мнению Евгения Фенелона, научного сотрудника РГБ, кандидата педагогических наук: *«...в современных условиях ЦБС, в совокупности всех ее модификаций, действительно представляет собой более совершенную форму организации библиотечного обслуживания, способную обеспечить эффективное использование выделяемых на библиотеки средств в интересах населения»* [21. С. 70].

Использованная литература и источники:

1. Абрамов К. И. История библиотечного дела в России. – М., 2001. – Ч. 2. – С. 116.
2. Абрамов К. И. История библиотечного дела в России. – М., 2001. – Ч. 2. – С. 116.
3. Абрамов К. И. История библиотечного дела в России. – М., 2001. – Ч. 2. – С. 117.

4. Глазков М. История одной идеи. О значении исторических исследований : централизация библиотечного дела // Библиотековедение. – 2008. – № 13. – С. 24.
5. ФАММ ГБЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 05–04. Л. 94–95.
6. ФАММ ГБЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 05–04. Л. 96–98.
7. ФАММ ГБЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 02–03. Т. 2. Л. 96–97.
8. ФАММ ГБЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 05–04. Л. 99–104.
9. ФАММ ГБЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 05–04. Л. 2–38.
10. ФАММ ГБЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 01–05. Л. 15.
11. ФАММ ГБЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 05–04. Л. 1.
12. ФАММ ГБЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 03–06. Л. 85.
13. ФАММ ГБЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 03–06. Л. 87.
14. ФАММ ГБЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 03–06. Л. 88.
15. Лангенбах Н. Книга на буровой, или История одного эксперимента // Тюменский комсомолец. – 1974. – 15 февр. – С. 3.
16. ФАММ ГБЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 01–05. Л. 16.
17. ФАММ ГБЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 05–04. Л. 36.
18. Областной семинар библиотечных работников // Ленинская правда. – 1975. – 23 мая. – С. 3.
19. ФАММ ГБЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 05–04. Л. 52.
20. Абрамов К. И. История библиотечного дела в России. – М., 2001. – Ч. 2. – С. 117.
21. Фенелонов Е. Централизованные библиотечные системы и местное самоуправление // Библиотековедение. – 1999. – № 3. – С. 70.

Редкий фонд и коллекции Государственной библиотеки Югры

*Анастасия Юрьевна Микурова,
главный библиотекарь
сектора редкой книги и коллекций
БУ «Государственная библиотека Югры»,
г. Ханты-Мансийск*

В 2001 г. в Государственной библиотеке Югры был создан сектор отечественных и региональных рукописных и печатных памятников (ныне сектор редкой книги и коллекций отдела хранения основного фонда), имеющий региональный статус. Сектор ведет сбор, хранение и изучение коллекций, книжных памятников, популяризации историко-книжных знаний, а также организационно-методическую, книговедческую и консультационную работу. В настоящее время фонд сектора составляет 8100 единиц хранения. Период охвата – с конца XVIII в. по настоящее время.

В фонде широко представлены отечественные издания, в т. ч. факсимильные. Например, «Географический атлас» (1784), «Специальная карта Западной Сибири», издания 1919–1927 гг. и др.

Фонд сформирован на основе коллекционного принципа и состоит из ряда тематических и частных коллекций. Комплектуется он на основе приобретений у частных лиц (покупка, дар), отбора из основного фонда библиотеки, по источникам издательско-книговедческой библиографии. Каждая из коллекций содержит богатейший материал для изучения различных аспектов истории и общественной жизни. Например, в тематической коллекции научной библиотеки Обь-Тазовского отделения СибрыбНИИпроекта хранятся книги, связанные с изучением рыбного хозяйства Обь-Иртышского бассейна.

Одна из старейших научных организаций в городе – Ханты-Мансийский НИИ водных биоресурсов и аквакультуры – филиал ФГУП «Госрыбцентр» – действует с 28 октября 1927 г., она была организована постановлением Совнаркома о создании постоянно действующей Обско-Тазовской рыбохозяйственной станции в Обь-Иртышском бассейне. С 1930 г. она становится постоянно действующим учреждением в составе ЦНИИРХа (Центральный научно-исследовательский институт рыбного хозяйства). С 1932 г. станция переподчинена ВНИРО (Всесоюзный научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии).

С 1937 г., получив статус отделения, перешла в ведение ВНИОРХа (Всесоюзный научно-исследовательский институт озерного и речного рыбного хозяйства), с 1964 г. она стала отделением СибНИИРХа (Сибирский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства), а с 1974 г. – СибрыбНИИпроекта. На протяжении многих лет институт занимается вопросами воспроизводства и рационального использования рыбных ресурсов, биологией обитателей рек и озер округа.

Часть этого библиотечного фонда, богатого книжными редкостями, была передана в дар нашей библиотеке. Это книги по гидрологии, геофизике, биологии, океанографии. Среди них «Вестник рыбопромышленности» (1910), «Рыбная промышленность СССР» В. М. Шпарлинского (1959), издания справочного характера: «Сибирская энциклопедия» (1930–1931), «Настольный энциклопедический словарь братьев Гранат» (нач. XX в.). Особую ценность представляют издания краеведческого содержания, вышедшие на территории Тобольской губернии в XIX – начале XX вв.: «Тобольский Север» А. А. Дунина-Горкавича, несколько выпусков «Ежегодника Тобольского губернского музея» и др. Бывший директор Обь-Тазовского отделения СибрыбНИИпроекта Е. К. Андриенко поддержал намерение окружной библиотеки переиздать труд Дунина-Горкавича и подарил библиотеке недостающий том «Тобольского Севера». Благодаря этому появился трехтомник, изданный репринтным способом в 1995–1996 гг.

Особо ценными изданиями редкого фонда являются книги XIX в. В основе коллекции – книги, полученные в дар от Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. Имена прежних их владельцев хорошо известны краеведам и книголюбам. Это Алексей Степанович Суханов – общественный деятель, основатель публичной библиотеки в г. Тобольске, Николай Мартемьянович Чукмалдин – тюменский купец, меценат. С его именем связаны многие события в Тюмени – открытие Народного дома, музея и бесплатной библиотеки. На одном из номеров журнала «Русская старина» имеется штамп «Н. М. Чукмалдин».

Самые ранние издания в коллекции XIX в. – два тома Н. М. Карамзина «История государства Российского», датированные 1842 и 1843 гг.: «История умственного развития Европы» Д. В. Дрэпера, профессора химии и физиологии Нью-Йоркского университета (издана в Санкт-Петербурге в 1886 году), многотомное издание Э. Реклю «Земля и люди. Всеобщая география», выходявшее в 1876–1894 годах, книга Джаншиева «Эпоха вели-

ких реформ. Исторические справки», которая вышла в Москве в 1896 г. шестым дополненным изданием, что говорит о ее популярности в то время. Эти книги прекрасно изданы: тисненый золотом кожаный переплет, большое количество иллюстраций. Самое красочное, богато иллюстрированное издание коллекции – трехтомник 1896 г. «Мужчина и женщина», вышедший в Санкт-Петербурге.

В фонде библиотеки есть небольшая коллекция книг, вышедших в годы войны, – всего 28 изданий. В составе ее известная работа П. К. Животикова по грамматике хантыйского языка. Широко представлены первые и прижизненные издания произведений выдающихся общественных деятелей, ученых, писателей, в частности, сочинения В. И. Ленина из библиотеки Я. М. Розниной, первого председателя Остяко-Вогульского окрисполкома. В 1991 г. эти книги с пометками владельца были переданы его дочерью Б. Я. Розниной (Ивановой) в партийную библиотеку Дома политпросвещения, у нас они оказались в 1992 г. после ликвидации этой библиотеки.

В фонде библиотеки есть и такие книги, которые могут уместиться на ладони человека – миниатюрные издания. Формирование этой коллекции началось в 1970-е годы с разовых приобретений и подарков читателей. Коллекция насчитывает более 300 книг, среди которых самая маленькая – сборник А. С. Пушкина «О Москве» – имеет размеры 3х3 мм.; самая «старая» – «Конституция СССР», изданная в 1957 г.

Наиболее известную и ценную часть фонда составляют частные книжные коллекции. Крупнейшая из них приобретена у Ф. Р. Штильмарка – биолога-охотоведа, доктора биологических наук, члена редколлегий журнала «Природа и охота» и альманаха «Охотничьи просторы». В ней свыше 3000 единиц хранения: книги, брошюры, периодические издания. Основные темы коллекции – организация и развитие заповедников в Сибири и на Урале, защита дикой природы, охота. В коллекцию вошла диссертация Ф. Р. Штильмарка на соискание ученой степени доктора биологических наук «Анализ эволюции системы государственных заповедников РФ» с автографом «Библиотеке Ханты-Мансийска от автора».

Коллекция Евдокии Ивановны Ромбандеевой, доктора филологических наук, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного работника образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, крупнейшего специалиста по

языку, фольклору и этнографии народа манси, включает в себя более тысячи изданий по финно-угорскому языкознанию, фольклористике народов ханты и манси, переводы классиков русской литературы на национальные языки и ее собственные труды по лингвистике, фольклору и этнографии и переводы на мансийский язык произведений С. Михалкова, А. Гайдара, В. Маяковского.

Значительное место в коллекции Е. И. Ромбандеевой занимают монографии, авторефераты диссертаций, учебная литература, словари, необходимые для научной работы. Ярко характеризует круг ее научных интересов перечень имен авторов работ, входящих в собрание: И. И. Мещанинов, В. Я. Пропп, А. А. Холодович, В. И. Кодухов, Н. М. Терещенко, В. А. Аврорин, П. Я. Скорик, Б. А. Серебренников, Р. М. Баталова. Со многими из них Евдокия Ивановна работала в Москве и Ленинграде.

Интересна коллекция Новомира Борисовича Патрикеева – журналиста, писателя, краеведа, заслуженного работника культуры РСФСР, академика Петровской академии наук и искусств, заслуженного деятеля науки Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, почетного читателя Государственной библиотеки Югры. Большая часть собранных им книг – о природе края и охоте. Коллекция насчитывает более 758 изданий – это книги по истории Сибири, Ямала, общественно-политическая и художественная литература, брошюры, периодические издания (журналы «Охота», «Охота и природа», «Охотник»), видеокассеты. Новомир Борисович интересовался историей земледелия в Обском Приполярье, молодежным и детским движением на Севере Западной Сибири, историей комсомола Севера. Итогом этого исследования стали работы «В вихрях времени: комсомол Северо-Западной Сибири: очерк истории (1918–1945)» (Ханты-Мансийск, 1998), «Молодежь в летописи открытий» (Ханты-Мансийск, 2003), «Молодежь Севера в годы послевоенных пятилеток (1945–1958)» (Ханты-Мансийск, 2008), «Югра: вехи жизни» (Ханты-Мансийск, 1995), «Ямал: страницы былого» (Салехард, 1995).

Коллекция Геннадия Ивановича Бардина, бывшего сотрудника Арктического и Антарктического научно-исследовательского института, кандидата географических наук, посвящена природе и животному миру полярного Севера, в ней – книги на русском, французском, японском и немецком языках. Есть в ней особо ценные экземпляры: «Арктический заповедник «Остров Врангеля» Б. Кестера с дарственной надписью автора и экслибрисом с изображением острова Врангеля и «Сюрпризы моря» Ж.-И. Кусто с вклеенной фотографией Г. И. Бардина и Ж.-И. Кусто.

Валерий Константинович Белобородов, журналист, основатель и первый редактор журнала «Югра», подарил коллекцию книг по истории декабристского движения в России – издания иркутской серии «Полярная звезда» («Записки декабриста» А. Е. Розена (1984), «Материалы о жизни и революционной деятельности» С. П. Трубецкого (1983 и др.), сборники «Сибирь и декабристы», «Декабристы в Сибири», словари русских говоров Сибири и др.

Собрание коллекции Светланы Павловны Кононовой, преподавателя хантыйского и русского языков, русской литературы, детской литературы и выразительного чтения в Ханты-Мансийском педагогическом училище, участницы создания школьных учебников, автора более 10 научных статей по хантыйскому языку и лексикографии, представлено словарями и учебниками хантыйского, мансийского, русского языков, художественной литературой.

О коллекции Людмилы Сергеевны Рафиенко уже говорилось в докладе Г. Я. Фетисовой. В ней есть такие редкие издания, как «Сокращенная английская история от древнейших до нынешних времен» Г. Купера (1790), книга «О надзирателях при воспитании из энциклопедии» (1770), научные труды С. В. Бахрушина, «История Сибири» в 5 томах, справочники по государственным архивам, сборники материалов различных конгрессов и симпозиумов и др.

Работа с редкими книгами и коллекциями основывается на регламентирующих документах, обеспечивающих сохранность фондов. На каждую книгу и коллекцию составляется паспорт в базе данных «Редкая книга», в котором указываются краткие сведения о книге, владельце (частном лице или учреждении), источнике поступления, тематике, языковой характеристике, хронологических границах и др. На каждое редкое издание заполняется лист сохранности, который является типовым паспортом для контроля за состоянием документа в процессе использования; на листке сохранности отмечено наличие страниц, иллюстраций, вкладышей, карт, схем, а также имеющиеся повреждения.

Для коллекций созданы особые условия хранения. Помещение оборудовано системой кондиционирования и увлажнения, что позволяет поддерживать условия хранения редких изданий в соответствии с современными нормативами и ГОСТами. В целях защиты изданий и рукописей от внешних воздействий соблюдается световой режим хранения. Стеллажи находятся таким обра-

зом, что на них не попадает прямой свет от ламп и солнца. Документы хранятся в тонированных застекленных шкафах, которые периодически открываются для проветривания.

В настоящее время доступный для нас способ сохранить издания – это поместить и хранить их в специальные коробки из бескислотного картона. Такая фазовая консервация повышает долговечность документа и его износостойкость вследствие ослабления влияния внешней среды (света, влаги, пыли, микроорганизмов) и уменьшения нагрузок при использовании документа. О тех книгах, которые уже помещены в коробки, можно говорить, что их состояние при визуальном осмотре не ухудшается, и они будут в сохранности десятки лет. Ведется работа по реставрации редких книг и коллекций, научно-исследовательская и научно-методическая деятельность. Отдел координирует работу библиотек региона по изучению их книжных собраний, оказывает научно-консультационную помощь.

Сотрудниками сектора ведется постоянная работа по раскрытию и изучению редкого фонда библиотеки. Создаются аналитические библиографические записи из сборников и периодических изданий сектора в базах данных.

Богатство своих фондов сектор редкой книги и коллекций стремится раскрыть через выставки. Книги экспонируются в застекленных герметичных витринах, организуются открытые просмотры и обзоры для студентов и преподавателей. Интерес к таким мероприятиям среди читательской аудитории растет, т. к. дается возможность читателям и посетителям увидеть практически все хранимые здесь раритеты.

Документы из фонда редких книг выдаются пользователям преимущественно для научно-исследовательской деятельности. Работа с ними проходит в читальном зале, на дом редкие книги не выдаются, по МБА не высылаются, ксерокопированию подлежат только копии оригиналов. Исследовательская работа сотрудников отдела направлена в первую очередь на описание коллекций. На каждую коллекцию составляется каталог. На сайте Государственной библиотеки Югры в разделе «Ресурсы» размещена информация о каждой коллекции. Кроме этого, в библиотеке ведутся работы по созданию цифровых копий уникальных книг. Работа по выявлению редких книг продолжается, планируется подготовка сводных материалов коллекций книг библиотек региона.

Формирование фонда редкой книги персональными коллекциями. Коллекция книг Людмилы Сергеевны Рафиенко

*Галина Яковлевна Фетисова,
заведующая отделом хранения основного фонда
БУ «Государственная библиотека Югры»,
г. Ханты-Мансийск*

За долгую историю Государственной библиотеки Югры, со дня ее основания в 1934 г. до настоящих дней, сформирован книжный фонд, часть которого по праву можно назвать редким. Фонд редких и ценных изданий Государственной библиотеки Югры был выделен в составе основного книгохранения в 2001 г. Это явилось результатом книговедческих исследований, активной работы по выявлению и систематизации ценных отечественных и краеведческих документов, созданию каталогов редких книг и коллекций.

Результатом выявления редких книг явилось то, что основу фонда составили бесценные книжные собрания частных лиц, фонды книг отдельных организаций, книги с автографами и приобретенные через букинистические магазины. Это издания конца XVIII – середины XX вв.

Владельческие коллекции редких книг представлены автографами ученых, писателей, общественных деятелей, владельцами частных библиотек. Среди книг издания в основном на русском, немецком, английском языках. Книги, вышедшие после 1840 г., представлены прижизненными и первыми посмертными изданиями выдающихся ученых и исследователей (А. Брема, Н. М. Карамзина, Э. Реклю и др.). Книги первой половины XX в. представлены произведениями русских и зарубежных классиков (А. С. Пушкина, А. П. Чехова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, У. Шекспира, Ф. Шиллера), основоположников марксизма-ленинизма (В. И. Ленина, И. В. Сталина), а также энциклопедическими, справочными и миниатюрными изданиями.

Среди книг редкого фонда – издания типографий А. Ф. Маркса, А. С. Суворина, А. Ф. Дресслера, К. Биркенфельда, Императорской Академии наук, Suomalais-Ugrilainen seura, М. М. Стасюлевича, М. и С. Сабашниковых, В. С. Соколовой, Академии наук СССР,

а также Учпедгиза, «Художественной литературы» и др. Есть несколько тематических коллекций: миниатюрные издания (в их числе отдельные произведения А. С. Пушкина), книги «Клуба литературные встречи», коллекция «библиографа», книги из научной библиотеки Обь-Тазовского отделения СибрыбНИИпроекта. Особую ценность этой коллекции представляют издания краеведческого содержания и вышедшие на территории Тобольской губернии в XIX – начале XX вв.: несколько выпусков «Ежегодника Тобольского губернского музея», «Тобольский Север» А. А. Дунина-Горкавича. На некоторых книгах есть пометки владельцев: К. В. Новицкого – сотрудника Тобольского губернского музея, М. П. Копотилова – историка, одного из руководителей краеведческого движения на Тобольском Севере, М. П. Тарунина – работника Тобольского губернского музея и др.

Коллекция «Частные библиотеки» состоит из 10 владельческих собраний книг из личных библиотек ученых, краеведов, общественных деятелей, педагогов. На все коллекции составлены каталоги, вышедшие в разных издательствах. Формирование фонда сектора редкой книги и коллекций собраниями книг из частных библиотек является приоритетным. В фонде собираются и хранятся книги с дарственными надписями от частных лиц. Мы видим, что человек пожертвовал одну, вторую, третью книгу и продолжает это делать, и принимаем решение сформировать из этих книг коллекцию. Таким образом, в библиотеке начали формироваться коллекции В. К. Белобородова и Н. Б. Патрикеева. Однако мы принимаем не все подряд.

Можно выделить несколько критериев, по которым происходит отбор книг из частных библиотек. Книги должны соответствовать профилю комплектования библиотеки и быть востребованы читателями и пользователями, раскрывать историю, науку, социально-экономическое, культурное развитие Западной Сибири, Тюменской области, Тобольской губернии и Ханты-Мансийского автономного округа, не дублировать издания, имеющиеся в библиотеке.

Библиотеке жертвуют книги наши гости и чаще всего ставят на книгах дарственную надпись. Эти издания также попадают в сектор редкой книги и коллекций – в коллекцию книг с автографами. Общаясь с краеведами, историками, мы продолжаем узнавать о людях, которые имеют личные библиотеки, представляющие для нас интерес, и ведем с ними переговоры на предмет приобретения в фонд.

Расскажу о коллекции Людмилы Сергеевны Рафиенко, кандидата исторических наук, исследователя истории, культуры Урала и Сибири. Она предоставила библиотеке список книг, из которого мы отобрали необходимые нам издания. Собиралась экспертно-закупочная комиссия, обсуждала и оценивала каждую книгу. Как показало время, приобретенные книги востребованы нашими читателями.

Людмила Сергеевна после окончания исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова уехала на работу в Сибирь. В 1968 г. защитила диссертацию «Управление Сибирью в 20–80-е гг. XVIII века» на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Неопубликованная ее диссертация – первый в досоветской и советской историографии опыт исследования областного управления Сибирью – до сих пор сохранила актуальность и ныне считается классической. Сибиреведение было и остается смыслом жизни Людмилы Сергеевны, она продолжает писать статьи и очерки по истории и культуре Сибири, о выдающихся сибиряках.

Работала Людмила Сергеевна старшим научным сотрудником научно-исследовательского института культуры (ныне – Российский институт культурологии) Министерства культуры РСФСР и Академии наук СССР и была одним из основателей научно документированного описания памятников. Несколько лет ездила по Куйбышевской, Пермской, Свердловской, Челябинской, Архангельской, Воронежской и Омской областям, Алтайскому краю, выявляла памятники истории и культуры, разрабатывала принципы и правила описания их, искала авторов и руководила исследованиями. Благодаря ее усилиям на государственный учет были поставлены десятки памятников истории и культуры, а в научный оборот введены новые, неизвестные до этого сведения о выдающихся российских деятелях истории и культуры.

Л. С. Рафиенко опубликовала множество научных работ – тезисов докладов и статей в журналах, сборниках и энциклопедиях, подготовила к изданию десятки архивных документов, в т. ч. ценный источник по истории Урала и Прикамья – знаменитый «Пермский некрополь», составленный генеалогом и краеведом В. В. Голубцовым.

Коллекция включает в себя 600 наименований изданий по истории Сибири, Урала, Поволжья и Черноземья, которые условно можно разделить на несколько подфондов: книги по источниковедению, истории, авторефераты диссертаций, учебные издания, справочники и путеводители, библиографические указатели.

Наибольший интерес из всех изданий библиотеки представляют книги по источниковедению Сибири. В библиотеке было всего несколько изданий по источниковедению, теперь этот список значительно расширился. Эти книги представляют интерес в первую очередь для историков и краеведов. Изучая их, можно обнаружить неизвестные до сегодняшнего дня источники, в т. ч. и по истории нашего округа.

Большую ценность представляют библиографические пособия и указатели по Сибири и отдельным территориям, а также по материалам архивов и указатели работ известных ученых. Ранее мы имели в фонде библиотеки только указатель по Сибири М. К. Азадовского и тематические указатели по Западной Сибири второй половины XX века. На сегодняшний день у нас есть полное собрание «Сибирской библиографии» В. И. Межова, аннотированные указатели по «Истории СССР», персональные библиографические указатели литературы ученых и писателей (А. П. Окладникова, С. У. Ремезова и др.).

Богато представлена учебная и справочная литература по работе с историческими памятниками, по выявлению и описанию памятников, архивоведению, историческому краеведению, охране культурного наследия и т. д. Мы получили возможность работать со справочниками и путеводителями по государственным архивам и архивным фондам РСФСР, СССР и отдельным территориям.

Авторефераты диссертаций представляют широкий спектр тем изучения Западной Сибири: обрабатывающая промышленность Западной Сибири, ее население в 30–80-х гг. XVIII в., городские сословия Тобольской губернии, местное управление и др.

Представлять книги из коллекции можно еще и еще, содержание их многообразно раскрывает историю и культуру сибирской территории, поэтому предлагаю познакомиться с каталогом коллекции, который также представлен на сайте Государственной библиотеки Югры в разделе «Ресурсы» – «Коллекции».

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителя	3
Хрисанф Лопарев и село Самарово: исследования и документы	
<i>Уроженец села Самарово Х. М. Лопарев – выдающийся российский ученый.</i> Рафиенко Л. С.	6
<i>Х. М. Лопарев и Императорское Православное Палестинское Общество</i> Цысь В. В., Цысь О. П.	16
<i>Тобольские родственники Х. М. Лопарева: материалы к родословной</i> Белобородов В. К.	30
<i>Книга Х.М. Лопарева «Самарово – село Тобольской губернии и округа»: взгляд лингвиста</i> Ефимова И. Н.	36
<i>Самаровское сельское приходское училище по воспоминаниям Х. М. Лопарева</i> Шуляк Е. В.	42
<i>Жена и дочь П. И. Лопарева: личная переписка с учащимися школы в 80-х гг. XX в.</i> Пуртова Л. Г.	44
<i>Барон де Бай из археологическо-этнографической экскурсии в Сибирь: по материалам архива Х. М. Лопарева</i> Пуртова Т. В.	48
<i>Православные часовни села Самарово и его окрестностей (из истории малых культовых построек края в XVIII – первой трети XX вв.)</i> Перевалов В. А.	53
<i>Некоторые факты о ликвидации Самаровской церкви Покрова Пресвятой Богородицы (по документам Государственного архива Югры)</i> Спиридонова О. А.	62

История Югры: лица, факты, даты

Результаты историко-археологических исследований на территории церкви Вознесения Господня в пос. Горноправдинск
Кениг А. В., Зайцева Е. А. 72

Из истории храма Вознесения Господня Филинского прихода
Першина М. И. 77

Языческие и постмодернистские образы в кладбищенской символике на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
Ершов М. Ф., Филипчук Д. В. 83

Род Сивковых из Денщиков
Сивков А. А. 91

Вклад Сергея Алексеевича Куклина в изучение Севера Западной Сибири
Гололобов Е. И. 95

Массовые источники о репрессиях 1930-х гг.: этнографический аспект (по материалам фондов ГАХМАО)
Лискевич Н. А. 102

Здесь больше никто не живет... (страницы истории с. Базьяны Ханты-Мансийского района)
Завьялова Л. М. 111

Фольклорное наследие иртышских хантов
Лапина М. А. 121

О древних местах обитания манси
Игушев Е. А. 126

Краеведческая деятельность библиотек, музеев и образовательных учреждений

Краеведческие чтения в Югре
Танкова Е. В. 132

Твои, Россия, сыновья!
Усачева В. А. 137

История одного эксперимента: централизация библиотек
Берендеева С. П. 142

Редкий фонд и коллекции Государственной библиотеки Югры
Микурова А. Ю. 151

Формирование фонда редкой книги персональными коллекциями. Коллекция книг Людмилы Сергеевны Рафиенко
Фетисова Г. Я. 157

Материалы IV Лопаревских чтений

(Ханты-Мансийск, 24 октября 2013 г.)

Выпускающий редактор Т.Ю. Усманова
Оператор компьютерной верстки И.В. Булатов
Корректор Т.Ю. Шарыгина
Дизайн обложки Н.А. Переверзевой

Дизайн, верстка и печать
выполнены ООО «Принт-Класс».

Подписано в печать 18.12.2013 г. Формат 60x90/16. Бумага ВХИ.
Гарнитура Cambria. Усл. печ. л. 9,53.
Тираж 500 экз. Заказ № 1169.

ООО «Принт-Класс».
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра Тюменской области
г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 68. Тел. 30-00-34.